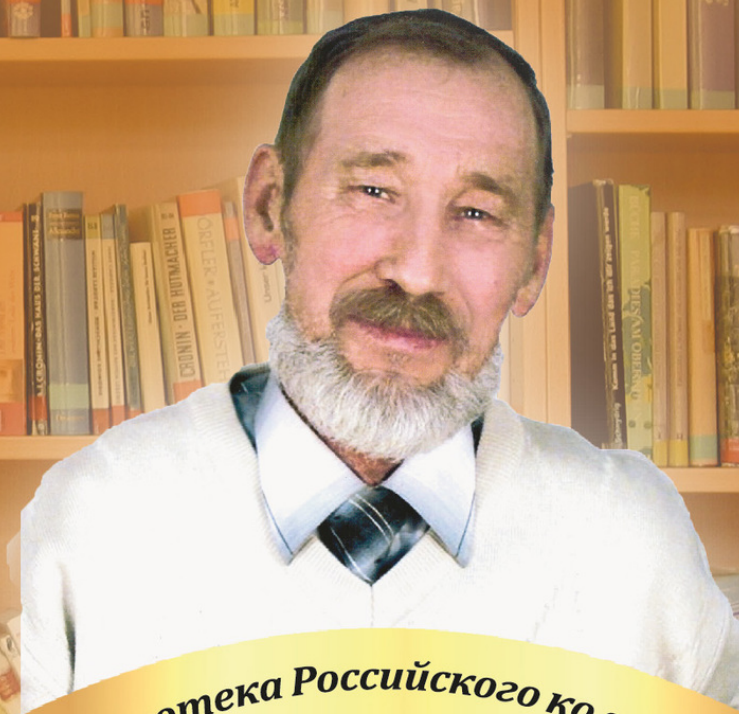

Николай
ТИМЧЕНКО

*Этюды из жизни
глубинки*
Рассказы

КНИГА ПЕРВАЯ

Библиотека Российского колокола

Издательство Интернационального Союза писателей

Библиотека журнала «Российский колокол»

Николай Тимченко

**Этюды из жизни глубинки.
Рассказы. Книга первая**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Тимченко Н. Н.

Этюды из жизни глубинки. Рассказы. Книга первая /
Н. Н. Тимченко — «ИП Березина Г.Н.», 2019 — (Библиотека
журнала «Российский колокол»)

ISBN 978-5-907042-98-8

«Приключения «калимантанца»» – рассказ о трудностях выживания пассажира авиалайнера, потерпевшего крушение и затонувшего в одном из водоёмов среди джунглей. Читателей не оставят равнодушными необычные и неожиданные, а нередко даже опасные встречи литературного героя с обитателями непривычной для россиянина местности. «Переменки» – серии рассказов и сказок. Это то немногое, что удалось восстановить по крупицам из повествований учителя трудового обучения Любомира Семёновича Померанцева. На переменках между сдвоенными уроками труда замечательный рассказчик-выдумщик поведал мальчишкам множество реальных и сказочных историй. Для учеников эти повествования учителя создавали психологический настрой для службы в армии, будоражили воображение. Из рассказов мальчишки узнавали о далёком прошлом Отечества и малой родины.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907042-98-8

© Тимченко Н. Н., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

I. Переменки	8
От автора	8
Без прикрас из первых уст	9
Часть 1	12
Негодование	12
Переросток	13
Присяга	14
Армейская проверка	15
Тоннель	15
Белый якут	16
Три капитана	17
Женитьба замполита	18
Лысый дембель	18
Спасатель	19
Многостаночники	20
Промиловался	21
Кровавая самоволка	21
Цыган	22
Грузинское вино	23
Часть 2	25
Поковинские	25
Улов	26
Бой без правил	28
В бане «по-чёрному»	29
Охота на медведя	31
Недетский детектив	33
Змейка	35
Жили и жили	36
Часть 3	38
Храбрый русич	38
Коварный мост	41
Крылатый воин	45
В ополчении Коловрата	49
Алтайская быль	51
Хождение за судьбой	53
Беглянка	54
Вечная любовь	55
II. Приключения «Калимантанца»	57
Перелёт-недолёт	57
Крушение	59
Исцеление	62
Знакомство	68
Прикосновение к ужасам	72
Пикник	75
Череда раздумий	77
Погружение в салон	79

Калимантанские встречи

80

Николай Тимченко

Этюды из жизни глубинки

© Тимченко Н. Н., 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Автор очень признателен за оказанную спонсорскую помощь Черныху Степану Семёновичу – генеральному директору компаний «Карат-Лес», Менгелю Владимиру Сергеевичу – директору «Сибирской лесоперерабатывающей компании», индивидуальным предпринимателям Олегу Александровичу, Антону Александровичу и Татьяне Александровне Филипповым.

Николай Николаевич Тимченко родился в Красноярском крае в 1950 году. Стихи для друзей пишет о школьной поре. С 2012 года его произведения тихи и проза печатались в проектах издательств Кемеровской области и в альманахах: «Истоки» г. Москва, издательство «Перо»), «Российский колокол» (Московская городская организация Союза писателей России), «Чувства без границ» (г. Москва, издательство «Оверлей»), «Енисей» (г. Красноярск,

ИД «Класс Плюс»), «Новый Енисейский литератор» НЕЛ) (г. Красноярск, ТК «Енисейский литератор»), в приложениях к НЕЛ. В издательстве «Союз писателей» (г. Новокузнецк) вышли три авторских поэтических сборника (2015, 2016, 2018 годы).

В 2014 году Николай Николаевич стал лауреатом межрегионального конкурса имени Игнатия Рождественского в поэтической номинации «Я себя не мыслю без Сибири».

I. Переменки

Учителю, ветерану, познавшему жестокость, коварство и фанатизм врагов великолепнейшему рассказчику историй Любомиру Семёновичу Померанцеву и его светлой памяти посвящается

От автора

Все повествования из серий рассказов и сказок Любомира Семёновича – это не то самое, о чём поведал учитель. Те замечательные истории не записывались на диктофон, никто не занёс их в свой дневник. Мальчишки просто слушали, сопереживая персонажам рассказов. Самым юным слушателям, пятиклассникам, Любомир Семёнович рассказывал сказки.

Иногда казалось, что он всё придумывает на ходу. Наверное, часто так и было. Его истории были с продолжениями, бывало, затягивались почти на четверть. Той весной Любомир Семёнович не успел закончить свой очередной шедевр, по обещал продолжение в следующем учебном году. К всеобщему сожалению, летом замечательный учитель и великолепный рассказчик-выдумщик покинул наш мир – ранения подорвали здоровье, укоротили жизнь.

Переменки были желанны мальчуганам потому, что в эти минуты все тесной толпой ловили каждое слово своего учителя. Даже большаки¹ вместо того, чтобы покурить, на переменах прибегали в мастерские, слушали любимиры истории.

И, став взрослыми, все его слушатели не перестают удивляться, как он умудрялся ни разу не повториться в своих рассказах. Каждый раз у него был новый сюжет.

Не менее поразителен сам рассказчик. Всё-то у него получалось складно да ладно и так правдиво да жизненно, что никто не сомневался в истинности его историй. Не чьи-то фантазии, а сама жизнь, без ретуши и прикрас, являлась воображению юных слушателей.

Дети знали, что их учителю довелось побывать на войне. И не просто присутствовать там, а воевать. Были у него и ранения, и боевые награды. Известно и то, что не любил он вспоминать тот период службы в армии, а рассказать хоть что-нибудь, хоть чуточку, хоть самую малость всегда отказывался. Учитель будто поклялся кому-то или себе самому не рассказывать подробностей военного периода своей жизни. И это табу им не нарушалось.

Автор «Переменок» глубоко признателен всем ученикам Любомира Семёновича за предоставленные крупницы, из которых родились эти повествования. Серии коротких рассказов и сказок «Переменки» предваряются воспоминаниями Николая Николаевича Верещагина-младшего, ученика Любомира Семёновича.

¹ Большаки – (диалектное) старшеклассники.

Без прикрас из первых уст

Казалось бы, что такое память? Воспоминания поры детства? У кого-то они стёрлись, у других – притупились, а у некоторых – отчётливо врезались в сознание.

И в моей памяти остались лишь самые незабываемые события и явления. Запах пыли... Бегая мы босыми ногами подымали мирно лежащую на обочине дороги пыль. Она продавливалась сквозь пальцы ног, как теплое тесто просачивается сквозь пальцы пекаря. Шелест капель дождя по глади воды «маленькой» речки, как мы называли Кежемку. С разных концов Кежмы приходили купаться в ней, более прогретой и безопасной, чем огромная Ангара.

В начале лета на том изгибе речки можно было повстречаться с «портовскими» и «зареченскими», с «химдымовскими» и «центровскими» мальчишками и девочками. Не исключая и нас, живущих рядом. Выражаясь современным языком, в этом местечке на берегу в жаркие дни возникала своеобразная тусовка, куда приходили на людей посмотреть и себя показать.

Незабываем писк комаров, которые огромными тучами атаковали кежмарей вечерами. И не толь ко тогда, когда мы шли на танцы или возвращались с них. В лесу и в огороде этой прожорливой мелочи было в достатке и днём.

А гул авиационных моторов, доносившийся из аэропорта! Особая слышимость моторного рёва приходилась на морозные зимние дни, когда запускали и прогревали вертолёты и самолёты «Ан-2», «Аннушки». А какой гул проносился над Кежмой от набирающих высоту «ИЛ-18»! Они летали только зимой, после густого морозного тумана, когда несколько дней погода была нелётной. Для этих гигантов, в сравнении не только с «Аннушками», но и с «ЯК-40», продолжением взлётно-посадочной полосы была промёрзшая земля. Отрывались от «взлётки» «ИЛ-18» около ограждения аэродрома, а ещё неубранные шасси едва не касались крыш ближайших домов.

Как пощипывал нос мороз, когда мы шли играть в хоккей! Кроме коньков и клюшек каждый нёс ещё метлу или лопату для уборки снега. Прежде чем поиграть, нужно было освободить лёд от сне-а. Неважно, где мы собирались играть: на школьной площадке, на скованном льдом «болоте», или на льду Ангара – возле школы, Районного Дома культуры, в «Заречке». Всегда, когда заканчивали расчистку снега, сразу забывали про мороз и гоняли шайбу до темноты.

Но особенное наполнение душевным теплом дают воспоминания о школе. Школа – это особый мир, по крайней мере, для меня. Всевозможные кружки и занятия проходили так, что мы ждали дни их проведения. Почти каждый находил занятие по душе, занимался тем, что ему нравилось. А какие были прекрасные учителя, учившие нас, как в начальной, так и в средней школе. Не умаляя достоинство и профессионализм наших преподавателей глубочайшее уважение и почтение к ним, хочется рассказать об Учителе труда нашей школы.

Мы с нетерпением ждали дня недели, когда был урок труда. И это понятно: нас ждало увлекательное путешествие в мир сказок, рассказчиком которых был наш учитель, Любомир Семёнович Померанцев. Учителей-фронтовиков у нас было не сколько. Все они имели награды: ордена и медали.

Казалось, что Любомир Семёнович присутствовал везде: на нём держались ремонт школы летом театральный и кукольный кружки, – с осени и до весны. Почти половина школьников сидела на табуретках, сделанных учениками на его уроках. Он был из тех людей, которые смотрят на жизнь и все её составляющие с оптимизмом. А ещё у него слово не расходилось с делом.

Природа и родители дали ему крепкое, хоть и не спортивное телосложение. При росте выше сред него он казался нам богатырём. В этом прошедшем войну человеке чувствовалась какая-то непомерная сила и одновременно большая любовь доброта и терпение к нам, его ученикам.

Вспоминаются слегка волнистые седеющие волосы, прямой нос, на котором особенно внушительно и уверенно сидели очки. В тёмной роговой оправе они, связанные тонким шнурком за обе дужки, в случае ненадобности, висели на его крепкой шее.

Ходил он неспешно переставляя ноги, немало прошедшие по дорогам и бездорожью. Наверное, они побаливали, как у всех фронтовиков. Приезжая на работу, учитель переобувался в крепкие, но много повидавшие рабочие ботинки. Запомнилось, что в какой-то период на одном его ботинке был шнурок, на другом – тонкая проволока в тёмной цветной оболочке.

Вспоминаю его натруженные руки русского мужика. От человека, обладавшего такими руками, веяло крепостью и надёжностью, силой и уверенностью. На загрубевших пальцах правой руки, между указательным и средним, был коричневый, въевшийся в кожу и потемневший от времени никотинный налёт от выкуренных без мундштука сигарет «Прима». Он много курил. Со стороны его курение виделось только ему понятным ритуалом. Зажигая спичку, смотрел на неё некоторое время, затем как бы спохватившись, быстро подносил к сигарете. Прикуривал, прищурив один глаз, потом взмахивал пару раз рукой, чтобы потушить пламя. Огарок спички запихивал с тыльной стороны коробка, тем самым окончательно гася её. Ни мусора, ни пожара при таком гашении.

Руки никогда не находились в состоянии покоя Они всё время что-то пилили, строгали, клеили. Казалось, что они живут своей самостоятельной жизнью.

Завершали портрет нашего любимого учителя два предмета, без которых мы не могли представить его – это столярный фартук и ситцевая кепка. Оба в некоторых местах вымазаны клеем.

На работу он приезжал на выдавшем виды, но выглядевшем неплохо, мотоцикле, поскольку жил довольно далеко от школы, в районе больницы как мы говорили, «в Заречке». Ходил слух, что Любомир Семёнович привёз этот мотоцикл с войны в качестве трофея. И мы, мальчишки, каждый раз рассматривая его на улице, искали, куда крепился пулемёт, где следы от пуль и осколков. Мы неволь но сравнивали трофей с теми немецкими мотоциклами, что видели в нашем РДК.

Вспоминаю тёплые рассказы учителя об армии. Позже, уже повзрослев, я осознал, что, рассказывая свои мирные армейские истории, он подготавливал нашу психику к службе. Не надо бояться армии – главный мотив всех армейских рассказов Любомира Семёновича.

Долгожданный всеми звонок с очередного урока подал свой залиvistый голосок. Кто-то рванул в школьную столовую, а кое-кто – в коридор и сразу в раздевалку. Она была в переходе между нижним и средним корпусами. Наши пальто и куртки висели там гроздьями по несколько штук на одном крючке. Обычно, порывшись и найдя свою куртку, мы доставали из рукава шапку и выбегали на улицу. Но это было только в холода. Если дни были уже тёплые, то выскакивали вообще без шапок. А что, бежать было недалеко. Дорогу переходили, посмотрев по сторонам, нет ли машин. Впереди – спортивная площадка, т. е. футбольное поле. Обогнув интернат, устремлялись в проулок налево и в здание, где у нас проходили уроки труда.

Справедливости ради следует сказать, что в мою ученическую бытность они были там один или полтора года. Позже их перенесли в правое крыло интерната, где уроки проходили до конца жизни Любомира Семёновича.

Почти всегда он встречал нас словами:

– Парни, а вы что так рано прибежали, ведь ещё вся перемена впереди?

– Сказку хотим послушать, – чуть ли не хором отвечали мы.

– Нет, нет, нет. Только в строго отведённое время, а именно – на перемене после первого урока, – отвечал учитель.

Первый урок пролетал очень быстро. И вот раздавался до боли знакомый звон. Это Любомир Семёнович проводил стамеской по зубьям циркулярной пилы. Первая половина сдвоенного урока окончена. Мы, кто на верстаке, кто-то на табуретке, садились кружком вокруг учительского стола. Наш рассказчик, помедлив и прищурившись, спрашивал:

– Ну что? На чём я в прошлый раз остановился?

– Вы обещали начать новую сказку, – сообщали мы.

Оперев одну руку о край стола, посмотрев на нас, он загадочно говорил:

– Ну, тогда слушайте, друзья мои верные и не терпеливые.

Николай Верецагин

Часть 1

Армейские темы от Любомира

Негодование

На пересыльном пункте в военных билетах нам делали отметки с датой начала службы. Вечером на автобусах довели до железнодорожного вокзала, а там разместили по вагонам. Так, уже в поезде, началось наше официальное служение Отечеству. Со всех новобранцев сразу собрали деньги на возмещение предполагаемых затрат железной дороги: разбитые оконные и дверные стёкла, зеркала, ломанные унитазы, исчезнувшие стаканы. Начитали немало, но обещали вернуть деньги при высадке, если всё окажется в целости.

Беззаботная толпа соскакивала с подножек, не дожидаясь полной остановки поезда. Очень спешили пополнить запасы жидкости, расслабляющей тело и разум. Чтобы не отстать от поезда, приходилось бежать, и не близко. Оказывается, узнав о приближении эшелона с новобранцами, продавцы магазинов и ларьков навешивали на свои заведения внушительного вида замки и разбегались.

Сопровождающие нас офицеры и сержанты срочной службы, чтобы избежать пьяных разборок необычных пассажиров, дежурили у входов в вагоны. Спиртное вносить в поезд запрещалось. Но пока одни отвлекали блюстителей армейской дисциплины, другие пролазили с запретным грузом под вагонами и передавали трофеи магазинных «набегов» через раскрытые окна. Были и курьёзы.

На одной из станций, сбегав «за тридевять земель», запыхавшиеся новобранцы подбежали к тамбуру своего вагона в тот момент, когда поезд уже набирал ход. Кто-то в вагоне сорвал стоп-кран остановив эшелон. С площадки к портфелю потянулась рука. Разгорячённая бегом доверчивая молодёжь, не имеющая горького опыта, подала то что для парней в те дни было равноценно сокровищу. Из остановившегося поезда на шпалы вышли сопровождающие. Выходы из остальных вагонов проводники успели закрыть до торможения. Во всех вагонных окнах виднелись по несколько пар любопытных глаз, ожидающих развязки экстренной остановки.

Бутылки из портфеля доставались офицером одна за другой и... с грохотом разбивались о рельсы. После уничтожения второй нераспечатанной поллитровки раздалась протяжная, будто стон неодобрительная фраза негодования: «У-у-у, га-а-ды!». С каждой следующей разбитой бутылкой многоголосие негодования росло и крепло. Чтобы ещё больше не разозлить толпу, а она могла бы на броситься на погромщиков, оставшийся груз сопровождающие внесли в вагон для собственного потребления. Это было воспринято парнями более достойным поступком, чем уже совершённый акт «вандализма». Некоторые тогда впервые познали, что в армии «тот прав, у кого больше прав». Нет, не какие-нибудь алкоголики, а обыкновенные ребята ехали в том поезде. Пили про запас. Впереди всех ожидал «сезон спиртной засухи» продолжительностью в два года.

Переросток

В поезде мы ехали в гражданской одежде. В Спасске-Дальнем, после помывки в армейской бане, новобранцы друг за другом проходили вдоль длинного стола-стеллажа. Там несколько прапорщиков лишь бросив на парня взгляд, подавали форменную одежду. Спрашивали только размер обуви. Всё остальное всем пришлось впору без лишних вопросов. А вот Саше Громову, гиганту из Сорска сапог по размеру не нашлось. При росте два метра и три сантиметра обувь у него сорок девятого размера. Переглянулись мастера по переодеванию новобранцев, засуетились. Один из прапорщиков даже отошёл и позвонил куда-то. Оказалось, что и на складах самые большие сапоги только сорок шестого размера.

В строю Громов выглядел экзотично: всё форменное, а на ногах тапочки, в которых он ехал в поезде. Сопровождающий тут же сообщил о «переростке» в воинскую часть, куда попал наш Саша. В учебной роте за два дня до принятия присяги появился ещё незнакомый нам ротный старшина в звании прапорщика. Он прервал занятия по изучению уставов и объявил общее построение.

– Рядовой Громов, выйти из строя, – скомандовал приезжий.

– Есть выйти из строя, – отозвался солдат в тапочках.

– Вручаю тебе сапоги сорок девятого размера. Будешь носить их год, как все. Раньше не получишь. Такая обувь шьётся на заказ. Чтобы не оставить подошвы на плацу, строевой подготовкой не занимайся. Отцы-командиры, все слышали мой приказ? – обратился хозяйственник к командирам взводов и отделений.

– Так точно, товарищ «капитан», – полушутя, взяв под козырёк, ответил командир взвода, тоже прапорщик.

На следующее утро, после команды «Подъём!», в роте возникла неразбериха. Громов, спрыгнув с верхнего яруса двухъярусной кровати, не нашёл свои сапоги. Он суетливо метнулся между кроватями, распластался под ними на полу, всматриваясь, нет ли его сокровищ где-то дальше, между мелькающими ногами сослуживцев. Перескакивая через пылящую от напряжения громаду, все спешили встать в строй раньше, чем потухнет спичка в руке взводного, отдавшего приказ на построение.

Когда все обулись, свободной оказалась обувь ровно на десять размеров меньше той, которая невероятным образом исчезла в первую же ночь Пунцово-красный от пережитого волнения «пере росток» втиснул свои стопы в голенища и, как в лапах, побежал в строй. Маленькому Мише Сазанакосу достались сапоги Громова. В них он бежал перед великаном, как на лыжах. Солдаты учебной роты, успевшие встать в строй, увидев это комическое представление, разразились хохотом. По команде, уже в строю, парни обменялись обувью.

Шутника, ночью переставившего обувь, найти не удалось. За шалость того юмориста учебная рота вместо отдыха в наказание совершила пяти километровый марш-бросок в противогазах. Ах как не смешно бежать в противогазе сквозь зной палящего солнца!

Присяга

Присяга для военнослужащих – один из самых торжественных и ответственных моментов. Проехав в открытых кузовах грузовых машин более часа, в новенькой парадной форме мы построились около памятника герою-комсомольцу Виталию Бонивуру, установленному вблизи места его гибели, у деревни Кондратеновка. Ещё в учебной роте нам рассказали о нём. По одной версии белогвардейцы, а по другой – казаки, разрезали грудь и вырвали юное сердце подпольщика времён гражданской войны.

В тот день внутреннее напряжение, влажность и жара были такими, что казалось, через мгновение пот закапает с козырька фуражки. С безоблачного неба щедрое солнце не просто ласкало своими невидимыми лучами – оно раскалило воздух за тридцать. Не спасала и тень густых древесных крон разнообразной приморской флоры, окруживших мемориальный комплекс. В субботний день туда приехали туристы, отдыхающие и немного численные родственники принимающих присягу защитников Отечества. Всем им была интересна торжественная армейская церемония.

Мы выучили присягу наизусть, но чтобы от волнения не сбиться, присягающий перед строем держал текст и чеканил каждое её слово. Остальные стояли в строю по команде «Смирно!». Черёд присягать подходил к Серёге Босычу, а он побелел будто припудренный, ноги подкосились. Упал бы но стоящие в строю товарищи подхватили парня под обе руки. По команде (в армии всё делается по команде) молодого бойца отвели в сторону для оказания медицинской помощи. Предобморочное состояние – не шутка, но через пару минут Босыч присягал Отечеству.

Этот случай говорит не о хлипкости молодого солдата, а о том физическом и моральном напряжении, которое сопутствует присяге. В череде солдатских будней день принятия присяги – праздник для военнослужащего. С этого момента начинается настоящая солдатская служба с её маленькими радостями и неприятностями, с редкими благодарностями и неминуемыми взысканиями.

Армейская проверка

В обычной воинской части в мирное время будни протекают вполне обыденно. Весь личный состав, от рядового до командира полка, несёт службу размеренно, по отлаженному за десятилетия распорядку. Лишь иногда случаются авралы по случаю предстоящей проверки воинской части. А проверяющие – представители командования военным округом. К их прибытию полы натираются мастикой тщательнее обычного. Латунные краны в умывальной комнате чистятся зубными щётками до блеска. С дорожек и плаца сметается каждая пылинка. Дежурными по ротам и дневальными ставят тех, кого ни разу не заподозрили в халатности, или, по армейским меркам, в разгильдяйстве.

Порядок везде: от казармы до курилки, от столовой до спортивной площадки. И в солдатской столовой, если она не гарнизонная, в дни проверки всё не так, как обычно: и щи наваристее, и сдоба, как в праздничные дни. А, кроме косметических мероприятий, все, как в обычные дни, несут основную службу. О личном оружии не может быть речи – оно, почищенное и смазанное, всегда готово к применению.

Мы делали всё, что приказывали командиры. Приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. Даже обжалуется приказ лишь после его выполнения. Молодое пополнение всё выполняло, но роптало:

– Армейская показуха. Лизоблюдство перед высшими чинами.

Старослужащие на наши роптания отвечали просто и доходчиво:

– Зелёные вы ещё. Прослужите с наше, тогда будете знать, что проверка – это тогда, когда приезжает военная прокуратура. С ними и показуха не «прокатит». По сравнению с теми – это гости. А как вы сами встречали гостей, когда были на гражданке? Вот то-то! Гостям приятно и на гражданке, и в армии, когда к их приезду готовятся. Знайте же зеленцы, прописные истины солдатской жизни. Эти приехали сверить, всё ли в полку так хорошо как показано в отчётной документации. Коль приехали они, то всё у нас замечательно!

Но не обошлось тогда без казуса. Наш командир полка – низкорослый крепыш лет пятидесяти пяти. Проверяющий из штаба округа – высокий и стройный, лет на двенадцать моложе нашего «бати». Оба они – полковники. Не знал молодой проверяющий, что наш комполка имеет привычку дёргать внизжимаемую руку. Потому-то и не был готов к этому. А наш полковник после рапорта пожал поданную ему руку так, что молодой проверяющий не устоял и коленом коснулся плаца. Если бы не полковой замполит и его кулак, вовремя показанный перед строем, то не миновать бы хохота. А так всё было обставлено как случайность.

А мы всё равно были горды за нашего «батю» – поставил-таки на колени проверяющего из округа.

Тоннель

В каждой воинской части есть то, что следует охранять. И это не только знамя воинской части. Полк, в котором я на первом году проходил службу, не исключение из правила. Под нашей охраной были объекты, расположенные на большой территории. По периметру между заграждениями из колючей проволоки кинологи выставляли несколько сторожевых собак. Внутри ограждений, вдоль всего периметра, тропа натоптана часовыми.

Один участок периметра проходил через сопку, заросшую орешником, диким виноградником и молодыми дубками. Нависая над тропой, кроны плелись так, что часовой шёл как по тоннелю.

Звёзд не видно, а в траве зеленоватыми огоньками мерцали светлячки. Поневоле приходилось прислушиваться к каждому постороннему шороху.

В те предрассветные часы по жутковатому участку проходил ефрейтор Гаджиев, старослужащий не из робкого десятка. Вдруг со стороны колючки послышался шорох.

– Стой! Кто идёт?

В ответ только тишина. Сделал ефрейтор пару шагов, шорох повторился.

– Стой! Стрелять буду! – скомандовал часовой и передёрнул затвор карабина.

И вновь тишина. Кто-то словно выжидал, когда продвижение по тропе продолжится. Нет, не мышка тогда шуршала прошлогодней листвой. Нешуточно в зарослях, карабин на изготовке к стрельбе. По уставу, в случае повторения опасности, после команд полагается сделать предупредительный выстрел вверх, а второй – на поражение. Так ли это было у Гаджиева, только в караульном помещении услышали два выстрела, а до ефрейтора в тоннель донеслось:

– Мму-у-у.

События разворачивались по-солдатски споро. С ближайшего оповещателя часовой сообщил начальнику караула о причине и месте стрельбы. Караульные свободной смены, бежавшие за внешней колючкой, в зарослях обнаружили убитую наповал корову. Дежурный по роте, услышавший выстрелы, узнал от караульных причину и разбудил повара. Тот топором для рубки мяса ловко «отстегнул» не только стегно, а всю коровью ногу. Утренняя каша сварилась со свежей говядиной. Оперативно быстро сработал повар! И все довольны!

Всё бы хорошо, да вот незадача – полковая казна выплатила хозяину заплутавшей коровки стоимость ноги и испорченной шкуры той бурёнки. А Гаджиев, уложивший животное одним патроном ориентируясь только по шороху, отбыл в кратко срочный отпуск на родину. Десять суток, не считая времени в пути, равносильно награде для любого военнослужащего-срочника. Вот так командование полка оценило меткость, бдительность и действия по уставу.

Белый якут

Известно, что волосы у якутов как смоль чёрные. Не все знают, что фамилии у них русские. Призывались они ровно на год раньше нас – опытные служаки, не под стать нам. Коренастые или худенькие, но в нашем полку все они были невысокого роста. Многие имели спортивные разряды по вольной борьбе. Но это так, для сведения, к слову пришлось.

Осенью дело было. Сменил тогда разводящий часовых, зашли все в караульное помещение, а Егора Ануфриева не узнать. Над смуглым лицом ершались белёсые как весенний снег волосы. Всем стало интересно, что случилось за те два часа, пока Егор нёс караульную службу, проходил по образованному кронами тоннелю на сопке. Сменивший его часовой в темноте не заметил седину товарища, иначе неизвестно, как бы он повёл себя. На вопросы начальника караула по оповещателю ответил, что ничего необычного на посту не обнаружено.

К расспросам друзей и земляков подключился начальник караула, офицер. Сначала при всех, потом в комнате начальника караула лицом к лицу с белёсым караульным пытался вывести начальника причину поседения. Тщетными были усилия. Крепким орешком оказался Егор. Пришлось Ануфриева заменить, не ставить на пост со следующей сменой.

Утром другой офицер сопровождал Егора в особый отдел при штабе полка. Пришлось седовласому солдату беседовать с самим капитаном Магницким. Голос у капитана-особиста такой, что даже при телефонном разговоре непроизвольно встаёшь так, будто прозвучала команда «Смирно!», вытягиваешься в струну. Мурашки пробегали по коже от его сильного металлического голоса.

До конца моей службы в полку было неизвестно ни землякам, ни друзьям, солдатам срочной службы, как прошла беседа в особом отделе, выведаль ли Магницкий правду о поседении. Но на загадочном посту с тоннелем, даже после возвращения Егора из штаба, никаких изменений не произошло. По-прежнему тропа часового проходит через сопку. Так же переплетаются

(переплетались) над головой кроны орешника, дикого виноградника и молодых дубков И, как прежде, несут службу на этом посту часовые.

Три капитана

Этот рассказ не о капитанах дальнего плавания, не о путешественниках по неизведанным морям и океанам. Он о трёх обычных сухопутных капитанах Советской Армии. Необычное в них только то, что всем троим было под пятьдесят, все ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, а триста с лишним килограммов веса делили примерно поровну. Расслабиться душой и телом хотелось трём капитанам. Потому-то и выбрали они ресторан не в гарнизонном городке, а в Уссурийске, отмечая день любимого ими рода войск.

Время шло к закрытию заведения. Те, кто приходили просто поужинать, успели разойтись. Остались изрядно выпившие посетители, которым что-то не понравилось в трёх «богатырях». Вот и решили они показать друг другу свою удаль, надеясь увидеть поверженными этих нехилых мужиков в гражданской одежде. Задирам не спустили, слово за слово, и завязалась драка.

Как-то случилось, что все ввязавшиеся в кулачные разборки, оказались на стороне задир. Крепко держали оборону три капитана. Отбивались не только от кулаков и пинков, но и от летящих в них бутылок, фужеров, стульев и столов. Вызванный работниками ресторана наряд милиции оказался бессилем утихомирить озлобленную толпу. Им на помощь подоспел патруль. Патрульным три «богатыря» подчинились, а с остальными справилась милиция. Патрульные не позволили милиции задержать военнотружущих, предъявивших свои удостоверения личности. Задержание повлекло бы очень серьёзные последствия, бросило тень на родную армию.

О происшествии патруль сообщил в полковой штаб. На следующее утро наши капитаны получили по выговору. Об этом уведомили милицию и директора ресторана. Но руководство заведения понёсшего от разбоя убытки, вышло с судебным иском на возмещение ущерба. Весь ущерб суд по делил на четырнадцать погромщиков поровну. В финотдел полка поступила доля выплаты трёх капитанов. Решением командира полка причитающаяся сумма была переведена истцу, то есть ресторану, с последующим удержанием из денежного довольствия провинившихся офицеров. Памятно отметили они свой праздник.

Двое из наказанных офицеров мне хорошо знакомы. Капитан Зенцов ещё до происшествия в ресторане переведён из замполитов нашей роты в техотдел. Капитан Магницкий до моей переброски на фронт продолжал службу начальником особого отдела полка.

Так-то капитаны сдержали натиск разъярённых мужиков и наряда милиции.

Женитьба замполита

Лейтенант Подвольский после окончания военного училища оказался в нашем полку. До вступления в должность ему полагался отпуск, и он отбыл в Украину. Не знаю, какой бурный роман был у него на малой родине, но финал оказался комичный для одних и трагичный для других. В полку о романе узнали, когда лейтенант сдал отпускное удостоверение. Оказалось, что он вскружил голову землячке так, что та настояла на регистрации брака.

Высокий, статный симпатичный балагур с погонами лейтенанта, он не мог не понравиться провинциальной девушке. Влюбилась. И это факт уже потому, что украинками обожаемы парни с погонами даже ефрейтора. А он – лейтенант. Молодым сыграли свадьбу по местным обычаям, а в сельсовете брачующимся поставили штамп о регистрации брака. Да вот неувязочка вышла: у невесты штамп оказался в паспорте, а у жениха – в отпускном удостоверении. Не удостоверение военнослужащего вооружённых сил СССР, заменяющее паспорт, подал Подвольский, а документ, действительный только во время отпуска.

Как решала потом свои проблемы невеста, можно только предполагать. Неизвестно, какие претензии предъявила она работникам сельсовета за их непрофессионализм. В сельсовете узнали о незаконности регистрации брака из письма за подписью командира полка. Смешной случай? Да можно посмеяться над доверчивостью невесты и над неосмотрительностью работников сельсовета. Но стоит ли? Судьба девушки надломлена. Возможно, что она стала посмешищем не только в своём селе, но и во всей округе.

Не все офицеры отдыхают так. «Шутников», подобных Подвольскому, в армии по пальцам пере считаешь. Большинство офицеров – люди добро порядочные, добросовестно исполняющие свой воинский и гражданский долг.

Мы, солдаты, тогда не думали о возможной трагедии невесты. Нас захлёстывали эмоции от комедии молодого замполита нашей роты, лейтенанта Подвольского.

Лысый дембель

Вступив после «женитьбы» в должность замполита роты, лейтенант Подвольский приступил к «закручиванию гаек». Прежний замполит Зенцов дорабатывал с нами срок до перевода и мог на что-то не обращать внимания или просто делать замечания. У Подвольского же можно было получить наряд вне очереди за небрежно подшитый подворотничок или расстег-

нутую верхнюю пуговицу гимнастёрки. За плохо начищенные сапоги он не скупился «наградить» нас тремя нарядами вне очереди.

Осенью, незадолго до демобилизации, в строю на его глаза попал Газмагомедов, нёсший службу в хозяйственном взводе полка.

– Это что за чубатый махновец? – обратился он к сержантам. – Чей? Почему неуставная причёска? Чтоб я больше не видел этого басмача. Тебе, Сазанак, работа. Ясно?

– Так точно, – ответил рядовой Сазанак, по совместительству исполняющий обязанности ротного цирюльника.

Горделивый ингуш Газмагомедов старался не показываться в поле зрения замполита. Через несколько дней, будто вспомнив что-то или кого-то, лейтенант на утреннем построении спросил у прапорщика:

– Почему в строю не все? Где остальные?

– Нет только караула, собаководов и хозяйственного взвода, – ответил взводный.

Кинологи – привилегированная каста, всегда ссылались на то, что они круглые сутки с собаками и на построения не приходили. Ребята действительно хлопотали: выставляли собак на посты, готовили пищу и кормили питомцев, убирали после них, чистили и мыли. По требованию в строй при были все, кроме караульных. Щеголеватый сержант Соболев, командир отделения собаководов сам был всегда начищен, отглажен и наодеколонен. То же он требовал от подчинённых.

– На всех любо-дорого посмотреть. Благодарю за службу, сержант! – сказал замполит и перевёл взгляд на встающего в строй «махновца». – Рядовой Сазанак, выйти из строя. Почему не выполнил приказ?

– Так я... Так он... Не мог же я насильно, – оправдывался низкорослый Миша Сазанак.

– Бегом в роту за табуретом и ножницами. Газмагомедов ко мне. Садись, –скомандовал лейтенант дембелю.

Указав на табурет, взял у Сазанак ножницы. Ото лба до затылка выстриг полосу так, что стрижка под ноль оказалась неизбежной. Цирюльник Миша после построения так и сделал. Видели бы вы того горделивого ингуша, когда лейтенант орудовал ножницами. Желваки ходили как жернова, а на глазах навернулись слёзы. Такое унижение он не простил бы, но в армии тот прав, у кого больше прав. Не пожелав укоротить шевелюру, дембель лишился её.

Всем стало ясно, что Подвольский дважды замечаний не делает.

Спасатель

Сергей Босыч призывался из Минусинска. До призыва в армию успел поработать спасателем на лодочной станции. Боец рассказал друзьям, что рядом на берегу Енисейской протоки, обустроен городской пляж. Чаще спасать приходилось не тех отдыхающих, которые брали в прокат лодки или гидроцикл, а купальщиков. Высокий, стройный, интеллигентный, красивый лицом, он не мог не нравиться девушкам. Мы шутили над ним:

– Девчата, видя такого симпатичного спасателя, наверное, специально тонули, чтобы быть спасёнными тобой.

Он отшучивался:

– Когда я впервые пришёл на работу, коллеги напели мне поучительный куплет: «Наш Серёга – центроспас – утопающую спас. А когда на ней женился, сам заплыл и утонул». – Знакомства с девушками были, но я не придавал им значения, не увлекался всерьёз.

Компанейский парень, из которого сквозь форменную одежду проступала интеллигентность, хороший гитарист и певец, знающий немало песен, он в минуты солдатского отдыха оказывался в центре внимания. Играл он и плясовые мелодии – благо плясать у нас было кому. Служба у Сергея проходила «без сучка и задоринки».

Когда мы дослуживали первый год, ему предложили ехать на учёбу в школу прапорщиков. Босыч принял решение делать военную карьеру. Перед поездкой на медкомиссию его поставили дневальным по роте. От бессонной ночи глаза воспалились. Окулист «забраковал» нашего друга. После объяснения ситуации Сергею разрешили пройти комиссию повторно. В этот раз зрение оказалось безупречным, но у парня обнаружили плеврит – заболевание лёгких. Вместо поездки в школу прапорщиков он три недели пролежал в госпитале.

Пока друга лечили, мы узнали у полкового доктора, что плеврит не приводит к инвалидности, полностью излечивается. На гражданке наш Серёй сможет работать, иметь жену и детей, радоваться жизни. Сникшего друга мы поддерживали до его отъезда из армии.

Оставшиеся дослуживать в полку, наверное, долго скучали по гитаристу и хорошему другу Серёге Босычу. Меня самого армейская круговерть вскоре закрутила так, что Серёгина проблема показалась мелочью жизни. Фронт...

Многостаночники

Накануне гарнизонного спортивного праздника прошли полковые легкоатлетические соревнования. После состязаний в нескольких спортивных дисциплинах выявились два претендента на участие в гарнизонных баталиях – дагестанец Али Гаджиев, у которого срок службы заканчивается предстоящей осенью, и Володя Тимофеев, сибиряк из Черногорска, несший службу первые пол года. Заявили их в гарнизон по всем дисциплинам кроме спортивной ходьбы, длящейся почти всё время состязаний.

Если в полку Али и Володя оспаривали первые места только между собой, то там у них появились серьёзные соперники. И это лишь потому, что те готовились к участию в одной, максимум в трёх дисциплинах. О них не было слышно. Зато рупор разрывался от криков:

- Гаджиев, в сектор метания копья!
- Тимофеев, на старт четырёхсотметровки!
- Тимофеев, к молоту!
- Гаджиев, в сектор тройного прыжка!

Гаджиева и Тимофеева приглашали то в один то в другой сектора. Они едва поспевали. Можно только поражаться выносливости наших парней. Когда выступал кто-нибудь из них, мы, не жалея глоток, кричали: «Га-джи-ев, Га-джи-ев, Ти-мо-ха, Ти-мо-ха». К нам присоединялись те болельщики, чьи спортсмены успели выбыть из борьбы. Накал страстей был таким, что солдаты-болельщики неистовствовали, срывали голоса, соскакивали с трибун...

– Ти-мо-ха! Га-джи-ев! – скандировали почти все парням, не пропускавшим ни одного сектора и забега.

И парни старались, выкладывались, концентрировали волю и силы, видя и слыша, как за них болеют. Не помню, сколько первых, вторых и третьих мест они завоевали. Редкая дисциплина или дистанция проходила при награждении без кого-то из наших ребят на пьедестале почёта. Володя молот метал впервые, но даже там оказался третьим. В прыжках в высоту он начал выступление, когда перед планкой остались двое с последней попыткой. Закончил черногорец с большим отрывом от соперников.

На этом празднике лучший в гарнизоне прыгун в длину при последней, рекордной попытке, растянул связки в стопе толчковой ноги. К пьедесталу он подходил, опираясь на сук вместо костыля. На соревнования в округ можно было подать заявку для участия в смежных дисциплинах: бег на несколько дистанций, либо метание и толкание спортивных снарядов, или прыжки. Первенство Дальневосточного военного округа проводилось на декаду позже гарнизонного. Али был заявлен на толкание ядра и метание копья. Володе пришлось выбирать между прыжками и бегом. Вы брал прыжки.

В округе нашим спортсменам составили конкуренцию не только солдаты обычных воинских частей, но и военнослужащие Хабаровской спортивной роты. Там, в секторе прыжков в высоту все три призёра преодолели одну отметку. Места достались по попыткам. Тимофеев не сбил план ку во второй попытке, один из его соперников оказался удачливее. Гаджиев в Хабаровске метнул копё с третьим результатом. Два призёра округа из одной роты! Здорово! Но для нас незабываемы гарнизонные соревнования, а на них: «Гаджиев в сектор! Тимофеев, на дистанцию!» – И почти несмолкаемые скандирования множества болельщиков: «Га-джи-ев, мо-ло-дец! Ти-мо-ха, мо-ло-дец!»

После гарнизонного праздника своих прославившихся парней мы стали называть спортивными ми многостаночниками.

Промиловался

Был в полку случай, связанный с растяжением связок у спортсмена. Но то растяжение ефрейтор Егор Шеломов получил не на соревнованиях и даже не на тренировке. В соседнем с войсковой частью селе была у Егора девушка. Как уже бывало не раз, после отбоя Шеломов оставил часть без разрешения. А это в армии называется самовольной отлучкой, самоволкой. Можно и под трибунал угодить.

На машине, огибая поле, до села было девять километров. Напрямую, по тропе в поле, всего-то три километра. Только не тропа это, а полоска примятых посевов на неровностях пахоты. Промиловался Егор с любимой, потому и пришлось бежать, чтобы успеть до подъёма. На одном из ухабов оступился. Растяжение. Дальше, вместо бега, получилось скаканье на одной ноге. Но успел, избежал наказания. Дневальный не выдал товарища.

Случилась травма у ефрейтора накануне гарнизонных соревнований по вольной борьбе. В предыдущем году Егор был чемпионом округа в своей весовой категории. Здесь, перебинтовав стопу, он выигрывал поединок за поединком. В финале ему достался непростой соперник. Тот солдат, родом из Армении, был штангистом. Сослуживцы пока-али ему несколько приёмов – получился борец вольного стиля.

Принцип: «сила есть – ума не надо» до финала срабатывал. В бараний рог гнул силач-армянин соперников. Непросто досталась Шеломову победа над штангистом. Победить экзотического борца помогло мастерство, полученное в детской школе борьбы в Чурапче – районном центре в Якутии. Победил, несмотря на бурные симпатии болельщиков к борцу-штангисту.

Но на соревнованиях в округе одного мастерства оказалось недостаточно. Там пригодилась бы прочная опора на вторую ногу. Экс-чемпион приехал с округа с третьим местом. Но случившееся не изменишь, не отворишь.

Кровавая самоволка

Всякое случалось в армии. И в самоволках не всегда всё было тихо да гладко. Мусá Гелаев, стройный красивый горец из Чечни, дружил с девушкой из соседнего села. К горцам у жителей села отношение негативное. Свежи воспоминания, когда кавказец-кабардинец увёз девушку в жёны к себе на родину. Увёз, да не одобрили родители и земляки выбор солдата, настояли жениться на подобной себе – на кабардинке. Сильны горские традиции, по которым сын не вправе послушаться родителей. Пришлось отвергнутой любимой вернуться в село к родителям, де родился плод кабардинской любви.

Но нашлась девушка, перешагнувшая все запреты, встречаясь с кавказцем. Сельские ребята сочли своим долгом постоять за честь очередной жертвы кавказцев. Предупреждали они Мусу забыть тропинку в их село и к Марусе-Мусе, как стали называть девушку. Но чеченцы

– народ гордый, не трусливый. Особенно, когда противостоят толпе не с голыми руками. В самоволках складной нож был спутником Гелаева. Не прекратились встречи с любимой.

Поджидали тогда парни ненадёжного жениха односельчанки или просто прохаживались на окраине села, как сказали следователю военной прокуратуры, но повстречался с ними Муса. Вида складного ножа оказалось недостаточно, чтобы запугать и остановить парней, вот и резанул самовольщик одного из них. Увидев кровь друга, толпа рассвирепела, крепко попинала преступившего закон недруга и сдала участковому.

Судил Гелаева не гражданский суд, а военный трибунал. Два года дисциплинарного батальона получил гордый горец, а дисбат – наказание хуже тюрьмы. К тому же, после дисбата, наказуемому предстояло пройти остаток срока службы в одной из воинских частей. О дальнейшей судьбе Мусы мне неизвестно.

Любимая поехала в чеченскую семью, но там видя в ней причину несчастья их Мусы, девушку не приняли. Ещё одна любовь к кавказцу стала уроком для селянок, но не для неё самой. Отвергнутую в Чечне Марусю местные ребята стали провожать пренебрежительными взглядами. А она не замечала ситуацию – сердце её принадлежало любимому чеченцу. Так Маруся-Муся оказалась отвергнутой и односельчанами.

Цыган

У всех нас свои представления о цыганах и разные мнения о них. Одни вспоминают Будулая и его друзей из кинофильма «Цыган». Кому-то они представляются гадалками, обирающими доверчивых женщин, желающих знать о превратностях и радостях своей судьбы. У кого-то цыгане ассоциируются с знаменитым цыганским театром «Ромэн», руководит которым народный артист Николай Сличенко. Есть ещё кто-то и кто-нибудь с иными представлениями о народе, не имеющем своего государства и бытующем среди жителей многих стран. Был и у нас цыган.

Редкостный якутский цыган оказался в полку на год раньше нас. Каждый раз, когда мы отдыхали или были на перекуре, его просили:

– А ну-ка, цыган, сбацай что-нибудь.

Даже если просил более молодой боец, просьба сплясать не воспринималась им ни унижением, ни оскорблением. Наоборот, при этом он ощущал свою значимость и необходимость. Щуплый и невысокого роста, он был лёгок на ногу. Мог плясать и перед завтраком, и после обеда – где угодно и в любое время. Делал он это всегда от души и, как нам казалось, мастерски.

Может быть, от всеобщего внимания к нему и его способностям или то было желанием с детства мечтал он стать артистом в цыганском коллективе. Театр «Ромэн» – вершина тех мечтаний. Знали о мечте парня даже офицеры. Потому-то, когда увидели афишу о концерте «Ромэн» в гарнизонном городке, Николаю Васильеву приобрели билет на концерт и оформили увольнительную. Наш якутский цыган Николай летал на крыльях счастья от предстоящей встречи со знаменитостью, Николаем Сличенко. Глаза его излучали столько света и тепла, что могли бы растопить айсберг.

За кулисы после концерта пробиться сложнее чем без билета в зрительный зал. Но у Васильева есть зрительский билет и цыганистость – пробился. Чтобы солдат мог показать свои способности сполна, ему дали специальные сапоги. Зажигательная цыганская чечётка в них была великолепна. Сапоги на ногах нашего сослуживца не просто выбивали из пола звуки чечётки, они будто выговаривали слова жизнеутверждающего стихотворения. Коля надеялся, что его непременно пригласят и его будущее неразрывно от театра.

Из увольнения полковой любимец вернулся поникшим, словно цветок в пору засухи. Он объяснил причину упавшего настроения:

– Видели мою пляску многие. Смотрели так, будто перед ними появился экзотический фрукт. Встретить цыгана на самом дальнем от их Москвы востоке они не ожидали. Вердикт вынесла неприятная на вид тётка, которой под полсотни лет. Она, может быть, плясала когда-то, но теперь её держат в коллективе за былые заслуги какой-нибудь администраторшей. Яркие накрашенные не по-цыгански толстые губы, растянутые в самодовольную ухмылку, озвучили тот вердикт: *«Наш цыганский театр, молодой человек, несёт в массы цыганскую культуру. Вас, юноша, никто ни в чём не винит. Так обычно и бывает, соприкасаясь, культуры разных народов проникают друг в друга, ассимилируют, усредняются. Вот и три танца, показанные солдатом, – она обратилась к окружающим, – это не цыганские, а какие-то цыгано-якутские, поскольку паренёк родом из Якутии».*

– У этих цыган есть на примете цыгане, поцыганстее якутского цыгана. И Николая Сличенко я видел только из зрительного зала. К нему меня не пустили, сослались на усталость великого мастера, – с грустью добавил наш Васильев.

Грузинское вино

Осень тогда выдалась на редкость тёплая даже для Приморья. Седьмого ноября, в день празднования Октябрьской революции, мы играли в волейбол на открытой площадке с голыми торсами. Полковой киномеханик оказался в госпитале. Он до наступления отопительного сезона решил испытать клубную кочегарку. Для быстроты растопки плеснул в топку солярки или бензина. От воспламенившихся паров пламя вылетело из топки и обожгло истопника. Всё лето во время киносеансов я провёл в киноаппаратной и оказался единственным, кто мог заменить пострадавшего однополчанина.

«Война войной, а обед по расписанию», – гласит пословица. Примерно так же обстояло в армии с кинофильмами: их показывали дважды в неделю. Снарядили УАЗ, на котором офицеры поехали решать полковые вопросы. Меня, уже не впервой, взяли для обмена кинолент. К нам подсадили молодого бойца из учебной роты ближайшего осеннего призыва. Грузин Чилишвили до призыва не вступил в комсомол – небывалый случай. Мне, ориентирующемуся в Уссурийске предстояло после обмена кинолент провести бойца в фотоателье, где он сфотографируется для комсомольского билета. Договорились, что в назначенное время офицеры заберут нас на кинобазе. На дела времени ушло немного, всё спорилось по-солдатски быстро. Новый друг попросил сходить на рынок. Я возразил:

- Что там делать с трёшкой солдатского денежного довольствия?
- Пойдём, просто посмотрим.

На окраине рынка друг увидел киоск с вывеской «Грузинское вино». Заказали. Я только взял вой стакан, а молодой боец уже цинично выпускал сквозь зубы купленное и набранное в рот содержимое прямо перед глазами киоскёра. Молча, взял мой стакан и вместе со своим выплеснул в трёх шагах от ларька. Вернулся и в окошечко сказал что-то по-грузински. Было нетрудно догадать-я, что купленный напиток он сравнил с ослиной мочой. Грузин, хозяин киоска, спросил на родном языке. Я из ответа бойца понял только «Кутаиси». Пожилой грузин в ответ что-то воскликнул на родном языке. Чилишвили ответил по-русски:

– Я не один, с другом.

– Заходи с другом! Заходи, дорогой! – обратился киоскёр ко мне.

Я и теперь чувствую неподдельное гостеприимство и радушие в отношении ко мне, незнакомому для киоскёра армейскому другу земляка из Кутаиси. Продавец налил по гранёному стакану из своего бурдюка, вернул деньги за выплеснутое вино, сказав, что солдатам они ещё пригодятся. Потом грузины минут двадцать разговаривали на родном языке. За разговором приняли ещё по паре стаканов. Земляки были довольны встречей вдали от родины. Ещё по полстакана хозяин налил со словами:

– Вы на службе, много нельзя.

Я ощущал, что у обоих ни в одном глазу и сказал об этом сослуживцу.

– А ты встань, – предложил армейский друг.

Сознание было незамутнённым, но ноги немногим отличались от тех, что у ватной куклы, а в сапоги, будто свинца подлили.

– Вот это настоящее грузинское вино, – горделиво сказал Чилишвили по пути на кинобазу.

Пить такое вино мне больше не приходилось до поездки в Абхазию.

Часть 2

Любомиров Михей

Поковинские

Вы просите вспомнить и рассказать что-нибудь. Воспоминания – очень интересная штука. Они вспыхивают, как огонёк зажжённой спички, освещая крошечное пространство. Воспоминания могут неторопливо красться, как искорка по сухому стебельку травинки, способны нестись сплошной стеной лесного пожара, подгоняемого ураганным ветром, нестись огненной лавиной. С одними приходит тепло и ощущение уюта, другие – обжигают, делают больно, от них ни убежать, ни спрятаться. А третьи – подобны взрыву, сравнимому быстротечностью с молнией, способны поразить, ковать воображение и мышцы не только рассказчика, но и слушателя. Воспоминания о войне подобны солнечному затмению, где затмеваться приходится разуму. Не хочу возвращаться к тому периоду жизни. В воспоминаниях – тоже.

Без проблем расскажу мирные истории. Для порядка скажу, откуда я здесь. Родился и рос в Прокопьево – была на Ковё² такая деревенька, одна из семи. Ковё и тогда была судоходна только для моторных лодок, да и то не на всех участках. Не все пороги можно пройти на моторке. О таких лодочных моторах, как сейчас «Вихрь», тогда и не мечтали. И Ангари, и Кову в те времена бороздили лодки под пятисильными моторами «ЗИФ» и «Стрела». Мотор «Москва», мощностью десять лошадиных сил считался верхом мечтаний, был редкостью. Кстати, а сколько сил у современного «Вихря»? Верно двадцать пять. Зверь машина, по сравнению даже с «Москвой». Подметили верно, «Ветерок» в двенадцать лошадей сильнее той «Москвы».

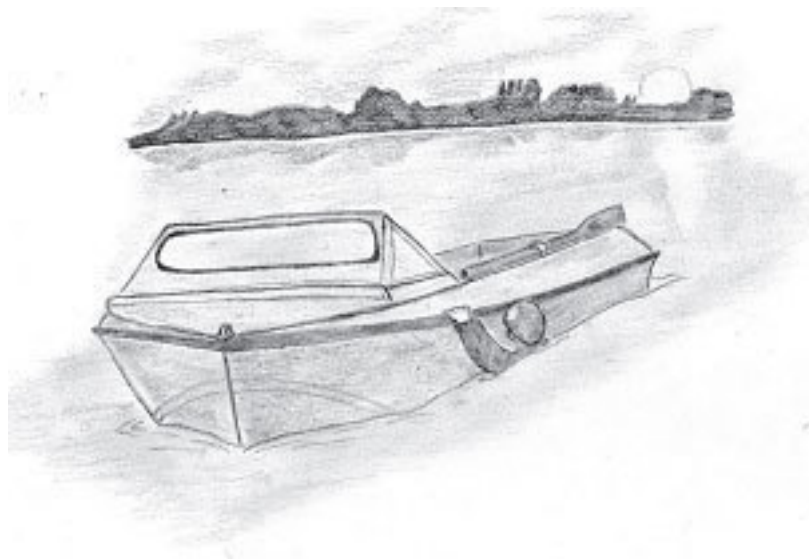
В каждой из семи деревенок, кроме Чёмбы, была начальная школа. Как всякий поковинец, четыре класса я закончил на родине. Нас, живших в деревнях по Кове-реке, до сей поры называют поковинскими. И все мы после четвёртого класса про должны учёбу здесь, в Кежме, или в Болтурино Там при средней школе тоже был интернат. Завозили нас весной и осенью на самолётах, а зимой – иногда по ледовой дороге на санях с конной тягой но обычно – на самолёте. При поездке в санях приходилось кутаться в собачьи тулупы. Чтобы в пути не замёрзнуть, делали пробежки вслед за санями Бывало, подустанешь бежать в тулупе, пошитом на взрослого, хочешь запрыгнуть в сани, а ездовой в это время возьмёт, да и подстегнёт лошадку. Рванёт она, а мы бежим, согреваемся.

У родственников жили лишь некоторые. И верховских³, и поковинских, и заимских заселяли в интернат. Мы, поковинские, от каникул до каникул дома не бывали. Кстати сказать, интернат был в этом самом здании. И в той его части, где у девочек проходят уроки домоводства, тоже жили интернатские. Продукты, включая и соленья, нам привозили из дома, а повара варили, жарили и пекли из тех продуктов. Ничего, голодными не были. Спустя годы многие уважаемыми людьми стали. Есть даже в Москве большие начальники из поковинских.

² Кова – левый приток в среднем течении Ангары.

³ Верховские – жители тех деревень, которые по течению Ангары выше Кежмы.

Улов

Каждый из нас чем-то отличается от других. Этой своей непохожестью мы и запоминаемся друг другу. Был у нас Михай Ильич – очень необычен он. Я школу заканчивал, когда Михай на пенсию пошёл. Но и те, кому он был знаком молодым, знали Ильича таким же. «Не от мира сего» – говорят про таких людей.

Нет, не думайте, что у него с умом нехватка вышла. Ещё как умён наш Михай! Просто какой-то нескладный. И случались с ним истории, которые другими сторонами обходили. Мальчиком я был, когда Михея Ильича еле живого из весенней Ковы вы тащили. Тогда целлюлозно-бумажного комбината в Усть-Илимске ещё не было, а в Ангаре и в Кове стерлядь водилась. Вы теперь только понаслышке знаете о стерлядке и самоловах – браконьерских снастях. Спозаранку поплыл наш Михай самоловы проверять. Не всякий раз выезды удачными были, а тогда подфартило поковинцу, попала на самолов крупная рыба. Сбросил он груз, а тот, волочась по дну, сплав замедлил, – чтобы лодку не пронесло мимо добычи.

На радостях или в спешке, но случилось то, что лучилось. Ильич самолов выбирал. Вот она, совсем рядом, стерлядка. Крупная попала, сильная. И выпрыгивала из воды, показывая неуёмность характера, и в глубину под лодку тетиву самолова уводила, и рывками пыталась избавиться от ненавистных ей самоловных крючков. Но к самой лодке подвёл добычу Михай – не по силам стерлядке бывалому самоловщику противостоять. Радует рыбака, что такой крупный деликатес в руки идёт. Размышляет между делом, как ему в лодку улов перевалить. Опёрся коленом о борт, поднатужился, а стерлядь в тот момент так рванула, что незадачливый рыболов, потеряв равновесие, рядом добычей очутился. И не просто выпал из лодки. Четыре крючка в тело вонзились, а сколько за одежду зацепились – не считал, не до того было.

Интересная компания вышла.

Хоть и притормаживают траки, но сносит течением лодку. Михай от борта не отпускается, чтобы самолов на дно не утянул. А уды⁴ впились в тело нешуточно. Рыбак с лодкой и самоловный трак за собой тянут. И хотел бы, да не отцепиться. Пока пытался одну уду отцепить, ещё две впились в тело. Боль ещё нестерпимее, когда стерлядка бьётся – тоже от самоловных крючков избавиться пытается.

Вынесло лодку из ямы, совсем медленно пошла она, вот-вот остановится. И остановилась. Преодолевая боль, подтянулся наш Михай вдоль борта на несколько сантиметров, пере-

⁴ Уды – здесь и далее, самоловные крючки.

хватился ближе к носу лодки и одной рукой за тетиву самолова ух ватился. Это чтобы рывки стерлядки смягчить. Впившиеся в тело уды стали менее болезненны. Онемевшими руками с большим трудом держится на течении. Благо, что стерлядь рядом успокоилась: силы копит для новых рывков.

Сквозь низко нависшие тучи забрезжил рас свет, близится необычное для Михея утро.

– Каким будет сегодня день? А не всё ли равно сейчас? Главное – как живым выйти из этой переделки, – размышляет узник собственного само лова. – А тишина-то какая! Птицы ещё не проснулись – они защебечут, закрикают и зачирикают когда подойдёт пора восхода солнца. И добрые люди спят в этот ранний час. Однако нет – бабы уже встали, коров чилькают⁵. Будто в такт молочным струйкам, ударяющимся о стенки ведра, бьётся о борта и нос лодки речная зыбь плёса, – подмечает Ильич. – Наверное, около часа уже трепыхаюсь, – как в тумане мыслит потерявший счёт времени рыбак.

Как улетающий на юг журавлиный клин, медленно и так же удалённо в сознании проплывали картинки из далёкого и яркого, но безвозвратно минувшего детства. Вспомнилось, как мама, доярка, оставляла детвору под присмотром старших сестрёнок. Потом отчётливо, будто это было вчера, увидел карусель на льду. Тогда парни в лёд на Кове вмораживали ось от телеги, к колесу крепили жердь – получалась карусель. Санки привязывали к жерди. Совсем маленьких катали медленно. Тех мальчишек и девчонок, которые были постарше, раскручивали так, что санки относилось далеко за жердь, они катились боком. При малейшем препятствии детский транспорт переворачивался, а ездока отбрасывало, и он на спине или на животе катился по льду подальше от карусели. Ни слёз, ни хныканья, только общий залиvistый смех. Даже ссадины не могли испортить настроение.

Представились явью походы на молоканку. Там ручным, а позднее электрическим сепаратором перегоняли весь удой. Полстакана свежих сливок для ребёнка – не убыток для колхоза. А для малыша – приятные воспоминания на всю жизнь. Если молоко было просепарировано на момент прихода кого-то из малышей, женщины в ручных масло бойках из сметаны сбивали масло. Тогда угощали свежей пахтой – вкусоностью, остающейся от сметаны после получения главного продукта. В пахте плавали мелкие крупинки масла, отчего она была только вкуснее.

Память привела Михея и в бондарку, где строгий дядя Максим Викторов разрешал детям посмотреть, как делаются бочки для сбора «сосновых слёз» – живицы. Он клал на пол обруч, вставлял внутрь его строганные дощечки, клёпки, обхватывал верхние концы клёпок тонким тросом и аккуратно стягивал ручной лебёдкой. Если какая-то из клёпок при стягивании ломалась, то в этот момент наблюдатели сидели «тише воды и ниже травы». Не любил дядя Максим детских советов «под руку», мог и выгнать всех вместе с советчиком. Иногда он делал кадки для воды, которые ставили обычно в бани, чтобы вода успевала про греться. Скотину поить лучше не ледяной водой из проруби, а тёплой. И лагуны для браги – тоже его рук дело. Красивые, аккуратные, небольших размеров, они походили на деревянные игрушки. Находилась среди мужчин немало тех, кто «заигрывался» около тех «игрушек» для взрослых.

К счастью Михея, под берегом моторка проходила. И, срывая голос, звать на помощь – дело бес полезное. Даже беседующие в одной лодке, чтобы друг друга услышать, старались перекрыть рёв мотора. Сидящим в моторке не видно полощущееся за лодкой тело, но Михеёво судёнышко они признали. Поняли, случилось что-то неладное, рассуждают:

– Не уснул же Михей, коль спозаранку на рыбалку отправился? Да и лодка заякорилась не на рыбном месте.

Когда моторка подплывала к казавшейся безлюдной лодке, стерлядь стала биться с такой силой, что часть уд вырвалась и из неё, и из рыболова. От боли Михей потерял сознание, но пальцы судорожно вцепились в борт и тетиву самолова.

⁵ Чилькают – (диалектное), доят.

Безысходность и ужас последнего мгновения исчезающего сознания отразились во взгляде стерлядкиного компаньона, нанизанного на самоловные крючки.

– Вот так улов! – не сдержали удивления подплывшие односельчане.

– Как добычу делить будем? Кому стерлядку, кому Михея? – шутили рыбаки, когда еле живой незадачливый рыбак и добыча оказались в лодке.

– Половину стерлядки мне, а вы вторую половину делите, – распорядился пришедший в сознание Михей.

Бой без правил

Пять собак взяли след и рванули в погоню. Михей, которому тогда перевалило за сорок, скомандовал юному сыну:

– Пошли, Тёма. Зверь может ходом пойти. Тогда собаки не смогут задержать его. Чем больше про судачим да проваландаемся, тем дольше будет погоня. Снег небольшой. Наста, какой весной бывает, нет – ходко идёт лесной бродяга.

Широкая размеренная поступь сохатого отчётливо видна на снегу в цепочке следов, оставленных собаками. Вскоре неожиданно услышали собачье повизгивание. Оказалось, что две самки вернулись отказались от преследования.

– С чего бы это, батя? – поинтересовался Артём.

– Значит, есть причина. Пойдём, узнаем, что заставило их вернуться.

Собаки поплелись следом. Через сотню метров Тёма, идущий впереди отца, с недоумением сообщил:

– На след сохатого вышли чужие собаки. Откуда им тут взяться? Неужели кто-то решил поохотиться на наших угодьях?

– Решили и нас не спросили. Они здесь хозяева. Их-то и опасаются наши питомцы. На след сохатого вышли волки. Смотри, как на собаках шерсть вздыбилась. Порвут зверя наши конкуренты. Их пятеро. Собак по следу только трое пошло, надо поспевать пока и собачек не загрызли, – поторопил Михей сына.

Спасовавшие ранее самки, видя, что хозяева пошли вперёд полные решимости, тоже помчались по образовавшейся тропе. Оказавшись на взгорке, охотники слышали злобный лай дерущихся с волками собак. К ним добавился более звонкий лай подросевших на помощь самок. Михей не отставал от сына, легко скользящего по недавно притоптанному снегу.

– Держи ухо востро, а ружьё наготове. Подходим к месту побоища, – предупредил сына отец.

Вышли на небольшую поляну на берегу замёрзшего и припорошенного снегом таёжного ручья. Там волки напали на могучего сохатого. На не сброшенных ещё разлапистых рогах алела кровь. Стало понятно, что одного из нападавших лесной великан тяжело ранил рогами, а потом нещадно затоптал, превратив в месиво. Другой клыкастый удостоился удара копытом.

Когда подбежали первые собаки, три волка оставили жертву, но не бросились врассыпную а пошли в наступление на недружелюбных не званых гостей. Волк, оставшийся в живых после «прикосновения» копыта, был им не помощник. Не пустились они наутёк и тогда, когда к собачьей стае примкнули ещё две обладательницы без жалостных пастей. Всё кружилось и кувыркалось как в невообразимом аттракционе. В этой непрекращающейся круговерти стрелять прицельно не представлялось возможным.

Переполненный адреналином ещё во время погони, Тёма всё-таки выстрелил. Один из волков осел на зад, стал отползать от места схватки огрызаясь и отбиваясь от неотступно следующего пса. Самый проворный, хоть и не самый рослый пёс, сподобился мёртвой хваткой вцепиться в за гривок другого дикого зверя. Они оба покатались по утопанному пятакчу. Одна из самок успевала вонзать зубы то в ноги, то в бока барахтающегося лесного разбойника. Клыки другой пары собак злобно вырывали клочья шерсти, справляясь с третьим противником. Волк, «обласканный» копы том, пытался отползти от места схватки. Собакам было не до него.

Михей добил его первым, потом – Тёминого подранка, и в упор застрелил задыхающегося зверя, которому пёс успел мёртвую хватку перенести за гривку на глотку.

– Не стреляй, с последним они сами справят-я. Пусть почувствуют свою победу. В другой раз смелее будут, – посоветовал отец.

Бока истекающего кровью сохатого вздымались, словно великану леса не хватало воздуха. Успели дикие преследователи добраться до гортани копытного. Голова его подвёрнута так, будто затуманенным взглядом он следил, как собаки справляются с его губителями.

– В таких боях без правил не всегда побеждает сильнейший – в них свои неписанные законы, – подытожил Михей, поочерёдно поглаживая питомцев, изрядно потрёпанных в схватке с побеждёнными волками.

В бане «по-чёрному»

Знали толк в изяществе, умели ценить красоту предки тех прокопьевцев, с которыми мне довелось жить в детстве. Около трёх столетий минули с той давней поры, когда появилось село. Сносились отслужившие старые дома, строились новые, более просторные и добротные в сравнении с первыми срубленными на скорую руку. Время шло, а место таёжного селения осталось неизменным.

От реки до горы за селом природой сделаны два уступа. Неширокая равнинная полоска в половодье скрывалась от глаз людских. Когда большая вода уходила, Кова входила в своё русло, на низине оставались небольшие озёрца. Правильнее сказать, лужи, вода в которых прогревалась, а дно покрывала мягкая молодая трава. Вот раздолье-то было ребятне, готовой плескаться в тёплой водице мелководья даже без обеда! Дальше от реки высоченный угор⁶. На нём-то и расположилось Прокопьево – деревня почти на всём протяжении в одну улицу с домами к реке.

На готовку пищи, для бани и стирки воду носи ли из Ковы. Тяжело подниматься на угор с полными вёдрами под коромыслом, да только красота стоила того. Сарай, амбары, стайки, бани и прочие строения – всё на задах огорода было построено, в улицу своей неприглядности не

⁶ Угор – (диалектное) в значении высокий крутой подъёмна берегу реки.

выказывало, красоту не нарушало. За огородами, почти вплотную к ним, растянулась озерина⁷, неширокая полоска воды, куда летом выпускали гусей и уток. Зимой на том водоёме лошади из проруби пили. Там же воду и для другой домашней скотины набирали.

Рыба в озерине не водилась – домашние пернатые мигом проглотили бы всякую живность, случись ей появиться из занесённых дикими птицами икринок. Да и откуда взяться икринкам? Даже во время перелёта не садились на ту воду ни утки, ни гуси и никакие другие дикие птицы. Наверное, в генетической памяти заложено у них пролетать мимо этого места, чтобы охотники не перестреляли. Местные водоплавающие часто ныряли и доставали что-то съедобное.

Никто там не купался. Почему? А вы представьте, что плывёт кто-то из вас, а рядом пристраивается гусь и клювом долбит плывущего по темечку – другие-то части тела под водой. Тюк да тюк, и так раз за разом. Это вам здесь смешно, а рискнул бы кто-нибудь там оказаться? Гуси ревностно оберегали свой водоём от посягательств любого бескрылого существа. Даже тогда, когда они отдыхали на берегу, при приближении детворы гусаки вытягивали шеи и с шипением преследовали убегающих, не желающих быть пощипанными сильными клювами.

Но расскажу я вам, друзья мои, про баню «по-чёрному». Теперь такую и не отыщете. Встречались баньки и с трубой. Дым в них сначала сквозь камни топки в помещение идёт, потом, когда прогреется, весь вытягивается в трубу.

Приехал тогда студент – Артём Брюханов – на каникулы. Пора покоса подступала, а отец, Михай Ильич, середь бела дня дома.

– Здравствуй, батя? Чего это ты праздникуешь?

– И впрямь, не время праздники отмечать в будний-то день. Хвороба меня прихватила, поясница распоясалась.

В слове «поясница» отец сделал ударение на второй слог.

– Потерпи, батя. Вот отойду от болтанки в перелёте, истоплю баньку и попарю тебя от чистого сердца да от всей души.

Всё так и сделал. Баню Михай ещё не переделал по-чёрному топились, но с трубой. Пока протапливалась банька, успел Тёма свежий берёзовый веник наломать, а в придачу – крапивный. Благо, что за крапивой идти никуда не надо, в огороде вдоль за бора выросла. Берёзовый веник распариваться положил, а крапивный – на полочку, чтобы от кипятка не размяк, как тряпка не стал.

Приковылял Михай в баню, дошло дело до пропаривания. Прошёлся сын по отцову телу берёзовым веником туда-сюда-обратно и взялся за крапивный. Плеснул на каменку ковш кипятка, обдал паром крапивный веник и продолжил парить больного отца, уже крапивой. Попытался Михай вывернуться из-под веника, но понял бесполезность этого занятия при больной-то пояснице. Прижал Тёма хворого к полку, парит да приговаривает:

– Терпи – это, батя, из тебя хвороба так выходит. Банька с вениками радикулит твой как рукой снимут. Будь мужиком. Или ты и фельдшерицу Марию Васильевну упрашиваешь не ставить тебе уколы от того, что болючие?

– Изверг, а не сын ты мне. Муки-то какие! Сам, небось, не пробовал так лечиться. Терпежа нет, горит спина-то, – кряхтя от жгучей боли, ворчит отец.

– Ничего, обвыкнешься, зато здоровым будешь, – успокаивает сын, продолжая экзекуцию. – И по сидельнице твоей пройдемся, разгоним кровь.

Парит сын, утешает больного, а Михай Ильичу вспомнилось, как шестилетнего Тёму раза три-четыре брючным ремнём стеганул. Тогда с друзьями, под стать самому, курил его челядёнок⁸. И нигде-нибудь, а сидя на завалинке начальной школы. А перед тем курением

⁷ Озерина – (диалектное) в значении озеро.

⁸ Челядёнок – (диалектное) ребёнок.

завалинки открыли для просушки стен. Детвора о пожаре не подумала, а ухим-то опилкам, что в завалинках, немного надо для возгорания – искры от самокрутки вполне хватило бы.

«Не в отместку ли за то сын так безжалостно хлещет теперь?» – подумалось отцу.

– Тёма, сынок, не издевайся над отцом, пожалей хворого. Христом Богом прошу пощадить, – взмолился больной.

Через оконце в баню проникает немного света не замечает Тёма, какая спина у отца. Сын твёрдо стоит на своём, усердно врачует, удерживая батю на полке. Пока веник гулял по наболевшим местам, с трудом, но терпел Михей Ильич. Когда же крапива прошла по икрам ног, вырвался болезный. В чём был, в огород выскочил, крутнулся там и, махнув на всё рукой, с воплями: «Ошпарил, окаянный! Как есть ошпарил крапивою», – трусцой засеменил к озерине. В тот раз гуси при виде бегущего с крика ми, переваливаясь, разбежались в разные стороны. Почти рядом с берегом, где вода чуть выше колен, с маха плюхнулся Михей в мутную жижу, сплошь по крытую гусиными и утиными перьями.

Подбегающий Артём кричит, чтоб отец услышал, а сам хохот унять не может:

– Ох, уморил ты, батя, всю округу! Смотри, даже лес на всей горе чуть не попадал от смеха при виде стремительности твоего побега. Жалко, сабли при тебе не было. Это для полноты зрелищности отступления.

Отец из озерины вторит ему:

– По-чёрному ты меня в баньке отходил, ляд⁹ проклятуший. Неужели для этого я тебя растил изверг ты мой, издеватель хладнокровный даже стокий?! И как у тебя рука поднялась? Ошпарил отца крапивою-то. Как кипятком обдал. Как я теперь жить, работать-то буду?

С этими словами вернулись к Ильичу ощущения. Чувствует купальщик, что не болит поясница. От контраста температур пара и воды в озерине, от крутого настоя птичьего помёта в месте «купания» или от крапивного веника, только прошёл Михеев радикулит. Надолго прошёл. А сплошной крапивный волдырь от шеи до икр длиною за три дня исчез.

«Свой своему поневоле друг», – гласит пословица. Лишь сошёл след ожога, тогда же Михеевы обиды на сына и забылись.

Охота на медведя

Осенью, когда Михей Ильич приехал на свои охотничьи угодья, оказалось, что до него охот ничье зимовье успел посетить лесной Миша.

Остававшиеся банки тушёнки и сгущёнки оказались прорваны мощными медвежьими когтями а содержимое высосано. Сухарей будто вовсе не было – всё подобрано до крошки.

– Нехорошо поступаешь, соседка. Ну, погоди найду я на тебя управу, – пообещал подразорившийся охотник.

⁹ Ляд – (диалектное) нехороший человек, иногда – нечистая сила.

В ноябре, когда белковал, наткнулся Михай на берлогу. Снег покрыл землю на два десятка сантиметров, морозцы по ночам перевалили за двадцать, вот и залёг косолапый до весенней оттепели.

Выдыхаемое тепло не даёт метелям закупорить медвежье жилище – снег протаивает, образуя отдающий желтизной куржак. Жадность ли была причиной или желание показать людям, что и он «не лыком шит», да только в отсутствие Артёма, теперь студента в Красноярске, никого не позвал Михай, пошёл на медведя с дочкой. Восьмиклассница Люська до того рябчиков выстрелом сшибала с веток, как хороший снайпер мишени в тире, – была без промаха. Ружьё Тёмы тяжеловато для девчонки, вот и снабдил отец дочку привычной для неё тозовкой.

От лошади, запряжённой в сани, километра два Михай тянул нарты, сооружённые им ещё дома. Это для подвоза к саням медвежьего мяса.

– Идти по люськиной лыжне легче, чем по целику. Обратно по натоптанной и подмёрзшей лыжне нарты и с грузом хорошо пойдут. Благо, что обратно почти везде под уклончик будет, – размышлял Ильич на подходе к берлоге.

Поставив ружьё к сосне, чтобы успеть воспользоваться им, охотник вырубил жердь и утоптал снег. Это чтобы не запнуться в спешке. Люську поставил за сосну поодаль, заставив стрелять, как только медведь появится из берлоги. Протиснул Михай жердь в медвежье убежище и стал шуровать, пытаясь нащупать зверя. Ощувив, что жердь упирается в мягкое, стал орудовать безжалостно. Сначала хозяин жилища ухватил беспокоящий предмет зубами, но в какой-то момент отпустил, а Ильич резким усилием вырвал оружие и продолжил шуровать.

Разъярённый зверь молниеносно выскочил из берлоги и набросился на обидчика раньше, чем тот дотянулся до ружья. Медведь не обратил внимания на щелчок тозовочного выстрела. Маленькая пуля не помешала подмять Михея и расправ ляться с полушубком. Огромные сильные когти легко входили в одежду, цепляя и тело. Из глубоких рваных ран на руке и груди хлынула кровь Ильич ощутил её тепло и крикнул:

– Люська, стреляй!

– Но девчонка была напугана столь резким поворотом страшных событий. Руки её тряслись. Она не стреляла, боясь попасть в отца Помогли собаки, набросившиеся на добычу Михею удалось дотянуться и выхватить из ножен охотничий нож. Лёжа, вонзил его в подрёберье зверя, корёжащего и рвущего жертву А лесной Миша при этом успевал отбиваться от разъярённых собак. Ещё невероятное усилие, и в толстой шкуре топыгыгина появился разрез, из которого стали выпирать внутренности. Медведь сел на зад и с недоумением глянул на то непонятное, которое продолжало вылезать из него. В этот миг прозвучал второй щелчок. Лесного богатыря оглушило, но не звуком выстрела. В ухо попала пуля. Заметив Люську, медведь резко развернулся и готов был к прыжку, чтобы расправиться незваной гостьей, причинившей боль. Разворачиваясь, косолапый когтями задней лапы вспорол ногу и пах Михея.

Отцу было не до ощущений собственной боли. В жизни дочери могли остаться мгновения. Он дотянулся до заряженного пулями ружья, упёр приклад в землю и, не целясь, выстрелил в направлении разъярённого грозного хищника. Медведь рухнул. Сначала его ноги, а потом только стопы мелко задёргались. Вставшему на дыбы лесному великану пули раздробили мозжечок и через пробитое темя вынесли из черепа часть мозгов.

Люська, еле живая от страха за отца, бросилась перевязывать его, а он расплылся в широкой улыбке, радуясь, что его девочка жива и невредима. По мужскому лицу текли слёзы радости. Чтобы остановить кровь, пришлось пожертвовать отцовской рубашкой и Люськиным бельём. В горячке Михай умудрился перерезать горло зверя и, вспоров живот, выпустить большую часть кишок.

Ильич, лёжа в нартах, помогал девчонке в упряжке, отталкиваясь здоровой ногой. Собаки ходить в нартах не приучены, да и упряжи для них не было. Дотянула отца Люська до саней. Пригодились нарты. Медвежью тушу привезли в село на следующий день.

Недетский детектив

Встревоженная Марья Колпакова пришла к председателю сельсовета Каминскому ещё до открытия. Увидев её, полный неподдельного внимания Кирьян Николаевич спросил:

– В чём проблема, Марья? Не стряслось ли чего?

– То-то и оно, что стряслось. Насилу утра дождалась. Ночью не пошла будить Вас. Достаточно что Марию Васильевну из постели подняла. Изверг проклятуший в деревне объявился – Михай Ильич, забубённая его голова. Вчера вечером в Никишку мово из ружья шмальнул. Задержи его да первым самолётом в Кежму отправь. В каталажке его место. Угробить ведь мог мальчика.

– Погодь, Марья. И задержать, и сопроводить, и в тюрьму посадить завсегда успеется. Где это случилось? Вдруг случайным был выстрел?

– Сторожил молоканку да колхозный двор он. С ружьём сторожил. Дети недалеко играли, а он в мово Никишку, как снайпер какой, дробью саданул.

– Чего-то я ничего в толк не возьму. Сторожил? Ружьё? Дробью саданул? Не суетись. Тут надо во всём основательно разбираться.

Аннушке, часто исполняющей роль посыльной-рассыльной, наказал:

– Давай-ка мне сюда председателя колхоза, да этого «ворошиловского стрелка», Михея Ильича. Не забыла, небось, что Верхотурова Алексеем Семёновичем зовут?

Алексея Семёновича Аннушка разыскала первым. Он и пришёл раньше. Кирьян Николаевич попросил Марью идти домой, но согласился, что та подождёт на улице.

– Как же так случилось, что здоровый мужик у тебя молоканку сторожит. Там же, вроде, Шалапутины дед с бабкой трудодни зарабатывают, – поинтересовался Каминский.

– Они самые и работают. Только тётка Стюра приболела, а дед Данила уже не так крепок, чтобы на вторые сутки пойти. Он в выходной сутки отсторожил. Да и за больной женой дома уход нужен. А кто у нас безотказный, сам знаешь, Михай Ильич. Вот и попросил я его подменить стариков. Он и сегодня, после сторожения, на покос уехал бы. Да оставил я его из-за ночной стрельбы. Без него зарод смечут. Знаю, без разборок не обойдётся. Хотя, он утверждает, что в пестуна¹⁰стрелял. Я и сам не пойму, откуда в деревне пестуну взяться. Все собаки охотничьи, за версту бы медведя учуяли.

– Вот и от тебя ясности не добавилось. Послушаем ещё, что нам сам Ильич растолкует. А то и впрямь придётся в Кежму везти, в милицию сдавать. Лёгко на помине, Михай Ильич. Аннушка, побудь пока с Марьей. Рассказывай, откуда было взяться пестуну? Спросонья что ли шмальнул, – поинтересовался Каминский.

– Не было никакого сна. Да и время, хоть и темно, не позднее было. Эвон, молодяшки ещё шалили вовсю. После обхода сижу я в молоканке, лампу не зажигаю, задумался чего-то, вдруг треск слышу. Будто доски кто-то ломает. В оконце выглянул, никого не вижу. Вышел, а тут из-за угла рыканье медвежье. Не поверил, а оттуда и впрямь пестун появился. Меня увидел, да как рывкнет, будто и не пестун вовсе, а взрослый медведь. Кричать на него бесполезно. «Дайка я тебе шумну», – думаю. Вернулся по-быстрому, выскакиваю, а пестун ружьё увидел и от меня опять за угол хотел убежать. Убегает, я и решил «шумнуть» в него солью. Вот, председатель сам сказал мне что патроны с солёной начинкой, когда просил по сторожить.

¹⁰ Пестун – годовалый медвежонок.

– Да, Кирьян Николаевич, всегда так и было Ума не приложу, откуда взялись дробовые заряды. Я же сразу на выстрел прибежал. И патронташ с ружьём забрал. А там, кроме солевых, ещё два дробовых заряда оказалось. У Михея, знаю точно одно ружьё двенадцатого, другое – шестнадцатого калибра. А у сторожа – пухолка, тридцать второй калибр. И все патроны в патронташе родные. Не думаю, что Михей из дома принёс да перезарядил.

– Не было ни нужды, ни желания нести патроны из дома, да ещё и перезаряжать их, – возмутился Михей Ильич. – Только перебили вы меня Сразу-то я не сообразил, что как-то неуклюже шёл пестун, а потом убежал. Только слышу, из-за угла кричат мне: «Не стреляй, дядя Михей. Это не медведь»!

– Бросил я ружьишко у двери и бегом туда. А оттуда, девчонки убегают, будто воробы слетают со скирды необмолоченных снопов. А следом за ними парни пестуна того волокут, как пьяного мужика из горящего дома. Ясно, что не медведя прут с такой лёгкостью, а в толк взять, что к чему, не могу. Не побежал я за молодяшками, сторожить остался. А вскоре и Верхотуров вот, тут как тут появился. Про патронташ он уже сказал.

– Не хочешь ли сказать, что Никитка был под медвежьей шкурой, если дробовой заряд его нашёл? – поинтересовался Кирьян Николаевич.

– Выходит, что так оно и было. Хотя удивляюсь, что при всей неуклюжести медвежьей походки, для человека в шкуре шёл и бежал он очень ловко и проворно.

Чуть поразмыслив, председатель сельсовета возмутился?

– Я кто тебе, мальчик что ли? Что ты мне дет-кий детектив рассказываешь? Иди и до прилёта самолёта сухари суши. Да не вздумай в лес в бега податься. Так, глядишь, разберутся, дадут год или два, а с побегом мало не покажется, – строго предупредил Михея Каминский.

Ушёл Михей, а Марья напирает:

– Зачем отпустили злодея? Хотите, чтобы он челядёнка совсем порешил жизни, если сразу не получилось?

– Остынь, Марья. Не всё тут так просто, как тебе кажется. Поразбираемся до прилёта самолёта. И не вздумай на рацию бежать, милицию будоражить. Надо будет, сам вызову. Я предупрежу, чтобы тебя к рации близко не подпускали. Не обижайся ни на меня, ни на радиста. Не тридцать девятый год, что бы по навету человека в тюрьму садить. Разберусь – пообещал представитель власти и страж законности в одном лице.

Понурая ушла Марья, только и она заподозрила, что не всё ей Никишка рассказал. Зане-вестившаяся Нюрка, которая в тот вечер была с парнями у молоканки, не утерпела и утром всё рассказала матери. Оказывается, студент Толька Бабашкин на летние каникулы приехал из Новосибирска с магнитофоном – штуковиной невиданной по тем временам в таёжной глухомани. Перед поездкой домой побывал в зоопарке, где записал сначала рыки медведя, а потом – рёв. Ему было интересно, как отреагируют на магнитофонного медведя деревенские собаки. Но ещё больше не терпелось парню похвастать дорогой вещицей перед «дремучими» земляками. Это он и сделал в первую очередь. Кому-то пришла в голову мысль:

– А давайте, бабу Стерву разыграем.

Бабушка Стюра, полное имя Анастасия, и впрямь была не безобидным созданием. От неё и сплетни и небылицы про односельчан шли постоянно. Придёт в магазин, посудачит с женщинами, а потом про кого-то из отсутствующих такое выдаст, что трудно не поверить. Молодёжи вечером парочкой на глаза бабке вовсе нельзя попадаться. На завтра так нафантазирует, что хоть на улицу потом не выходи. Оттого-то и звали её взрослые – тётей Стервой, а молодёжь – в соответствии возрасту.

Для полноты картины пригодились турсуновское чучело пестуна, о котором за два года успели подзабыть. Тимофей Турсунов в ту зиму медведицу с пестуном из берлоги взял. Обезжирил шкуры, продубил – выделал так, что хоть дублёнку шей. Только тяжёлая бы получилась дублёнка, хоть и мягкая. Из шкур Тимофей тогда два чучела сделал, пополнил свою коллек-

цию. У него уже были: пара волков, рысь, глухари, барсук. На «святое» дело розыгрыша зло- вредной бабки уговаривать Ваську, сына Тимофея, долго не пришлось.

Подростки, предупредив о секретности, предложили нескольким мальчишкам побывать в медвежьей шкуре. Ходить в ней так же споро, как девятилетнему Никитке, не удалось никому. Все дружно сошлись, что быть в розыгрыше медвежонком именно Никите. Одно не знала молодёжь, что в бабкину смену на молоканке Михей окажет-я. Неудобно смотреть через глазные отверстия, но вовремя заметил парнишка одним глазом, что не бабка вышла, а дядька Михей, да ещё и с ружьём.

Сообразил мальчуган в шкуре, что плохи его дела развернулся и хотел спрятаться за угол. Тут-то и достал его дробовой заряд.

Историю про розыгрыш Кирьяну Николаевичу рассказала Нюркина мать. Можно ли скрывать правду, когда мужику тюрьмой пахнет. Председателю сельсовета оставалось выяс- нить, как сильно пострадал мальчишка. Мария Васильевна рассказывала:

– Кто бы видел тогда Никитку. Слезами, в голос ревел мой оперируемый. Сделала я ему местное обезболивание в обе «ягодки». Подействовали уколы, а всё одно ведь для маль- чонки-то... не в чужом теле пинцет орудовал. Я тогда удивлялась почему дробь у поверхно- сти застряла. В птицу хоть там и перья, дробь глубоко заходит. Теперь знаю, медвежья шкура спасла. Большая часть не пробила маскарадный костюм, но в общей сложности девять дробин я из любителя розыгрышей извлекла.

В дождливый день, когда на сенокосе делать нечего, собрал Каминский всех участников розыгрыша вместе с родителями в сельском клубе Предупредил, что окажись тогда на работе бабушка Стюра, мог розыгрыш намного плачевнее закончиться. Ей и без того по сей день Мария Васильевна ходит уколы ширяет. А каково было бы с её-то больным сердцем, окажись она там? Групповая была бы обеспечена всем участникам розыгрыша. И вины Михея Ильича в случившемся нет. Не мог он знать, что дед Данила несколько патронов перезарядил, чтобы соболя добыть, да отдать для Турсунов-кой коллекции. Выходного-то отдавать, было бы жаль – шкурка денег стоит. А от летнего зверька только и толк, что на чучело. Соболю под молокан- кой крыс промышлять повадился.

Вот такой детский детектив с недетскими последствиями получился. Жаль, что никто тогда о последствиях розыгрыша не додумался, не предостерёг зачинщиков.

– Радуйтесь, родители, что сыновья в армию, а не в тюрьму пойдут. Они-то – не Никитка – все до статьи доросли, – подытожил Кирьян Николаевич.

Змейка

Нелегка была крестьянская доля той поры Днём – работа в колхозе, а вечерами – на своё подворье выкладывались. Молодые выдерживали, а тех, кто постарше, выматывало не на шутку Михей Ильич не был исключением. В тот день на пойменном берегу Чикилеи, левого притока Ковы две колхозных скирды сена метали. Большие зароды, не то, что для своих бурёнок теперь ставят – центнеров под сто в каждом.

Скрутило тогда Ильича так, что дышать стало трудно. А надо навильники высоко на скирду набрасывать. Пожелтел-позеленел бедолага. Бригадир распорядился без Михея справ- ляться. Сам в тень под кусты больного отвёл и снова за работу принялся. Отвозить и переправ- лять через Кову в деревню некому – все работой заняты.

Прилёг болезный на правый бок. Так боль меньше беспокоила. Заснул, уставший, неза- метно для себя. Михеева жена, Алёна, когда узнала про хворого мужа, грабли к кусту приста- вила и с соседней поляны бегом к суженому. Прибежала, да как завопит, запричитает по-бабьи, только почему-то еле слышно. Всполошился народ. Думали, что Михей на тот свет отошёл.

Сбежались. Видят, что жив работяга, только спит крепко. Приглушённый плач жены не стал сну помехой.

Алёна слова молвить не может, рот себе руками прикрывает. Не успели допытаться, а из приоткрытого рта спящего Михея змейка выползла. Вся в слизи жёлто-зелёной. Вылезла и принялась извиваться в траве. Кто-то за вилами побежал, чтобы убить гадину. Не успел. Змейка, в женский мизинец толщиной, прилюдно снова во рту скрылась. Спящий Михей только шевельнулся, словно поперхнулся чем-то.

Минуты три не появлялась ползучая тварь. Возможно, прошло меньше, а время от ожидания тянулось. Снова появилась змейка в слизи, обтёрлась об траву и, извиваясь, в сторону ручья поползла. Кто-то в ней не гадюку, а ужа признал. Решили не убивать. Со змеи на Михея взгляд перевели, а он уже на спине лежит и улыбается во сне.

Разбудили, спрашивают:

– Что приснилось?

– Холодную воду пил. Четыре раза принимался, не мог напиться и от жжения внутри избавиться. Жадно пил, один раз даже поперхнулся, – рассказывал Михей, вставая.

Поведали ему, что не воду он пил, а уж в него дважды заползал.

– Горе-то, какое! Теперь Алёна меня всю оставшуюся жизнь целовать не будет, – с улыбкой сокрушался Михей.

– Чтобы рассеять мужнины сомнения, Алёна поцеловала его так, как только в молодости бывало, вдали от посторонних глаз.

– Ну, чего собрались? Идёмте работать! – с тоном недовольства, но с улыбкой сказала счастливая жена и направилась к оставленным граблям.

Жили и жили

О том, как переселенцы на Ангаре и её притоках отвоёвывали у сибирской тайги земли для хлебопашества и покосов, теперь можно только предполагать. Что-то выкорчёвывали, а какие-то участки приходилось выжигать. Пядь за пядью прирастали клочки земли-кормилицы. Подрастали сыновья, каждому полагалось дать земельный надел, а это очередное наступление на тайгу. Пойменные земли по берегам реки и ручьёв приспособляли под покосы. Равнинные участки, пологие склоны опок и плоские возвышения, террасы, распахивали и засеивали. Тайга – не равнинная степь, где у поля конца-края не видно. У нас отвоёванные земли, как лоскутное одеяло, клочками среди тайги разбросаны. Теперь с самолёта можно убедиться, что так оно и есть.

В больших семьях, где уже все взрослые и работать могли, крупные проблемы решали всей роднёй. В остальном – каждый хозяин сам по себе жил. Одни хозяйства крепили и расширялись. Другим, при единственном кормильце малолетней детворы и стареньких родителей, не по силам было свои пашни обрабатывать, сено на корову и лошадь заготавливать. Шли они в наём к тем, кто крепко стоял на своей земле. А кто-то доходное ремесло осваивал, уходил в людные места на заработки. Все, кто более, а кто-то менее удачливо добывали в реке рыбу, в лесу – зверя. Так-то жили и жили из столетия в столетие.

Октябрьская революция и последовавшая за ней гражданская война всколыхнули народ. И из поковинских сёл были защитники революции. Воевавших на стороне белой гвардии среди наших наверное, не было. Мне, во всяком случае, это не известно. В тридцатые годы двадцатого века по менялся крестьянский уклад. Более зажиточных крестьян раскулачивали, с семьями ссылали на принудительные работы. Наш Уяр¹¹ был местом ссылки. В леспромхозе ссыльные работали. Тогда земля, скот, инвентарь общими стали, колхозными. Не всем это по нраву при-

¹¹ Уяр – село на Кове.

шлось, где-то даже не довольства бывали. Но поняли там, наверху, учли психологию хлебопашца, – не может он жить при пустом дворе. Кроме огородов появилась и живность. Работы прибавилось – днём колхозное, а вечером своё обработать надо.

Даже жившие среди нас старики не помни ли, чтобы в какой-то из деревень Поковы при них была церковь. Передний угол у многих был с божницей и иконами, а в церкви земляки бывали, когда случалось приехать во Дворец¹². Потом и Дворецкой церкви не стало.

Только успели окрепнуть, война на порог каждого дома пришла. Мужчины с оружием на фронтах а женщины, подростки и старики в тылу победу приближали. Очень тяжело было, голодно – почти всё продовольствие на фронт и в города уходило. Селяне друг друга поддерживали, помогали, чем могли. Даже ссыльным «врагам народа», немцам Поволжья, помогали выжить в нелёгкую для всех годину. Потому и выстояли.

Мужики после войны ремонтировали обветшавшее, строили новое. Вновь зажило Прокопьево, да ненадолго. В конце пятидесятых годов на Ангаре совхозы появились. Там за такую же работу люди не трудодни получали, а рубли. Вот и потянулся с Поковы народ в совхозы. Труженики, что помоложе, уехали, а за ними и старики отправились. Скот под нож пустили, а всё колхозное добро: земли, строения, инвентарь – скоро бесхозными стали. Нечистые на руку всё, что можно увезти, быстро разворовали. Теперь из семи поковинских деревень только в Уяре несколько семей лесохимиков живёт. В остальных рыбаки ещё не все постройки на костры растащили. Горестно, друзья мои, за малую родину.

¹² Дворец – село на Ангаре.

Часть 3

Любомировы сказки

Написаны при творческом участии Н. Верецагина и А. Сорокиной

Храбрый русич

Я и сам не знаю, сказка ли это или легенда, да только не в этом главное. Все тайны удалённой на века старины когда-то былями слыли. Потому и дошли до нас, что современники тех событий сами не остались равнодушными к происходящему и другим рассказывали, как очень значимое и дорогое памяти.

Случилось это в те далёкие времена, когда в страну нашу вторглись дикие орды хана Батия. Наша Русь тогда не была такой огромной и могучей, как в настоящее время. Но славилась богатствами несметными, которые трудом своим русичи брали в лесах охотой да рыбалкой в студёных водах. А ещё злаки разные выращивали от хлебопашества. Потому и лезли враги к нам, как мухи на лакомый кусок.

Глухой тёмной ночью налетели вороги на спавшую мирным сном деревню. Громким криком и звоном оружия заполнились улицы. Воины Батия всегда издавали крик при нападении, чтобы сильнее напугать своих противников и вселить в них панику. В том селении были только мирные люди. Разбуженные, они выбегали из домов. Со страхом смотрели беззащитные селяне на озарённое отсветами багрового пламени небо. Яркие языки огня метались по деревне – это враги подожгли избы на окраинах. Деревня оказалась охваченной огнём почти со всех сторон.

С дикими криками врывались в избы чужеземные воины, хватали всё, что попадалось им под руку, жадно набивали свои мешки награбленным добром. Недрогнувшей рукой безжалостно убивали стариков, детей, женщин, если те пытались помешать разграблению. Рыдание и стоны, гневные проклятия и звон ратного металла слышались во всём селении. Но почему никто не поднял против врагов ни меча, ни лука? Почему никто не оказал сопротивления?

За несколько дней до этой страшной ночи Великий князь Юрий Игоревич призвал всех сильных мужчин деревни на смертельную битву с врагом. Ушли наши ратники в ополчение, как и воины других деревень, чтобы поставить заслон грозному врагу, помочь княжеской дружине. Далеко-далеко от родных мест, среди холмов, стояли они заставою, ожидая вражеское войско на реке Суре.

Вот и остались в приграничной деревне седые старики, женщины и дети. А один из отрядов коварного врага стороной обошёл наш заслон. Без крепкой защиты селяне оказались обречёнными на смерть и рабство.

Опьянённые лёгкой добычей, радовались вражеские воины. Они уже пленили многих женщин и детей этой несчастной деревни. Всех пленных завоеватели собирались продать в рабство и уже представляли, как зазвенят монеты в их кожаных кошельках.

И вдруг, у порога одной избы, вражеских воинов встретил молодой ратник. В его руках заблестела сабля. Враги, не встретив сопротивления от других, пришли в замешательство, отступили. Послышались недоумённые возгласы:

– Воин!

– Откуда он здесь?

– Беда!

Ханские вояки насторожёнными взглядами следили за каждым движением молодого воина преградившего им путь в избу, оглядывались друг на друга – кто рискнёт, не побоится вступить в схватку со смельчаком.

Молодой воин казался разъяренным медведем, он с ненавистью смотрел на врагов и ни один взмах его сабли не был сделан просто так. Уже не сколько врагов лежало у его ног, истекая кровью. Захватчики грозились издалека, ругались, но ни один из них не решался броситься вперед. Нападать по одному они уже боялись.

Откуда было взяться ратнику? Полагаете, что воин тогда болел, и князь не взял его в заслон? Думаете, он был на охоте и не знал о наборе в княжескую дружину, а воины не стали ждать, когда он вернется и ушли без него? Да, могли его специально оставить для защиты мирных людей в деревне. Вполне может быть, что наши дружинники узнали о прорыве и возвращались. А этот воин вернулся самым первым. Каждый из вас мог оказаться прав, но послушайте эту давнюю историю дальше.

Неизвестно, как долго пришлось бы завоевателям осаждать избу, ставшую крепостью для местного воина. Но из-за горящего по соседству дома, в окружении нескольких телохранителей, на коне подъехал командир и вождь пришельцев – мурза. С округлого, с отвисшим подбородком, лица и без того узкие глаза с прищуром присматривались к происходящему. Вождь быстро сообразил, что его воины испугались всего одного противника. Дающий достойный отпор его воинам русич показался мурзе совсем юношей – незаметно даже маленькой бородки, которая могла быть у молодого мужчины. Был он по-юношески шуплым – не успел раздаться в плечах, возмужать. Свисавшая до колен домотканая холщовая рубаха казалась позаимствованной с чужого плеча.

Раскосые щёлки-глаза мурзы замутились от гнева.

– Это что такое? Вы испугались одного слабого и молодого русича? Забыли, что вы воины велико-о Батые? А его повеление захватить Русь, ни пред чем не останавливаясь, тоже забывали? Если он защищает эту избу, то там вас ждёт хорошая добыча. Вперед!

Мурза ещё что-то говорил, но слова потонули в воинственных криках его соратников. Они бросились вперед, на приступ. И снова, как будто обожженные огнём, отступили назад. Молодой ратник защищал свой дом, умело используя то что врагов было много. Они не могли всей толпой сразу подняться на крыльцо, мешали друг другу, и вынуждены были идти по одному. Вот тут и полетели головы врагов от взмахов сабли осаждаемого защитника деревни.

Тогда враги достали луки и осыпали молодого воина стрелами. То ли руки у них дрожали, или гнев затмил им глаза, но не смогли пришельцы по пасть в смельчака.

– Его защищает русский Бог.

– Все стрелы пролетают мимо, а его заговорённая сабля ловчее, быстрее и сильнее, чем у любого из нас, – жалобно оправдывались завоеватели.

Вдруг мурза заметил, что два ханских воина, с широкой холстиной забрались на крышу дома. Он довольно усмехнулся – наконец-то догадались Мурза громко закричал:

– Взять парня живым!

В момент, когда он крикнул, молодого воина накрыл брошенный сверху холщовый полог. Воин упал и запутался под полотном, как птица в силках. Но не растерялся, а попытался саблей разрезать ткань, чтобы освободиться. Ещё чуть-чуть и он был бы свободен, но на него уже навалились несколько батыевцев, разъяренных гибелью соратников и собственными неудачами. Тучный мурза не спеша слез с коня и приблизился к месту хватки. Подойдя, остановился изумлённый – в отважном воине-русиче он признал девушку.

Она тяжело дышала. За руки её держали четыре завоевателя.

Бесстрашная защитница односельчан с гневом воскликнула:

– Нет, вы не воины, а подлые и трусливые собаки. Вы смогли победить одну меня, но что будет с вами, когда придут наши могучие и сильные воины!

Толстый и расчётливый мурза с ног до головы оглядел пленницу и самодовольно сообщил воинам свою волю:

– Женщина есть женщина. Я победил её без единого взмаха сабли. Отвезём строптивую девчонку хану. Среди его рабынь как раз не хватает такого цветка.

Сказал он это громко, а про себя подумал, что, сделав такой подарок хану, получит от него хорошее вознаграждение и, может быть, повышение по службе. Взорвавшись на коня, мурза поехал со двора, приказав вести за собой отважную пленницу и её односельчан.

Огонь пожаров, пронёсшийся по деревне, затихал. На месте изб дымились головешки. Горячий пепел разметался ветерком по обезлюдевшим улицам. В дорожной пыли остались лежать селяне, не пожелавшие быть рабами. Кто-то цепко вонзал зубы в глотку завоевателя, другие ещё недавно упирались, били ногами, царапали поработителей. Около избы-крепости остались валяться тела захватчиков, убитых и смертельно раненых воинственной девушкой. Мурза был без жалостен к тем, кто поплатился жизнью от сабли в девичьей руке. Оставшихся в живых селян, воины хана гнали в рабство вместе с захваченным скотом, прочь от родных мест.

Пленных привели на берег реки. Три дня пути по ней на лодке отделяло всех от места впадения в Суру, которая впадает в Волгу. А где-то на Волге раскинулся Батыев град – Казан. Ханские воины соорудили плоты и, погрузив на них награбленное добро, начали сплывать по реке. Пленников и скот пешком погнали по берегу. Мурза и два его телохранителя сели в длинную лодку. Все они оста вались в железных кольчугах – боялись, что в любую минуту русичи нападут, попытавшись отбить своих земляков и родственников.

Девушку-воина посадили в ту же лодку. Пленница сидела, глубоко задумавшись. Не плакала она не рыдала, как другие женщины её деревни, угоняемые на чужбину. Она размышляла, как и когда сможет улучшить момент, чтобы убежать от ненавистных врагов. Но просто сбежать она не хотела.

Никита, отец отважной девушки, самый крепкий, ловкий и опытный воин их деревни, долгие оды прослужил князю в дружине. Он учил дочь и её братьев стрелять из лука и владеть саблями. В ловкости и смелости девушка не уступала своим братьям. И во владении саблей могла на равных биться с любым из них. Сидя в лодке, она думала о том, как освободиться и уничтожить ненавистных врагов.

Неожиданно девушка поднялась, улыbnулась и запела. Один из телохранителей схватился за саблю, но мурза лениво остановил его:

– Она поёт не так красиво, как наши девушки в степи, но пусть поёт.

Девушка пела старинную песню своего народа. Пела возбуждённо, двигая всем телом в ритм песни, и тем самым раскачивая лодку. Воины хана не подозревали, что, двигаясь, девушка незаметно освобождалась от верёвки стягивающей руки. О, как необходимо было освободить руки! Когда связывали, враги даже не подумали её обыскать. Тонкий острый нож, подаренный отцом и бережно хранимый в ножнах, оставался за голенищем её сапога.

Девушка, закончив петь, поставила ногу на край лодки и из глубин девичьей души выплеснулась нескрываемая ненависть:

– Знай, вражий змей, что ты можешь заковать нас в цепи, но никогда не покорить тебе наш народ!

С этими словами она как молния пробежала по краю лодки, воткнула нож в незащищённую кольчугой шею мурзы, и прыгнула в реку. Лодка, покачнувшись, перевернулась верх дном. Белою рыбой мелькнула девушка под водой, а мурза и его телохранители в тяжелых доспехах камнем пошли ко дну. Там и нашли они себе могилу.

С плотов и идущие по берегу, ханские воины со страхом и оцепенением смотрели на свершившееся возмездие. Спohватившись, начали они выпускать стрелу за стрелой в реку, не понимая, куда стреляют и зачем они это делают. Девушка выныривала лишь на миг, чтобы сделать очередной вдох. Лучники не успевали прицелиться, а их живая мишень снова исчезала под водой. Страх сковал сознание воинов, лишившихся мудрого предводителя – их мурзы.

– Как такая хрупкая девушка могла в один миг уничтожить и мурзу, и двух свирепых телохранителей? – думали они.

– Непонятный здесь живёт народ. Непокорная у него душа. Трудно его одолеть, – говорили они между собой.

А пленные, гонимые по берегу, стали говорить о своих могучих воинах, которые уже мчатся сюда на быстрых конях и скоро всех освободят.

Девушка, выплыла на противоположный берег ниже по течению. Выходя из воды, одной рукой поправляла волосы, в другой сжимала тонкий и острый нож, спасший её, не позволивший сделать подарком для хана. Как освободить пленных она ещё не знала, но скрытно двигалась по другому берегу – преследовала порабощенных.

Коварный мост

... – Ничего, подождите. Я придумаю, что сделать и как вас выгнать со Святой Руси, – вслух произнесла преследующая врагов девушка.

– Ты с кем это разговариваешь? – услышала она. Отпрыгнув в сторону и прижавшись спиной к осине, одиноко стоящей среди кустарника, настороженно посмотрела по сторонам. Она крепко жала острый клинок, готовая в любой момент пустить его в дело. Наступила тишина, а вокруг никаких признаков людей. В напряжённом мозгу промелькнула мысль:

– Не почудилось ли?

Вдруг кусты зашевелились и из-за них вышел старик, в домотканой, местами порванной и замазанной рубашке, подпоясанной кушаком. В руках у него была длинная суковатая палка. Ею он прокладывал себе путь среди зарослей, она же служила старцу посохом. Возможно, палка взята в качестве оружия для защиты в этих глухих местах. Подойдя к девушке ближе, опершись на свою палку, он с прищуром посмотрел на незнакомку и повторил вопрос:

– Ты с кем это разговариваешь? С кем ты собралась воевать?

– А, дедушка Данила, я узнала Вас, – с облегчением вымолвила преследовательница завоевателей. – Вы в соседней деревне кузнечным делом на хлеб промышляете.

– Это верно, внучка. А ты, никак, дочка Никиты княжеского ратника? Сожгли нашу деревню враги Многих убили, ещё больше в полон увели. Я бился с ними возле моей кузни и положил в сыру-землю несколько басурман, но ушел, как и ты, – ответил ей старик.

– Точно, дед Данила, Никитична я, Ольга.

Оглядевшись, они вместе пошли в сторону леса растущего могучей стеной сразу за полосой прибрежного кустарника. Зайдя глубже в лес, реши ли остановиться. Сделали хороший и добротный шалаш, покрыв его лапником пихтовых и еловых веток так, что даже с расстояния в десять шагов убежище стало почти незаметным.

Девушка набрала хвороста, разожгли костёр Просушив одежду, задумались, как быть дальше.

– Значит, решила в одиночку воевать с войском хана. Тяжело это, да и не справиться нам даже двоим хотя попробовать надо, – задумчиво признал кузнец.

Решили, что под видом слепого старика и мальчика поводыря пойдут и разузнают, где располагаются воины хана. Где у них главный лагерь и какие у врага силы. Данила закатил глаза вверх и пошёл неуверенной походкой, выставляя вперёд свою палку, как бы прощупывая дорогу. Ольга рассмеялась – так похоже скопирован образ настоящего слепого. Девушка отрезала свои красивые длинные волосы, надвинула холщовую с небольшими полями шапку на глаза и преобразилась в мальчика-подростка.

Переночевав в шалаше, пошли они по тропинке и через некоторое время вышли на дорогу. Идти стало легче и быстрее. Незаметно для себя вышли на край деревни и старик сразу

превратился в слепого, а девушка – в мальчика-поводыря. Заметили, что там много воинов хана. Их тоже заметили, отступить поздно, а выдавать себя не хотелось.

Посреди деревни, на центральной площадке напротив деревенской церкви, где в мирное время обирались жители для торговли и обсуждения о старейшинами текущих дел, горели костры. На них басурмане в больших котлах готовили мясо и плов. Воины лежали возле костра, другие, сидя по-турецки, ели. По рукам стекал жир от мяса. Вытирали жир о свои халаты и шаровары.

Обойти столпотворение негде, странники пошли прямо. То ли слишком сыты были воины хана, или хорошее настроение было у них, но путников не тронули. Да и что могли сделать им, воинам Батыя, эти двое – немощный старик и мальчик? Смеялись басурманы, тыча пальцами в сторону слепого с мальчиком, бросая в них объедки. Только один подошёл, с недоверием посмотрел на наших странников, заглянув в котомку и, не увидев там ничего кроме пары луковиц и сухарей, отпустил. Неожиданно, пройдя лишь несколько шагов, путники услышали грубый окрик. Не понимая, чего от них хотят, но по интонации чувствуя что-то неладное, остановились. Рука слепого старца крепко сжала свой посох. Он умел обращаться с ним и в случае необходимости мог использовать как оружие. Подросток сжался как пружина, рукой нащупал под одежной острый стальной клинок. Они были готовы к самому худшему.

Подошел всё тот же воин с грозным выражением лица. Одна рука лежала на рукоятке сабли другая – за спиной. Путники затаили дыхание, но через мгновение раздался оглушительный смех всех, кто видел происходящее. К большому удивлению слепого и поводыря, остановивший их воин положил в котомку старика увесистый кусок обжаренного мяса.

– Ешь старик и скажи всем, кого ты встретишь что воины хана добрые и милостивые люди. Я бы забрал тебя к себе в рабы или продал, но ты слеп хоть и крепок, а такой мне не нужен. Иди и помни мою доброту.

Не спеша, но не оглядываясь, путники прошли до угла дома, а зайдя за него, с облегчением выдохнули.

– Пронесло. А как хотелось вонзить нож в горло этого басурмана! – сказала девушка.

– Нет. Не так он прост, как со стороны кажется. Давай вернёмся в наш шалаш, а там подумаем что да как. Главное, что мы примерно знаем рас положение врага, и то, что здесь у них не главные силы, – возразил старик.

– А ещё, – подмигнув, добавил: – У нас, слава Богу есть прекрасный кусок мяса, который мы с удовольствием съедим. Надеюсь, что он не отравленный.

Смеркалось, когда пришли в убежище. Костёр разжигать не стали. Поужинали обжаренным мясом, да луком и сухарями из котомки.

Утром, открыв глаза, девушка сразу зажмурилась. Тонкий лучик солнца, пробившись сквозь незаметное вечером отверстие в крыше шалаша, крался по её лицу. Но она проснулась не от него, а от тишины. Нет, лес жил своей повседневной жизнью – щебетали птицы, слабый ветерок шумел зеленью листвы на деревьях. Не было криков и стонов людей, лязга оружия. Была тишина. Впервые это показалось удивительным.

Оглянувшись, а старика нет. Когда он ушёл? Куда? Вчерашние события, до того вымотали её, что она спала долго и без сновидений, во время на восстанавливая силы.

– Долго спать изволишь, Ольга Никитишна, – услышала она.

Выглянув, увидела, что старик что-то «колдует» возле костра. В неизвестно откуда взявшимся котелке, помешивает деревянной ложкой.

– Давай, поедим чем Бог послал. Супец готов, – предложил кузнец.

Постеленная на землю чистая рогожа, казалась роскошным столом. Здесь лежали: три луковицы, несколько огурцов и почти целый каравай хлеба. В чистой тряпице была соль. Совсем неожиданно для импровизированного стола, красовались глиняные чашки и деревянные ложки, невесть от куда взявшиеся.

– Откуда такое богатство, – с искренним удивлением спросила Ольга.

– Пока ты спала, я на зорьке встал и пробежался по окрестности. Буквально в нескольких верстах отсюда, в противоположную сторону от той деревни, где мы были вчера, я наткнулся на хуторок Жителей кого убили, других увели в полон. Нет никого. Всё разбито, но не сожжено. В избе я нашёл хлеб, соль, огурцы и даже репу. Потом, когда уже уходил, заметил на полке вот эти глиняные чашки да кружки с ложками, а в углу – котелок. Чем добру пропадать, пусть нам послужит, – оправдываясь сказал старик.

Позавтракав и затушив костёр, решили, что нечего сидеть на месте да прятаться от врагов. Нужно идти и по возможности добраться до князя и его войска. Рассказать ему, что творят здесь недруги, в то время, когда он с ратниками в ожидании наступления врага стоит на реке Суре.

Едва они тронулись в путь, повстречался мужичок, односельчанин Данилы, Прокоп.

– Здравствуй Данила. Тебя не узнать. Мы дума ли, что тебя угнали в рабство или убили проклятые басурманы.

– А ты как остался жив? – спросил старик.

– К тому ещё я не один. Вон в роще те, кто успели крыться от ворогов, – сказал Прокоп и показал рукой левее хутора. – Я пошел на разведку, может быть, съестным где разживусь. Второй день кроме ягод ничего не ели. Голодно.

Прошли через поляну и, углубляясь в рощу, увидели людей. Из шести человек – четверо крепких мужчин, но с ранениями. На раны указывали многочисленные кровавые повязки на их телах. Среди мужчин оказались две женщины, мать и дочь, известные в округе травницы и повитухи. Они лечили заболевших да раненых на охоте жителей не только своей деревни.

– Рад видеть вас, земляки, живыми хоть и не совсем здоровыми, – приветствовал кузнец, присаживаясь на пенёк. – Ну что делать будем? Не сидеть же нам в этом лесу до скончания веку. Какую думку думаете, земляки?

– Да, ситуация не из простых. Враг топчет нашу землю, убивает наших братьев, сестёр, отцов и матерей, – задумчиво произнёс Василий, молодой мужчина с повязанной головой.

Василий хорошо знаком кузнецу, смыслённый и рукастый, как говорят про таких людей. Он часто заходил в кузницу, помогал. Когда был ещё подростком, стоял на мехах – подавал воздух в горн, чтобы огонь был жарче. Когда подрос и возмужал, тал молотобойцем.

Приняли общее решение – нападать из засад на небольшие вражьи отряды и обозы.

– Только оставаться под открытым небом нельзя. Раны нам перевязали и травы приложили, но нужно делать шалаши или рыть землянки. Осень не за горами, – дальновидно подметил Василий.

– Без жилья не перезимовать, – согласился Прокоп. – Землянки надо готовить.

– Послушайте. Я тут недалеко обнаружил не большой хутор. Два дома добротные, есть хлев и амбары. Людей нет. Всех угнали, значит, туда воины хана не вернутся. Что на это скажете? – предложил Данила.

– Начнём тревожить бысурманов – вернутся Ещё как вернутся. Поодаль от хутора тайно землянки и дрова к ним готовить надо. Это, если хутор сожгут. А пока лучше жить на хуторке – уверенно сказала Ольга.

С дочерью князева служивого все согласились были довольны этим предложением и отправились к хутору. Убедившись из-за деревьев, что хутор пуст, смело вошли в дом.

Прошли три дня, а людей было не узнать. В амбаре нашли припасы свеклы и репы. Немного, но по их подсчётам, можно было прожить даже зиму В те давние и беспокойные времена люди кроме основных запасов делали тайники. Под полом од ной из дворовых построек выкапывали большую яму, обкладывали её брёвнами. Получался вместительный подвал. В него засыпали запас зерна ставили подсолнечного масла в глиняных сосудах оставляли соль. Там хранились сушёное, долго непортящееся мясо медведя или сохатого.

Отдохнувшие, люди через три дня рвались ринуться на врага. Умение женщин сделало своё дело – мужчины поправлялись, могли крепко держать в руках оружие.

Одного не доставало им, и это был очень большой минус. У них не было оружия. Двух топоров, пары ножей да клинка мало, чтобы вступить в бой даже с небольшим отрядом врага. Данила был не только хорошим кузнецом. В любом деле: гнал ли он дёготь, вырезал ли посуду или выдалбливал из колоды дерева лодку – не было во всей окрестности мастера искуснее. Его и избрали старшим над собой люди, готовые идти на смерть.

Отправил кузнец двоих в разведку. Три дня их не было. Когда вернулись, рассказали, что в полутора днях ходьбы в сторону восхода солнца есть дорога, а по ней идут обозы с награбленным добром, гонят пленных в рабство. Сопровождают их небольшие, в пять-семь человек, отряды басурман.

– Есть там шагов в тридцать мост. Речка глубокая, сам проверял, – заверил Василий. – Поэтому все идут через мост. Вот там можно и напасть, – с озорной улыбкой, как бы показывая, какой он молодец, что всё разузнал и ловко придумал, сказал молотобоец.

– Надо всё продумать, – предостерег старик. – Начерти мне на песке план места – как стоит мост да что вокруг него. Есть ли деревья и кусты?

Придумал кузнец, как можно добыть оружие и заодно побить врагов.

– Напасть действительно лучше на мосту, но без оружия и отвлекающего момента не справиться.

Сделали пять крепких луков да по десятку стрел на каждый. Больше в нападении не понадобится. Если сразу и внезапно не уничтожить врага то потом и сто стрел не спасут от хорошо вооружённого конного отряда воинов хана. Расчет был на внезапность. Ключевая роль отводилась Ольге отличившейся при защите своего дома. На следующий день выдвинулись они всем отрядом, оставив на хозяйстве только женщин. Через полтора дня оказались у моста. Оглядев место, увидели что с одной стороны дорога спускается к мосту с пригорка, а за рекой прямо и ровно идёт дальше.

Мост крепок, надёжен. Под ним спрятался Прокоп с верёвкой, привязанной за сваю моста. На конце верёвки привязали крепкий берёзовый крюк, который надо зацепить за ось телеги или повозки.

Посредине моста, когда верёвка натянется, лошади вырвут ось из телеги. Это застопорит движение на мосту. Лошади испугаются и «понесут» волочащуюся телегу, возникнет паника.

– Вот это нам на руку, – пояснил кузнец.

– Тебе нужно быть вон на том месте, – сказал он девушке, показав рукой в сторону противоположного берега. – Ты знаешь, что делать.

Все заняли намеченные старшим места. Вскоре из-за поворота показался большой отряд хорошо вооружённых басурман.

– С этими нам не справиться, – решил кузнец и знаками распорядился пропустить отряд.

В ожидании прошла половина дня. И вот появился небольшой отряд воинов хана во главе со своим мурзой. Чувствуя свою безнаказанность и илу, только двенадцать воинов сопровождали несколько телег с добром награбленным у русичей.

За телегами, гнали несколько коров и человек двадцать пленных. В основном это были мужчины, но среди них было несколько женщин и детей. Сам же мурза, ехал впереди на красивой повозке, лежа на множестве подушек. Ему было хорошо, и он уже подсчитывал в уме, сколько получит за этих рабов золотых монет.

Когда отряд въехал на мост, со стороны противоположного берега неожиданно раздался крик. Это кричала девушка. Она была в длинной холщовой рубаше. Мокрая ткань облегла юную стройную фигуру. Мурза, увидев её, указал пальцем своим воинам. Глаза его толстого, заплывшего лица засветились от радости.

– Вот это девушка, её я продам дороже, чем всех этих рабов и коров, идущих за телегами, – подумал он.

Трое всадников стремительно поскакали к ней. Один уже протянул к ней руки, как в её руках мелькнул клинок. В тот же миг по паре стрел вонзились в незащищённые места других всадников. Все трое замертво упали к ногам девушки. Это было так неожиданно и быстро, что на мосту даже не смогли понять, как это произошло. Когда всадники поскакали к девушке и отвлекли внимание остальных воинов на себя, Прокоп высунулся из-под настила моста и зацепил крюк с верёвкой за ось повозки на которой ехал мурза.

Как подкошенные упали к ногам девушки первые поверженные воины, а в этот миг верёвка с крюком натянулась. Лошади рванули, а повозка развалилась, перекрыв движение на мосту. Из кустов, вплотную подступавших к дороге и мосту по воинам хана выпустили стрелы четыре крепких мужчины. Стрелы пронзили неприятелей на смерть. Ещё раз выпустили свои стрелы славяне и ещё четверо басурман упали в воду протекающей внизу реки. Только один воин вырвался и поскакал во весь опор обратно, рассчитывая спастись но и его догнала стрела.

А что мурза? Лошади рванули так сильно, что запутавшегося в вожжах мурзу волокли по ухабистой дороге ещё не одну версту. Так бесславно погибли мурза и его отряд. Нет сочувствия и жалости к врагам нашей земли. Кузнец приказал собрать всё оружие и освободить плененных. Всё было исполнено. Теперь у отряда есть и оружие и прекрасные лошади. Очень коварным оказался мост для ханских воинов.

Люди, которых освободили, примкнули к кузнецу. Таким вот увеличившимся отрядом и вернулись они к себе на хутор. Сделанное очень значимо, но в отряде понимали, что это только начало борьбы. Люди почувствовали вкус победы, поверили, что нечисть, убивающую хозяев этой земли, можно бить.

Крылатый воин

Как волки, рыскали воины хана по окрестностям. Где это было видано, чтобы кто-то мог на пасть и уничтожить отряд закалённых боями воинов, забрать содержимое обоза. Кто это посмел сделать?

Не могли лютые кочевники найти отряд кузнеца. А неизвестные им смельчаки тем временем на падали на небольшие отряды и обозы врага, уничтожая воинов и освобождая пленных. Рос отряд кузнеца.

Хоть грозными и могучими были воины хана но с опаской стали смотреть по сторонам, перестали ездить малым числом по дорогам и лесам.

Деревня стояла на берегу реки. В окружённой высоким частоколом, скопилось в ней большое количество награбленного имущества, скота и плененных русских людей – мужчин, женщин и детей. Охранял все это добро большой отряд басурман. Ждали, что вот-вот приедет сам наместник хана в эти края. Он шёл с большим обозом и отрядом воинов. Богат и жаден был наместник Батыя – Зелимхан.

Зная про богатство Зелимхана, Батый отдал ему во власть земли и леса славян этого края, поручил собирать дань в ханскую казну. Хитро рассудил Верховный хан: если плохо будет собирать наместник дань, ответит своим добром. Вот и старался Зелимхан, не один обоз отправил он в орду. Хан был доволен, но и себя наместник не забывал, богатство его тоже увеличивалось.

Решил кузнец своим отрядом напасть на эту деревню.

– Давайте подумаем, как нам лучше напасть и уничтожить врага. Оружия и людей у нас теперь в достатке, – сказал он.

– Люди есть и оружия хватает, но больно неприступна эта деревня. С одной стороны – река, с другой – крутой холм, с третьей и четвертой сторон – чистое поле. Со всех сторон не напасть тихо и тайно, – заговорил его помощник, бывший молотобоец.

За короткое время, показал себя Василий толковым, отважным и искусным воином.

– Что сделать, чтобы подобраться незаметно? Басурмане, установили высокую вышку и на неё поставили, как сторожевых псов, двух воинов. Зорко следят они за окрестностью и, в случае опасности, сразу сообщат о ней. Воины хана готовы к отражению нападения – продолжил помощник.

– Надо ещё подумать, как проникнуть туда, – согласился кузнец. – Мы же, русичи, должны найти решение этой трудной задачи.

Выйдя из избы, сел кузнец на бревно возле ручья, протекавшего на окраине хутора. Думу думает командир:

– Как же совершить нападение, уничтожить врагов малыми жертвами? Как напасть неожиданно и незаметно? Через реку поплывёшь – за метят и с берега из луков расстреляют. Через поля пойдёшь – ханская конница разобьет. Нет её могущественней и сильнее в поле или в степи. Так не справиться, только людей потеряем. С холма пока спустимся – тоже заметят и перебьют. Вот если бы убрать этих двух стражников на вышке, они там как кость в горле. Тогда можно было бы подо браться незаметно. Но как?

Посмотрел он в небо.

– Небо – вольный простор. Только над вольной птицей небесной не властны ни мурза, ни хан, ни какой другой человек. Парит она свободно, – думал он, глядя в голубую высь, где, раскинув широкие крылья, завис над землёй сокол.

Высоко поднялась вольная хищная птица. Долго следил кузнец за её полётом. Вдруг дерзкая мысль озарила его. Принялся он за работу, невиданную и неслыханную доселе. За два дня сделал то, что задумал.

Собрал он всех, и пошли они к обрыву. Кузнец шёл впереди, неся в руках большой свёрток.

– Вот, теперь смотрите, – сказал он, развёртывая свою ношу.

Там лежали белые берестяные крылья. Надел он их и встал на краю обрыва. Окинул взором все во круг, перекрестился, взмахнул руками-крыльями и прыгнул с обрыва.

Вскрикнула, не выдержав, какая-то женщина. Мужчины на миг зажмурили глаза, а когда открыли их, то увидели, парящую над лесом крылаторуку невидаль. Кузнец летел, а неведомая сила поддерживала его в воздухе.

– Летит! – раздался удивленный шёпот.

– Летит! Летит! – радовались люди, не ведая ещё, зачем человеку нужно летать.

Сделав поворот в воздухе, кузнец приземлился возле своих земляков.

– Вот, теперь мы сможем одолеть врага, – с восторгом сказал он.

Как он летал, то загадка для потомков. Так все и теперь летали бы. Но не птицы мы, у человека не хватает сил, чтобы держать свой вес на руках крыльями. Только забыли мы, что я сказку рассказываю, а в сказках всё бывает. В сказках даже превращения царевны в лебедя или в лягушку возможны. Но можно и без ссылки на сказку объяснение найти. Нельзя исключать, что кузнецу удалось прообраз дельтаплана соорудить.

А командир отряда говорил:

– План будет такой: сегодня приехал наместник хана, и по этому случаю местный мурза затеет пир. Ханские воины будут веселиться и пить хмельной кумыс. Все, кроме охраны. В сумерках, когда солнце уже опустится за лес, я прыгну с холма и на крыльях подлечу к вышке. Никто не будет ждать меня с неба, и я убью стражников. Спустившись вниз, открою проход в частоколе. Вы тихо проникнете на территорию деревни. Затем, за полем, на краю леса, – кузнец обратился к одному из подростков, самому смышлёному и расторопному: – Ты с ребятами,

должен поджечь четыре больших костра и начать громко кричать и бить палками по деревьям. Главное, чтобы было по больше шума. Когда воины будут выбегать из изб и выпрыгивать из повозок, думая, что мы будем нападать через поле со стороны горящих костров вот тут мы и будем их уничтожать. Главное – по сеять панику. У Батыя только в поле да на коне грозные воины, а в темноте пешие и со страхом в глазах – они никто. Да храни нас, Бог. На правое дело идём, врага уничтожать и выгонять с нашей земли, – сказал он и перекрестился.

Сумерки подошли словно подкрались. Все тяготились ожиданием. Кто-то нервно точил саблю кто сидел у костра и смотрел на огонь, кто-то лежал на мягкой охапке травы, закрыв глаза, но не спал, а о чём-то думал, крепко сжимая рукоять сабли. Только женщина-повитуха со своей дочерью «колдовали» над своими глиняными горшочками в которых заваривались травы. Понимали, что не на простое дело пойдут мужики, что битва будет серьёзная. А коли так, то и раненых нужно будет перевязывать и раны промывать. Пригодится лечебное снадобье.

Стоя на холме, кузнец Данила сверху видел, как постепенно затихает движение в лагере ханских воинов. Только слышались голоса, окликающие охранников, чтобы те не уснули и не отвлекались на пустые разговоры между собой.

– Пора, – вглядываясь вниз, решил кузнец.

– Только ты береги себя и не лезь на рожон, – обнимая Ольгу, сказал он. – Ты мне как родная внучка, я не хочу потерять тебя. – Замолчав на мгновение и вздохнув тяжело, продолжил:

– Как и всех остальных. Но на всё воля Божья.

Сделав несколько шагов, кузнец оказался на краю обрыва. Он оттолкнулся и, взмахнув руками-крыльями, полетел. Сверху, в надвигающихся сумерках, он хорошо видел деревню, повозки и нукеров¹³беспечно отдыхающих и ходивших без оружия. Увидел, как его бойцы медленно ползли в сторону деревни. Прячась за охапки сена или обвязавшись берёзовыми веточками, в сумерках люди оказались невидимыми стоящим на вышке.

Плавнo подлетел кузнец к вышке с двумя воинами охранниками. У тех даже в мыслях не было, что враг может напасть на их лагерь, поскольку здесь был большой отряд хана. Честно несли свою вахту охранники на этом посту. Надеялись, что утром, когда другие нукеры сменят их, они с наслаждением выпьют прохладного хмельного кумыса и съедят по большому куску мяса, запах которого доносится до них и возбуждает аппетит.

Подлетел кузнец к вышке, едва не промахнувшись, но крепко ухватился за верхнюю перекладину.

– Нечистая, шайтан, – шептали в испуге нукеры показывая пальцами на крылатое чудо.

Оба от страха пошевелились, поднять шум или схватиться за оружие не могли. Потому и онемели что не только не видели, но и не слышали, чтобы человек мог летать. Кроме насекомых и птиц летать могут только шайтан да привидения, знали они.

Кузнец быстро освободился от крыльев и взмахнул острым ножом два раза. Оба нукера упали замертво на пол настила вышки. Сняв с одного из поверженных врагов халат, шапку и надев на себя, стал похожим на нукера хана. Подойдя к лестнице для спуска с вышки, он спохватился и вернувшись, забрал обе вражеские сабли. Окинул взглядом с вышки весь лагерь и убедился, что его появление не вызвало тревоги и шума. Быстро спустился на землю.

Словно он был пьян, неровной походкой кузнец добрался до частокола, чтобы сделать проход. Вдруг на его плечо, легла чья-то рука. Похолодело всё внутри у кузнеца. Убрав руку с жерди забора он медленно повернулся, одновременно положив руку на рукоять сабли. Перед ним стоял ханский воин и о чём-то спрашивал.

– Что ты говоришь, басурман? Откуда ты взялся? – злобно прошептал кузнец, и выхватил саблю чтобы зарубить врага.

¹³ Нукеры – ратники феодала в военное время, служители в мирное.

Воин хана перехватил руку кузнеца с занесенной над его головой саблей и, вдруг на русском языке сказал:

– Тише. Ты что, не признал меня?

Приглядевшись, кузнец узнал того воина, который дал большой кусок мяса и отпустил их с Ольгой.

– Однако, ты уже не слепой, – прошептал воин.

– Да и ты, как я разумею, не басурманин, – также тихо ответил кузнец. – Предатель, что ли?

– Семнадцать лет прошло с той поры, когда меня захватили в плен и увели в орду. Я всё искал случай, чтобы убежать от них. Потому и в поход пошёл, чтобы оказаться поближе к родным краям. Теперь настал тот момент. Я случайно увидел, что ты, как птица, появился на вышке, – сообщил воин.

– Как зовут-то тебя? – спросил кузнец.

– На Кузьму откликаюсь с детства, – ответил воин.

Вместе они сдвинули часть забора, образовал-я проход. Подползали наши воины. Кузнец, прикрывшись полкой халата, зажёл приготовленную заранее берестяную трубку. Он дважды махнул ею, повернувшись в сторону лесной поляны, где ждали этого сигнала. Затем сбросил вражеский халат и шапку на землю, оставшись в своей одежде с двумя саблями в руках. Кузьма тем временем с двумя воинами-славянами подбежали к загону, где были ханские кони. Охраняющие лошадей нукеры узнали Кузьму и подпустили смело к себе, за что и поплатились своими жизнями. Наши воины без лишнего шума вывели лошадей из деревни через поле в сторону ближайшего леса.

Тишину надвигающейся ночи разорвал нарастающий шум на краю леса. Там же запылали костры. Наши воины заняли свои позиции возле каждой избы и почти у каждой повозки в ожидании врага. Без промедлений начали выскакивать изрядно под выпившие, не понимающие что к чему, вражеские воины и их слуги. Они падали замертво под ударами наших сабель. Часть воинов просочились к загону, где должны быть их кони. Воин всегда остаётся воином, даже если он пеший и пьяный. Понятное дело, что без коня он не такой могучий и ловкий, но воевать может. Побежали они в ту сторону ограждения, где, по их мнению, должны были наступать славяне. Как раз напротив поля, за которым горели костры, раздавался шум. Но с разных сторон в него летели стрелы, выпущенные славянами. В стане врагов возникла паника.

Кузнец, Кузьма и несколько воинов-русичей бросились к большой избе, в которой ночевали наместник хана и мурза отряда, находящиеся в этой деревне. Выглянув из-за угла, увидели, что вход охраняют два телохранителя, могучие вооружённые ханские воины. Кузьма подбежал к ним и на монгольском языке сказал:

– Необходимо доложить наместнику важное сообщение.

Это не вызвало подозрений – охранники знали, что Кузьма ханский воин. Они расступились, пропуская его внутрь избы. Но для того, чтобы пропустить, им пришлось повернуться боком. Вот туда, в незащищённое место, между нагрудным панцирем и спинным, ударили стрелы воинов-славян. Оба телохранителя упали замертво.

Забившись в угол большой комнаты и спрятавшись в подушках, мурза и наместник со страхом и ненавистью смотрели на вошедших. Они не понимали, почему воин хана стоит вместе со славянами, не защищает их, приближённых особ Великого хана.

– Ты должен защищать нас, убить русичей. Как они посмели войти сюда? – зашипел наместник хана с лицом, искажённым страхом.

– Вы можете сверкать глазами и шипеть на нас, как ядовитые гады, брехать, как бешеные шакалы, но вам это не поможет. Почти весь ваш отряд перебит, а те несколько человек, кто

остались в живых, лежат связанные. Так что бросьте свои сабельки да выходите на улицу. Конеч вам, – объявил Кузьма, как судебный приговор.

Утром, когда взошло солнце и осветило своими лучами окрестные поля и леса, деревню и холм, которого совершил свой полёт кузнец, стала ясна вся картина ночного боя. Да, потрудились на славу наши воины, большой отряд врага они разбили – даже не верилось. Много награбленного добра, скота было здесь. Освободили из плена захваченных славян: мужчин, женщин и детей, которых наместник собирался продать в рабство.

Много славных дел было впереди у воинов под управлением кузнеца. Отряд продолжал расти с каждым сражением. В него вливались новые и новые люди. И копилось негодование народа на захватчиков Святой Руси. Ждало их, как и другие отряды по всей Руси, соединение с княжеской дружиной и ополченцами. Приближалась историческая битва с войском хана – защита Рязани.

А сейчас сидели они на брёвнышке, возле деревенского колодца, подставив под тёплые солнечные лучи свои только что вымытые чистой колодезной водой руки и лица. Лёгкий, почти неслышимый ветерок шевелил их светлые волосы а их улыбки говорили о прекрасном настроении.

В ополчении Коловрата

Ещё долго простоял бы князь с дружиной и ополчением на берегу Суры, но «земля слухами полнится». Долетела до заставы и князя весть, что войска Батыя, завоевав Волжскую Булгарию, не спешат идти на Русь. А этими местами и вовсе вряд ли пойдут – сосредоточение огромных сил замечено южнее. Стало известно князю, что на Рязань Батый зимой пойдёт, когда реки и болота под лёд уйдут. Лишь некоторые отряды монгольского войска вторглись в приграничные с половцами княжеские земли и бесчинствуют в селениях.

Известили князя и про Данилу, который с отрядом мстит завоевателям. Как может наказывает иноземных захватчиков. Многие в его отряде всё потеряли. Жёны и дети в рабство угнаны, амбары опустошены, жилища и постройки сожжены, скот завоеватели угнали для своего пропитания, на съедение значит. Остались у Даниловых повстанцев родная земля под ногами, жизни их с покалеченными судьбами да ненависть лютая, которой предела нет.

Оставил князь заставу. С дружиной и повстанцами в Рязань возвратился. Туда же и послы хановы явились. Потребовали от князя десятую долю все-о, что у него есть: мужей ратных в войско Батыево, девиц молодых да лицом приятных – хановым темникам¹⁴ и другим военачальникам для забавы. А ещё хотел заполучить коней, скота, фуража и зерна всякого, которое впрок припасается... И ответил послам князь Рязанский, Юрий Игоревич:

– Когда нас не будет, тогда всё вашим станет.

– Озлобил князев ответ послов, а хана ещё больше. Князь подготовку к обороне города возглавил. Когда узнал, какие несметные полчища встретить предстоит, понял, что не удержать ему город сила ми дружины и повстанцев. Если даже всех взрослых горожан к обороне привлечь, то и тогда войско ханово окажется в разы больше княжеского. Чтобы задобрить хана, собрал дорогие подарки Юрий Игоревич и отправил при них княжича, Фёдора Юрьевича. А ещё гонцов послал к князьям Владимирскому и Черниговскому, Юрию и Михаилу Всеволодовичам. Принял хан дорогие подарки пир устроил, но потребовал от послов князевых сделать то, что унижительно для всякого человека. За отказ принять унижение, выполнить ханское требование, головы лишился княжич.

Пока князь Юрий подкрепление ждал, подошёл Данила с отрядом. Невелико пополнение, да ценно – люди в боях закалены и терять им нечего. Ненависть свою к поработителям не

¹⁴ Темник – русское название звания тумэнбаши в монгольском войске, командующим десятью тысячами воинов.

растеряют – она с каждой битвой только больше становится. Влился отряд в ополчение князево. А тактика ведения партизанской войны позже пригодилась отряду.

Малы вы ещё, потому и не обратили внимания. Термин «партизан» много позже возник, не было партизан во времена монгольского нашествия. Но действовали воины Данилы по-партизански, вот и назвал я их партизанами. Князь Владимирский не дал ратников – сам оборону держать готовился. Пришли ратники из Муром, но покинули Рязань, не решились вступить в бой без поддержки из Владимира. А князь Черниговский ратников не дал из мести – Юрий Игоревич с дружиною тринадцатью одами раньше на Калку не пошёл. Там черниговцы с союзниками поражение потерпели. Трудные времена тогда Русь переживала. Нередко бывало, что князь на князя войной шёл. Кто престол захватить, а кто-то обособиться хотел – хоть маленьким, но своим княжеством обзавестись. Брат на брата, племянник на дядю шли тогда Рюриковичи. Только не мог знать об отказе Михаила Черниговского князь Рязанский. Не успели гонцы из Черниговщины весть принести. В декабре войско Батыево Рязань со всех сторон обложило. Стрелы и камни летели в штурмующих кочевников. Горячая смола лилась на захватчиков. Встречались и в рукопашных схватках. Несмотря на превосходство числом, не могли монголы одолеть защитников Рязани.

Катапульты и стенобитные машины в ход пустили. Катапультами через стены укрепленный перебрасывались горящие смоляные факелы. Горели дома, а тушить было некому – все защищали город на крепостных стенах днями и ночами.

От стенобитных машин удар за ударом ослаблялись стены. Когда образовалась пробоина, монголы ворвались в город. Они никого не щадили. Оставляли в живых только тех детей, которые были не выше колеса телеги.

Жестоко расправились завоеватели с защитниками города, продержавшегося в осаде пять дней. Немногие ратники-защитники в живых остались, а не пленённых и того меньше. Мало кому удалось покинуть город после поражения. Та же участь постигла и воинов Данилова отряда. Но жив командир и часть отряда сохранилась, а к ним примыкали и примыкали озлобленные на захватчиков мужики.

В отряде залечивали раны, когда из Чернигова в сопровождении небольшой дружины вернулся боярин и воевода Евпатий Коловрат. В ужас при шёл он, увидев пепелища на месте города, узнав о жестокости расправы над горожанами. Среди убитых и разрубленных мечами и саблями, заживо сожжённых или утопленных были и его близкие. Ни родителей, ни жены с дитём малым, ни братьев с сёстрами – души всех небеса приняли. Гнев и ненависть переполнили воеводу. Принял он решение – идти, настичь, уничтожить жестоких врагов.

Хоть и сам кузнец Данила не был шуплым, но даже в сравнении с ним Евпатий смотрелся богатырём. К тому же он боярин, а не из мужицкого рода-племени. А ещё, княжеский воевода и опытный военачальник был переполнен ненавистью к душегубам. Не сомневаясь, Данила и воины его отряда вступили в ополчение Коловрата. Уцелевшие ратники князя и его ополченцы, не успевшие или почему-то не пожелавшие вступить в Данилов отряд, сочли за честь мстить проклятым кочевникам под руководством богатыря русского.

Набрав отряд числом около тысячи семисот человек, пустился Коловрат в погоню за удаляющимися разрушителями городов и сёл русских. За пределы родной Рязанщины выйти пришлось. Поняли, что пополнения в ополчение больше не будет. Отряды, замыкавшие растянувшееся войско Батыево, догнали на земле Суздальского княжества. Внезапность нападения обеспечила уничтожение противника, превосходящего их числом в несколько раз. Победа стоила ополченцам незначительных жертв.

Крупная потеря соратников обеспокоила Батыево. Он развернул часть полков чтобы встретить и уничтожить непонятно откуда взявшееся войско русичей. Хан полагал, что в уничтоженной Рязани больше нет воинства. Его воины-язычники считали, что это духи поверженных в Рязани мстят им.

Командовать полками хан отправил богатыря Хостоврула, который пообещал, что приведёт командира русичей живым. Не сдержал слово хан-кий богатырь – сам погиб в поединке с Евпатием. И вновь победа, хоть было ополченцев в разы меньше, чем ратников Батыя. Большой кровью и для наших соотечественников далась она, сильно убавился отряд Коловрата.

После той битвы послал Батый переговорщиков.

– Чего вы хотите? – спросили у Евпатия.

– Только умереть, – был его ответ.

– Но не просто умирать шли преследователи. Они мстили за родных, за разруху, за жестокость. И в своей мести русичи были не менее жестоки к врагам. Было ещё несколько боёв. Сколько, теперь никто не знает. В каждом терял Коловрат боевых товарищей, редело войско. Но идущие на смерть ополченцы смело вступали в неравные схватки. Помогал опыт партизанской войны, полученный отрядом Данилы на южных границах Рязанщины.

Сложно теперь понять, так ли было на самом деле, но легенда гласит, что, пользуясь огромным численным превосходством, монголы окружили ополченцев на открытом месте. Окружённых, их из катапульта забрасывали каменными глыбами. В том бою, сражаясь бок о бок, погибли Данила, Кузьма и сам Евпатий. Со всего войска в живых осталось шесть воинов. Израненных их привели к Батыю. Никто не просил о пощаде, потребовали только чтобы их казни не откладывали. В дань уважения смелости, мужеству пленников и воинскому искусству их командира, Батый приказал принести тело Евпатия. Передав соратникам, повелел всех отпустить и препятствий не чинить.

По легенде, похоронили богатыря на родине. Наверное, не на рязанском пепелище. Но где? Узнать бы у нашего знакомого Василия, одного из шести уцелевших воинов. Поздно, утекло времечко.

Только через два с половиной столетия смогла Русь избавиться от монгольского ига. Вот такие невесёлые времена были на Руси, древней родине нашей.

Что с Ольгой? Где она? Ольгу Евпатий в ополчение не взял. Наверное, она продолжила мстить в одиночку. Не из того теста слеплена та девушка, чтобы забыть обиды, нанесённые народу земли русской.

Алтайская быль

В очень давние времена это было. Да и было ли? Прямых доказательств не сохранилось, но есть легенда. О ней-то я и поведаю вам. В те времена люди ещё учились ремёслам, не умели добывать огонь и готовить на нём пищу. Тогда и спустились с небес на землю Белые Боги. Добрыми они были – учили всему людей.

Люди на доброту тоже добром отвечали, а в общении с богами вели себя как с равными себе. И было это взаимно, оттого брали Белые Боги в жёны земных женщин. Все радовались, когда рождались дети. А как не радоваться? Дети росли здоровыми – любая болезнь миновала их. Становясь взрослыми, вырастали до трёх метров, сильными, выносливыми и смелыми. Почти как боги, только бессмертия не унаследовали от небесных отцов. Рослых сынов божеств люди называли великанами. Неизвестно, как долго длилась мирная пора заимствования необходимых людям знаний и неведомых ранее умений.

Вдруг, неожиданно-негаданно даже для Белых Богов, в край мира и созидания спустились Тёмные Боги. Это были носители зла, неискренности, лицемерия, предательства и ещё многих пороков, которые можно встретить у людей в наши дни. Тёмные Боги спустились, чтобы вершить беззаконие и вселять в умы юного ещё человечества трусость, корысть, ложь, лень, жадность, зависть, жестокость, эгоизм, тщеславие... – всё, что как ржавчина, разъедает душу человека, превращает его в безнравственное алчное существо.

Белые Боги, учившие людей добру, справедливости, коллективизму, – всему, что должно противостоять основам тёмных сил, оградили людей от носителей зла и невежества, вступили в смертельную схватку с Тёмными Богами.

Вам, наверное, приходилось видеть, как дерутся люди. Они ударяют друг друга, кто-то при этом падает, потом встаёт и наносит свои удары. Драка – это жестокое действо озлобленных существ, нередко теряющих человеческие качества и облик. Это неприятное зрелище, которое хочется немедленно прекратить. Но как, если не участием в этой самой драке? Учить людей хорошим манерам в это время бесполезно, уговоры прекратить проявления звериных инстинктов тоже безуспешны. Как же прекратить драку? Растащить дерущихся, если их мало, а окружающих много? Крикнуть: «Разбегайтесь, милиция рядом»? Выстрелить вверх из ружья, если оно есть?

Среди людей наступает момент, когда силы дерущихся кончаются, их не остаётся для продолжения драки. А каково, если в беспощадную схватку вступили бессмертные и всесильные не устающие Боги? Я не представляю исход такого сражения. Но вернёмся к легенде.

Белых Богов стали теснить. Они приказали всем уходить под землю. Люди послушно спрятались в пещеры, что по соседству от места сражения, а старший из божественных сыновей, Алтай, остался защищать те пещеры. Остальные великаны с их матерями и сёстрами выполнили приказ по-своему. Трое из божественных сыновей приподняли огромную скалу так, что под ней образовалось пространство. Подставив под скалу свои сильные плечи, великаны удерживали часть горы над скалой у входа в образовавшуюся пещеру. Матери и сёстры вошли под глыбу. Когда другие братья-великаны подняли на свои плечи скалу в глубине пещеры, и все прошли дальше, первые божественные сыновья сбросили с себя скалу. Гора с грохотом обрушилась, закрыв вход в рукотворную пещеру. Шабала – так называли люди замурованный вход, в котором исчезли великаны.

Долго ещё слышался удаляющийся подземный грохот. Белые Боги, убедившись, что сыновья неуязвимы, стали действовать решительнее. Молнии порожденные их гневом, как частые струи дождя летели в неприятелей. Некоторые из тех молний рикошетили от противников, какие-то, ударяясь в плоть Тёмных Богов, изгибались причудливыми зигзагами. Другие – пронзали неприятелей, обжигая их, ненадолго ослабляя. Грохот ли потревоженных гор или усилившийся натиск Белых богов, но что-то заставило Тёмных Богов отступить, а потом и вовсе покинуть землю. Белые Боги пустились преследовать противника в небесах, дав Алтаю наказ – хранить всё земное. Небесные отцы наделили сына божественной властью и мудростью, но не бессмертием. Прошли годы, а быть может и столетия, но пришла пора Алтаю покинуть наш мир. Обессиленный, он лёг на самую высокую гору, чтобы перед смертью посмотреть на мир с высоты.

С той поры горы называют Алтайскими, по имени сына Белых Богов, не давших Тёмным Богам всецело властвовать над человечеством. Позже люди узнали, что в горном Тибете есть буддийская страна Шамбала. С созвучием названий имеем мы дело или великаны прошли под горами от Алтая до Тибета и обосновались там, остаётся только гадать.

Говорят, что иногда над Тибетом появляется белое свечение, теряющееся высоко в небесах. Предполагают, что это Белые Боги спускаются навестить своих потомков.

А как вы думаете, сколько лет может быть этой легенде? Может оказаться, что и десяти тысяч лет не хватит для отсчёта хождения по свету этой легенды. Знаю точно, что ей больше пяти тысячелетий. Иначе, речь шла бы не о множестве Белых и Тёмных Богов, а об одном – Будде, например.

Хождение за судьбой

В стародавние времена жили-были на земле... Похоже начало на сказку? Нет, дедом и бабкой они стали потом, а сначала были молодыми мужем и женой. Вместе радовались маленьким совместным успехам, вместе терпеливо переживали тяготы да невзгоды. Десяток лет во взаимной помощи про жили да вот незадача – детей у них на ту пору не было. Чтобы решать, как им дальше жить, пошли к старцу – всезнающему ведуну Алтаю, хранителю всего живого на земле и под землёй. Старец внимательно выслушал супругов и поведал тайну их будущего:

– Будет у вас два сына, которых назовёте вы Саянами. Будут они расти на радость вам да на зависть другим. Как пора подойдёт, повзрослеют отроки ваши, так пошлите их ко мне, я им дальнейшую судьбу поведаю.

Возвратились муж и жена на место, застолблённое ими перед уходом к ведуну. Поправили жильё в ущелье, обещавшее за время странствий, стали обживать. В гранитной скале, которую Первым столбом называли, пещеру сделали. Звуки в ней усиливались так, будто колокол в набат бил.

– Никто неуслышанным не подберётся, Колокол непременно оповестит нас о пришельцах. Пусть воюют соседи между собой не оповещённые о внезапном нападении, – думали знакомые нам муж и жена.

На вершине Второго столба округлый камень Яйцо стражем поставили. Сорвётся с вершины камень, загремит, ударяясь о скальные выступы, громом отзовется в поднебесье, разбудит нас в любую пору крепкого сна, – решили тогда уверенные в своей безопасности хозяева.

Вскоре и сыновья родились, ровно по заверению старца-ведун. Когда родился старший сын, по ущелью пролетал западный ветер. Заглянул на ходу в людское жилище. Отозвалось ущелье:

– Западный Саян предстал свету белому. Сильным вырастет.

– Услышали эти слова родители и назвали сына по сказанному ведуну и ущельем. Когда второй сын родился, мимо жилища пролетал восточный ветер. Потому-то нарекли младшенького сыночка Восточным Саяном.

В трудах и заботах, в радости и печали незаметно летит время. Подошла пора, пошли сыновья к старику Алтаю. Самим интересно было, какую правду ведун про их судьбы расскажет. Перед уходом отец с матерью пути-дороги рассказали, чтобы не плутали повзрослевшие дети, не теряли время на бесполезные хождения. Верного пса богатыри в дальний путь взяли. Там, где пошли братья от отческой обители, за ними каменная стена выросла из-под земли. Люди её Китайской Стенкой.

Долог ли, короток путь был, но предстали богатыри Саяны перед ликом ведун Алтая. Внимательно осмотрел старец братьев, но не открылось ему будущее юношей. Неведомые тёмные силы мешали ясновидящему старцу сосредоточиться. Послал Алтай братьев к убелённому сединой повелителю и стражу жизни морской – старику Байкалу. Не любопытством полны, а выполняя родительский наказ – узнать о судьбах своих, пошли Саяны к Байкалу.

Не прост дальний неизвестный путь, притомился старший брат, прилёг. Договорились братья, если случится что, разбудит младший старшего. Быстро сморил крепкий богатырский сон Западного Саяна, а Восточный Саян с собакой дальше пошёл. Сколько прошёл он, то неведомо, только и на него дрёма навалилась. И не простая дрёма, а силы богатырские отнимающая.

Слабеющей рукой взял он огромный камень и бросил, чтобы старшего брата разбудить, о неведомых тёмных силах сообщить. Близко от брата упал камень. Наполовину в землю ушёл. Камень тот пиком Грандиозным зовётся, над всеми вершинами возвышается. Содрогнулась земля, гром от падения по округе разлетелся, а брат спит непробудным сном. Крепки тёмные силы – старшего брата одолели и младшему беда грозит.

Догадался Восточный Саян, что не разбудил брата. Взял несколько стрел, натянул тетиву лука и пустил стрелы к родному дому. Хотел Яйцо со Второго столба сбить, чтобы загромыхало оно и оповестило о беде родителей. Немного отклонились в полёте стрелы. Вошли в землю до самого оперения. Те скалы-стрелы люди теперь Перьями называют.

Понял младший из Саян, что и стрелы не помогли. Послал он верного пса, чтобы тот из родных мест людей на помощь привёл. Помчался пёс кратчайшими путями. Горы преодолевал, реки переплывал, близок дом, но тёмные силы, чтобы помешать быстрому собачьему бегу, наперерез стаю волков отправили. Долго отбивался пёс, да только неравным тот бой был. Пёс, истерзанный в драке волками, понял, не отбиться ему от дикой стаи. Вскочил верный друг и слуга Саян на высокий камень, поднял морду и жалобно завыл. Разнёсся вой до поднебесья, но не услышали люди. Так и окаменел Пёс с поднятой к небу головой. В морозные ветреные дни и теперь прилетают в те места отзвуки пёсьего воя, но люди думают, что это голодные волки среди тайги воют.

Это теперь слышится вой, а тогда некому услышать было. Тёмные силы на всё живое мор навели. И состарившиеся к тому времени родители, ставшие дедом и бабкой, и соседи их, и звери, и птицы – все окаменели. Стоят теперь каменные великаны с образами людей, птиц и зверей, напоминая о далёкой жестокой поре. Дед с бабкой так и стоят в ожидании сыновей. Дед смотрит на запад, откуда не смог прийти старший, а бабка – на восток, где уснул вечным сном её младший сын, Восточный Саян. В последние мгновения смыкающимися глазами видел он воды Байкала. Немного не дошёл, но не нашлось сил идти или ползти дальше. Вот такой оказалась судьба братьев.

Беглянка

С незапамятных времён шли к нам легенды. Если хотите, то сказками, а захочется, так былями их называйте. Каждая такая легенда наши сибирские места прославляет, о силе воли и духа сибиряков готова поведать. И вам, друзья мои, не вредно знать о родных местах. О Байкале и дочери его Ангаре поведаю я вам.

Давно это было. Наверное, не один десяток тысячелетий с той поры успело отсчитать время.

Давно, да только и по сей день, живы герои этого предания. Вы знаете о них, хоть и в нечеловеческих обликах они теперь.

Жил когда-то седой, умудрённый долгим жизненным опытом, старик Байкал – богатырь, равно-о которому во всей округе не сыскать. И было у него триста тридцать шесть сынков и дочек. Все они любили отца, были послушными и трудолюбивыми. Все заботливо приносили ему водицы напиться. И он всех любил. Более остальных любил он младшенькую дочурку – Ангару.

Резва и говорлива Ангара. Характер своенравный, непокорный. Во всех спорах с сестрицами всегда её верх был. Потому и звали её не просто, а Верхней Ангарой. Услыхала она как-то раз от неугомонных чаек, что где-то живёт могучий, добрый сердцем богатырь Енисей. Заинтересовалась Ан-ара, расспросила у птиц, что ещё известно им о Енисее. Рассказали белокрылые пернатые:

– Светлый лик богатыря омрачён одиночеством. Странствует он в тоске и раздумье от южных гор к отцу своему Северному Океану, который ещё Ледовитым зовётся. Степи прошёл Енисей, Красный Яр миновал, а судьбой наречённую не повстречал. На пути трудности преодолевает, чтобы встретить красавицу, которой в него суждено влюбиться.

– И я преодолею все преграды, а встречу светлоокого, – решила влюблённая девушка.

Не прошла мимо юного сердца добрая молва чаек. Решила девушка дожидаться подходящей минуты, чтобы сбежать от старца – разрешение отец не даст, а без любимого свет не мил

стал. Сильнее других любил седой Байкал Ангара, но и на неё распространялись отцовские запреты. Отец слышать не хотел ни о Енисее, ни о дочерней любви.

Однажды, ранней весной, когда старик крепко спал, укрытый своим белым ледовым одеялом дочь сбежала от отца. Проснулся старик, рассердился на дочь за непослушание. Чтобы преградить беглянке путь, бросил огромный камень. Упала скальная глыба на пути, но нашлась девушка, обогнула препятствие. И теперь возвышается утёс Шаман-камень над водами водохранилища Иркутской ГЭС.

Несколько дней и ночей бежит влюблённая девушка по непроходимой тайге, сопки обходит, но держит путь к Северному Океану. Вдруг спохватилась:

– Что же это я, всё к Океану бегу? Где любимый Енисей? Можно ли его средь Океана отыскать? Надо бежать наперерез.

И повернула беглянка на запад. А старик зол, громы и молнии мечет, чтобы остановить, вернуть к себе дочь. От грома и молний небо непроглядными тучами затянулось. Темно стало. Заблудилась Ангара, в незнакомой тайге. О Кодинске и Кежме тогда и не слыхивали, а девушка как раз в наших краях плутала. Затянулся нелёгкий путь к Енисею.

Силён Байкал, да и у него силам предел имеет-я. Устал он громы и молнии извергать. Пролились дождями тучи, просветлело небо, появилось солнце ласковое. Перестала плутать, почти прямо на запад побежала Ангара. После долгих странствий по тайге сибирской встрети-лась с тем, в кого по рассказам чаек влюбилась. А повстречавшись, не захотела расставаться. И Енисею приглянулась красавица. Понял он, что нашёл ту, которую так долго искал.

Обнявшись, Енисей и Ангара дошли до Ледовитого Океана. Оценил Океан трудный путь влюблённых, обессмертил их. По пути пройденному потекли реки. Они вечны. Не иссякнут их воды, пока щедрое на тепло солнце будет растапливать ледники и сне-а, а земля-матушка даже в лютую сибирскую стужу родниками поить их будет.

Чтобы задобрить старого Байкала, послал ему Океан нерп. А Ангара с Енисеем послали отцу икряного омуля. Трудно было добираться нерпам и омулю по быстрой и порожистой Ангаре. Пока в пути были да о камни бились, обтёрся мех нерпа, светлее стал. Пришлась по вкусу пресная вода Байкала и нерпам, и омулю, размножились они. И теперь живут, радуя туристов и жителей Прибайкалья.

А Байкал после побега любимицы ещё строже стал. Ещё зорче и ревностнее охраняет он своих дочек. Так стережёт, что никто не замышляет по кинуть старого отца.

Но означает ли дошедшая до нас легенда, что следует приветствовать непослушание? В подтверждение этому в легенде нет ни единого слова. Верность своей мечте, целеустремлённость в достижении цели ради любви, необходимость преодоления всех трудностей, встающих на пути – вот в чём главная идея легенды. И вам предстоит по-настоящему любить. И вы будете преодолевать преграды, препятствующие быть рядом с любимой. Всё непременно будет у вас, когда повзрослеете.

Вечная любовь

Любят ангарцы свою прекрасную Ангара, любят и Енисей. Потому и слагают легенды о любви. В легендах эти великие реки сквозь века несут взаимную любовь. Жители других мест влюблены в свои реки и красоты, слагают предания о неповторимости тех уголков огромного мира. Расскажу я вам о Мане с Енисеем и о заповеднике «Красноярские Столбы».

Случилось это в очень давние времена у нас в Сибири. И в те времена было всякое – любовь и ненависть, отвага и трусость, преданность и коварство... Было тогда два царства, а царями в них были братья Саяны. Уже тогда никто не помнил их молодыми. И в ту пору их мудрые головы убеляли седины.

В царстве Западного Саяна слагались легенды об отважном богатыре Енисее. Несмотря на молодость, он не проиграл ни одного сражения, выходил победителем в любом поединке с завоевателями. Бесстрашным, честным и удачливым знали Енисея. За кажущееся недостаточное почтение царской персоны, своеволие или за что-то ещё, но был витязь в опале у царя.

В царстве Восточного Саяна ходили легенды о красоте царевны со сладкозвучным именем Мана. До управления государственными делами девушка не доросла, а потому беззаботно порхала и резвилась, мечтая повстречать смелого витязя. Молве о красоте и смелости нет ни границ, ни преград Запреты не помеха любви – они не гасят вспыхнувшее в сердцах пламя, а ещё сильнее разжигают его. То же произошло с любовью Енисея и Маны. Но взаимной любви богатыря и красавицы стали чиниться препятствия.

– Нельзя допустить, чтобы опальный воин женился на царевне, – решили братья Саяны.

В ту пору красавицу Ману заметил злой и коварный воевода Такмак. Но не люб он девушке, не обращала она внимания на дорогие подарки воеводы. Даже волшебство поклонника, омолаживающее его, не давало результатов. Узнал Такмак, что сердце прекрасной девушки стремится к молодому Енисею, стал и он препятствовать этой любви. Велико коварство старого прелюбодея, но и оно не помогло. Чтобы устранить соперника, вы звался Такмак на бой с Енисеем. Не знал молодой богатырь ни о коварстве противника, ни о его чародействе. Только, если бы и знал, то принял бы вызов, чтобы постоять за любовь, защитить любимую девушку от ненавистного ей злодея. А воевода подговорил в союзники Монгола, чтобы победить наверняка.

О желании Такмака стать женихом Маны узнали её родные. Теперь и седые Саяны готовы помогать Енисею. Собою заслонили красавицу прадед и дед с бабкой, чтобы не видела девушка смертный бой Енисея с Такмаком. Даже Будда и Митра оберегали влюблённую от ненавистного чародея. Долго бился молодой витязь с сильным своими чарами злодеем. Слабеет Такмак. На пути к отступлению любящий отец, Саян, преграду поставил, Китайскую Стенку. Предчувствуя своё поражение, безжалостный чародей превратил в каменные глыбы всех, кто помогал Енисею, укрывал Ману или просто оказался рядом. И сам колдун от злобы своей превратился в скалу, но перед тем наложил на влюблённых заклятие превращения:

– Лишь только сольются они в поцелуе, тут же станут реками, – предрёк злой волшебник.

Не зная участи, слились в поцелуе и стали реками влюблённые. И никакая сила не сможет разлучить любящие сердца. А на месте битвы, кроме упомянутых, и теперь стоят каменные изваяния: Ермак, Беркут, Пёс, Дикарь, Гиф, Монах, Каин, Грешник, Перья... Порядка сотни столбов возвышаются над тайгой на десятки метров. Говорят, что свидетелю той битвы за любовь, Деду, уже де-ять миллионов лет!

II. Приключения «Калимантанца»

Пусть читателя не смущают труднопроизносимые географические названия. Придумали их индонезийцы а автор лишь использует их для привязки событий к конкретной местности

Перелёт-недолёт

Тридцатиместный двухмоторный самолёт из аэропорта Манилы вылетел в Джакарту. Набрав высоту около трёх тысяч метров, плавно, без качек и надрывного гула моторов, следует по курсу. Некоторые из пассажиров через иллюминаторы наблюдают за плывущими на границе морей островами. Они привлекают неповторимостью форм и размеров. Эти разбросанные в океанических водах участки суши изобилуют разнообразной растительностью. Размерами они от крошечных необжитых клочков до больших, обитаемых людьми. Отличаются и разнообразием форм: вытянутые в узенькие полоски они сменяются круглыми, словно Создатель сотворил их с помощью циркуля.

Рядом сидит Семён Павлович. Он по этому маршруту пролетает четвёртый раз. Его не интересуют острова и уходящее за горизонт Южно-Китайское море справа по курсу. Изредка он приближается к иллюминатору соседа, чтобы сориентироваться, долго ли ещё лететь до промежуточной посадки на острове.

Юре всё интересно. В столицу Филиппин летели другим маршрутом, и здесь он впервые. Сквозь толщу атмосферы море под ним кажется голубовато-зелёным. Вечнозелёная островная растительность тоже приобрела чуть голубоватый оттенок. Прямо по курсу показался длинный узкий остров, и пассажиры в разговорах стали произносить слово Палаван.

Почувствовалось, что пошли на снижение. Стюардесса на филиппинском и английском языках оповестила, что самолёт идёт на посадку в аэропорту Пуэрто-Принсеса. Четверо попутчиков завозились в креслах, укладывая лёгкие сумочки, взятые в полёт, они готовятся выходить. Походные сумки россиян в багажном отделении. При себе только кейс и проездные туристические документы. Командировка оформлена как туристическая поездка. Таковы тонкости работы в ведомстве.

После непродолжительной стоянки самолёт вновь взмыл на прежнюю высоту. Узкая полоска острова с его городами и селениями осталась позади. Исчезли из вида и небольшие обработанные участки, отвоёванные местными крестьянами у тропиков. Отличить зелень полей от окраски дикой растительности можно только перед посадкой и при наборе высоты.

А под крылом гористые участки, плавающие в волнах океана, сменяются почти плоскими низменными коралловыми островками, похожими на надкусанные бублики.

– В опоясанных сушей лагунах должно быть спокойно даже тогда, когда над океаном бушует тайфун, – предполагает наблюдатель экзотических картин.

Лес покрывает все участки суши. Даже там, где видны горы, всюду леса. Юра знает, что деревья тропических джунглей с их гигантскими стволами в высокогорья не поднимаются. Выше горы обжиты пальмами разных видов, лиственными породами деревьев и древовидными папоротниками.

Молодому путешественнику известно и то, что среди растительного разнообразия кишат многочисленные сообщества живых существ – от муравьёв и бабочек, от крокодилов и змей до высших млекопитающих. Есть в лесах и давние родственники человека – обезьяны. Юрию не хочется верить, что род человеческий пошёл от созданного Богом Адама и от сотворённой из его ребра Евы.

Море исчезло, и под крылом распростёрлась малазийская часть острова Борнео. Индонезийская часть острова называется Калимантан.

В городах Малайзии и Индонезии борт филиппинской авиакомпании плановых посадок не делает. Остаётся ждать конечный пункт перелёта.

– Летим без набора высоты. Посмотри, увидишь интересное для себя, – Павлович обратил внимание соседа на вид за иллюминатором.

Невдалеке возвышается гора, вершина которой много выше пролетающего лайнера.

– Её высота более четырёх тысяч метров. Гора Кинабалу – самая высокая на Калимантане и в архипелаге, – добавил старший коллега.

– У нас в Саянах на горах выше полутора тысяч метров лежат если не ледники, то снежники.

А здесь более четырёх тысяч, а на южном склоне даже макушка без снега. Да и есть ли разница юга и севера вблизи экватора. Из земли вырастают скалы, и всего-то. Это не только интересно, но изумительно для меня! – эмоционально ответил Юрий Ильич. Коллеги между собой общаются по имени и отчеству.

Стали встречаться стайки облаков. По мере продолжения полёта они становятся всё насыщеннее влагой, больше и гуще. Вскоре просветов не осталось, остров исчез под сплошным слоем туч. Туман, в котором оказался самолёт, конденсируясь, косыми струями стекает по стеклу иллюминатора. Это зрелище скоро надоело Юрию и он, отвалившись на спинку кресла, закрыл глаза.

Семён Павлович дремлет рядом. На его коленях, под журналом, лежит пристёгнутый к левой руке кейс с документами. С виду обычный кейс с кодовым замком. Но Юра знает, что он бронированный, термостойкий и водонепроницаемый. Ясно, что документы российского военного ведомства требуют таких мер предосторожности. Павлович пересёк сорокалетний рубеж – он главный. Юрий Ильич со провождает шефа по командировке, чтобы в случае необходимости оказаться телохранителем старшего коллеги, спасти документы, если с Семёном Павловичем что-то случится.

Вошли в обширный участок тропической грозы. Молнии разрезают пространство вокруг рукотворной птицы, ярко прочерчивая в густом тумане косматые ветвящиеся зигзаги. Раскаты грома не слышны, рёв моторов заглушает звуки рождающиеся в пространстве, окружающем самолёт. Вдруг всех ослепило и потрянуло так, будто неведомый великан злобно отбросил что-то не нужное, не задумываясь, что внутри могут быть беззащитные существа – люди.

В мгновение в сознании Юрия пронесли воспоминания, как он летним вечером ехал с дедом с покоса. Приближалась гроза и дед гнал лошадь Телега подпрыгивала на ухабах, её кренило с бока на бок. А лошадь неслась во всю прыть, не предполагая, что этим создает неудобства ездокам в грохочущем тарантасе.

– Случилось что-то неладное, – сообразил юноша Моторы взревели надрывно, а давление с сиденья стало смещаться на спинку кресла.

Крушение

Стюардесса метнулась в кабину пилотов. Вышла, не задержавшись там, и скороговоркой на родном и английском сбивчиво объявила:

– Идём на вынужденную посадку в аэропорту Банджармасин. Всем пристегнуть ремни и соблюдать спокойствие.

Мгновение спустя женщина-пассажирка визгливо прокричала по-филиппински:

– Ма-ма! Ой, мамочка! Мы па-а-даем!

Мгновенно салон наполнился истерическими воплями обречённых пассажиров – их охватил неопиcуемый ужас. Рвущий перепонки визг смешался с бранью и проклятиями, отпускаемыми на всё и всех, включая и Всевышнего. Кто-то машинально, шёпотом, воздаёт славу Аллаху, другие осеняют себя крестными знамениями. Несколько пассажиров, потеряв рассудок, бросились к двери, тщетно пытаясь открыть её, другие, так же тщетно, отрывают обезумевшую публику от уцелевших дверных затворов. Сплошной рёв объятых ужасом людей можно сравнить лишь с гулом, создаваемым стадом рассвирепевших в бою буйволов.

Семён Павлович пытается выглядеть хладнокровным. А что делать? Бежать некуда. Остаётся ждать приземление. Насколько жёстким оно будет – предсказать невозможно. Юру охватил страх безысходности. От отчаяния он опустил голову между колен и обхватил её руками. В сознании мелькают обрывки прожитой жизни. Нет ничего что могло бы вселить хоть чуточку уверенности на благополучный исход. Проносящиеся мимо иллюминатора клочья густого тумана указывали что самолёт летит с круто поднятой вверх носовой частью, словно истребитель, пытающийся резко уйти вверх. Но тяги двигателей не хватает, чтобы взмыть в высоту. Машина летит по инерции вперёд и при этом теряет высоту – падает.

В какое-то мгновение хвостовой частью самолёт цепляет макушки деревьев. Он наклоняется на левое крыло, фюзеляж стал выравниваться в полётное положение. В следующее мгновение крыло врезалось в верхний ярус джунглей. Скрежет отрывающегося крыла добавил ужаса и тем, кто в глубине души ещё теплил надежду на случайную удачу. Машина стала заваливаться на спину – хвостовая часть пошла впереди и выше кабины пилотов. Душераздирающие крики пассажиров не может заглушить даже скрежет рвущегося металла и треск лесных великанов. Часть салона с дверью оторвало, но фюзеляж выдержал, не разломился. Суматошно толпящуюся у двери толпу почти мгновенно вы бросило в образовавшийся проём.

Неизвестно сколько мгновений пронеслось пока Юрий ощутил, будто кто-то льёт и льёт воду на его голову. Минует тело, вода попадает на ноги.

Какие-то клещи рвут левую ногу, и она скоро не выдержит, оторвётся ниже колена. А вода продолжает литься так, что невозможно набрать воздуха для дыхания. Вот-вот он либо задохнётся, либо вместо воздуха вдохнёт воду и захлебнётся. Покидавшее парня сознание вернулось.

Лайнер погружается в воду. По салону к кабине пилотов мчится вода. Он подвешен ремнём безопасности на уровне пояса. Вода касается ног, в ней только что была и голова. Иллюминаторы уже не видны. Часть кресел оторвались при ударах, остальные висят. Около пилотской кабины, там ниже, водная стихия поглотила всё пространство. Кое-где люди шевелятся, пытаясь освободиться от ремней безопасности. Кто-то, отстегнувшись, погружается и его уносит к кабине. Нет ни визга, ни брани, есть только немногочисленные стоны. Да и он сам стонет от нестерпимой боли ниже колена.

Сознание проясняется, но мешает сосредоточиться сплошной, порождённый болью монотонный гул во всём черепе. Юрий замечает разлом в фюзеляже. Надо оказаться около отверстия, из которого мчится поток.

– Как пробраться туда раньше, чем водная стихия вытеснит из салона остатки воздуха? Где, на какой мы глубине? Хватит ли воздуха, чтобы вынырнуть? – все вопросы только к себе, вблизи нет никого, кто ответил бы на них.

А поток уже касается груди и живота. Ноги и большая часть туловища в воде. Ремень стал да вить меньше. Удалось отстегнуться и удержаться за кресло, чтобы поток не отнёс дальше от разлома, который может оказаться спасительным или пагубным. Усилиями рук, кресло за креслом парень приближается к рваной ране самолёта. Воздух остался только в щели, в которой едва помещается голова. А ниже всё поглотила вода. Течение в салоне прекратилось. Последний глоток салонного воздуха и нырок.

Левая нога не слушается хозяина. Но есть другая нога и руки. Вынырнул и почувствовал запах топлива. Оно не успело вылиться из топливных баков при падении и растеклось по поверхности водоёма. Теперь вместе с водой оно стекает с волос и лба, щиплет глаза и кожу на голове. Но эта боль не идёт в сравнение с болью ноги ниже колена.

Крутнувшись на воде, отметил, что находится в озере или в лагуне. До ближайшей точки берега больше сотни метров. Вода тёплая и не сковывает мышцы. Боль в ноге замедляет движение, но берег становится всё ближе.

Опираясь на локти и помогая здоровой ногой юноша выползает на песчано-илистый берег. Кожу на голове, весь левый бок и руку щиплет. Это топливо с одежды попало на раны. Юра разделся чтобы осмотреть себя. Обращает внимание на то что туфель остался только на больной ноге – другой утонул. Решил, что потеря найдётся позже из озера ей деться некуда. Глубоких ран не обнаружил, но ссадины разных форм и размеров кровоточат. Стопа подвёрнута так, что сомнений быть не может – под коленом нога сломана.

Только теперь осознал, откуда он. Осмотрел береговую линию и поверхность водоёма, но ни Павловича, ни кого-либо из попутчиков нигде нет. Радость от собственного спасения сменилась горечью за погибших и тоской о предстоящем одиночестве в нескончаемых джунглях острова.

– Город должен быть не очень далеко, если стюардесса объявляла о вынужденной посадке. Но, может быть, она назвала аэропорт приземления, чтобы успокоить пассажиров, избежать преждевременной паники? – размышляет Робинзон современности.

Боль в ноге усиливается. Юра собирает вещи, чтобы добраться до кромки леса. Там как-то и чем-то надо зафиксировать сломанную кость.

Тропический ливень струями стекает по телу. Близкие раскаты грома заглушают все звуки. От грохота даже мысли прерываются и путаются.

Яркая вспышка молнии вонзается в верхушки деревьев рядом с водоёмом и на мгновение ослепляет. Через миг в джунглях полыхнул огромный костёр. Как по ковровой дорожке, пламя несётся к воде и покрывает немалую часть поверхности водоёма. Выгорает вылившийся из баков керосин.

Огонь стремительно мчится по берегу, где только что прополз единственный спасшийся пассажир. Парень машинально отбрасывает одежду, впитавшую авиатопливо. Но пекло набрасывается на него самого. Ливень не успел смыть с тела остатки горючей жидкости, они полыхнули опалив ресницы.

– Теперь я дважды счастливчик! Полученный ожёг – сущий пустяк в сравнении с тем, что могло быть от горящей на теле одежды, – мысленно рассуждает участник жарких событий.

Ливень не даёт огню распространяться по лесу. Растёкшееся по воде топливо успело выгореть. Только в том месте, где покоятся обломки воздушного лайнера, продолжает гореть небольшой костёр.

– Топливо из второго бака всплывает на поверхность и не даёт гаснуть остатку недавней катастрофы. Окрестности словно вымерли. Кроме грохота обезумевшей стихии ни звука, ни пороха. Вся живность разбежалась, разлетелась и расплзлась потрясённая скрежетом разру-

шающегося лайнера. Наверное, должно пройти немало времени чтобы всё живое вышло из оцепенения. Но жизнь продолжается, и всё само собой вернётся на свои места. Всё, кроме искалеченной ноги. Но здесь не вызовешь карету скорой помощи. Как-то надо справляться самому.

Исцеление

Преодолевая боль в ноге, юноша ползёт к кромке леса. В руке держит рукава, оторванные от рубашки, чтобы ими стянуть сломанную кость ноги. Отдохнув, добирается до стебля древовидного папоротника, дотягивается до двух черенков листьев и отламывает. Отделив листья, прикладывает плоские черенки к ноге. Пытается проворачивать ногу за стопу. Резкая боль пронзает всё тело, он теряет сознание. Очнулся и вспомнил, что надо зафиксировать кость. Её разворот вроде удался.

Чтобы нога оказалась прямой, не стал передвигать сломанную часть, а, преодолевая нестерпимую боль, сдвинулся с места всем телом. Тканью от рукавов фиксирует черенки к месту перелома. Целитель весь в поту. Во всём теле невероятная слабость. Но Юра доволен, что теперь при движениях нога не будет причинять такую боль, как прежде.

– Только бы не потревожить перелом, не сместить приставленные друг к другу сломанные части кости. Я молодой, всё срастётся быстро, скорее, чем у пожилых людей, – вслух рассуждает парень.

Он снова подтягивается по стеблю папоротника, отрывает лист. Из черенка получилось орудие, которым можно рыхлить мягкую от дождя землю. Неизвестно, есть ли здесь растения со съедобными корешками. Голод не просто напоминает о себе, а заставляет действовать. От незнания, что именно может оказаться пригодным для еды, решает заготовить корешки разных растений. Перемазавшись в грязи, заготовки укладывает в кучки чтобы, собрав их, помыть в озере.

Он почти не сомневается, что находится на берегу озера, а не лагуны. Ему хочется верить в это.

Иначе пришлось бы признать, что за полоской земли океан или широкий пролив между островами.

Если так, то он на коралловом острове, который вряд ли обитаем людьми. Измученный свалившимися на него передрыгами, Юрий незаметно для себя засыпает.

Проснулся от нестерпимой жары. Дождь, начавшийся вчера, давно прекратился. Солнце успело оторваться от горизонта и нещадно палит кроны деревьев. Лучи не проникают до поверхности земли, но и она успела прогреться и испаряет впитавшуюся влагу. В атмосфере висит насыщенный запах отдающей влагу земли и преющей листвы.

Желудок настойчиво напоминает о голоде.

Но где заготовленные корешки? Кто-то успел разбросать их за время сна. Только сейчас пленник обстоятельств осознаёт, насколько опасно оставаться в незащищённом месте.

– Надо, Ильич, смотреть в оба. Беда может нагрянуть в любое время.

Около одной из вырытых вчера ямок, где была кучка заготовленных корешков, валяется кожа Недовольство незванным гостем, разбросавшим приготовленную пищу, сменяется радостью.

– Вот они – те единственные корешки, которые можно есть. Остальные несъедобны, потому и разбросаны. Ай да незнакомец! Вот какой он молодец! Кто-то помог избежать отравления.

Добравшись до орудия, стал усердно копать корешки под ближайшими такими же кустами. Добирается до воды, отмывает и съедает свежие припасы. Корешки отдают горечью, но терпимо, есть можно. Ощущение голода притупилось.

Нога опухла, болит, но такой острой боли, как вчера, больше нет.

– Пора позаботиться о пристанище недоступном хотя бы для тех, кто не умеет лазить по деревьям. Только как оторваться от земли самому? С больной ногой и без лестницы это

непросто. Но возможно всё, если постараться. Рядом небольшой залив, место, защищённое от ветра. Надо обосновываться в лесной чаще около залива.

Ползком добирается до намеченной цели. Передвигаться по земле по-пластунски неудобно, пришлось искать подобие костыля. Опираясь на самодельный костыль, обходит густой кустарник, чтобы выбрать подходящее для убежища дерево. Он знает, как охотники сооружают лабаз для хранения съестных припасов. Но у него нет ни топора, ни других инструментов, чтобы бросить деревянные лаги в любые развилки на одном уровне. Здоровая нога ощущает под слоем мха что-то твёрдое.

– Всего-то – обыкновенный камень. Да, здесь нет ила, и камни встречаются на поверхности, – произносит поисковик.

Не найдя дерева, подходящего для сооружения убежища, по пологому склону спускается ближе к воде.

Наконец, дерево с подходящими развилками найдено. Надо забраться на него. Юрий старается. Когда лианы росли, их молодые побеги сплетались с соседними стеблями. Позже стали прочными на столько, что теперь переплетения выдерживают вес человека. Таких природных лестниц с беспорядочно расположенными ветвями-ступенями оказалось множество. Там, где лианы проросли сквозь кроны кустарников, Ильич долго проделывает для себя лаз, обламывая ветки.

Добравшись до прочных отростков, поднялся в крону. Вот они, наиболее удобные для устройства жилища развилки. Ни пилящего, ни рубящего, ни режущего инструмента нет. Пришлось выламывать сук за сук, чтобы сделать прочную основу площадки-лабаза. Уложив ветки, переплёл их молодыми побегами, а получившийся настил закрепил к развилкам. Раздетый, он не вымокнет, но спать в сухой постели приятнее, чем под дождём. Над настилом появился наклонный навес. Крупными листьями накрыл строение. Получились мягкий матрац и крыша над ним.

Закончив сооружение убежища, поднялся в крону ещё выше и оказался среди достигаемых плодов. Сорвав несколько, заметил различие по спелости. Выбрал самые спелые. С ними спустился на землю, положил для «дегустации» незнакомцем. Опираясь на чудо-костыль, вышел на берег и собрал одежду.

Над обломками самолёта, как вечный огонь по жертвам аварии, продолжает выгорать авиатопливо. Из одежды оно выполоскалось проливным дождём. Остатки испарились солнцем, в полдень посылающим лучи почти вертикально.

– Подошло время обедать, «калимантанец», – бормочет Юра. – Да, теперь я житель джунглей Калимантана, если это не лагуна кораллового острова. Неизвестно, как долго мне предстоит оставаться в этой роли. Одежду необходимо сохранить для «выхода в люди». Здесь нет никого, кого следовало бы не стесняться при нагоде.

Собирая вещи, вспомнил о потерянном туфле.

– Не предстану же я перед людьми босиком. Надо искать.

Невдалеке, не обращая внимания на человека, около берега не спеша прохаживаются длинноногие местные цапли. Иногда кто-нибудь из них опускает клюв в воду и не поднимает его, словно остужает в прохладе прибрежных вод. Длинная тонкая шея изогнута, как вопросительный знак. Потом клюв появляется с трепещущей в нём рыбой. Голова запрокидывается, и рыба проваливается, а птица продолжает неторопливую прогулку по прибрежной отмели. Серое с коричневатым оттенком оперение поблёскивает в лучах солнца.

Дальше цапель плавают гуси. Некоторые, изогнув шеи, положили головы на спины. Одни, словно разморённые тропическим солнцем, отдыхают на водной глади. Другие изредка озираются по сторонам, издают короткие негромкие гоготания, сближаются. Иногда они ныряют, оставляя над поверхностью воды оранжевые лапы и серый хвост. Они сыты, спокойны, неторопливы.

С другой от юноши стороны, на большем удалении, чем гуси, собрались в две стаи бакланы. Те, что на илистом берегу, клювами приглаживают и смазывают жиром перья. Подняв и распластав крылья так, словно собираются взлететь, кончиками клювов касаются перьев на боках и спине. Они, в отличие от гусей и цапель, говорливы. Их крик сливается с криком сородичей, резвящихся на воде. Там всё словно кипит. Хлопая крыльями, птицы вспенивают поверхность, поднимают и разбрасывают по сторонам брызги. Они взлетают и тут же ныряют в гущу стаи. Удивительно, что при таком гаме они умудряются выныривать с рыбиной в клюве. К удачливому рыболову бросаются соседи, начинаются догонялки на воде. Успевают ли проглотить рыбу ныряльщик, или она достаётся кому-то из настигающих его сородичей, в птичьей суматохе разобрать невозможно.

Вода мутновата, но до глубины по грудь просматривается. К счастью, потеря нашлась недалеко от берега. Поднимать одежду в жилище сразу не стал. Взобрался на дерево, непохожее на то, которое приютило его, и сорвал несколько самых спелых плодов. Как всегда, бормочет мысли вслух на одном из языков, которыми владеет в совершенстве. Спускается и оставляет снятый урожай рядом с другими плодами.

– Я всё проговариваю, чтобы не одичать от одиночества, не потерять навыки общения с носителями языков, необходимые в работе. Наверное, нас с Семёном Павловичем в ведомстве потеряли. Или уже выяснилось, что мы вылетели самолётом, не достигшим аэропорт назначения. Как печально, что Павловича ни что уже не может волновать, заботить, беспокоить.

Хватило сил набрать даров ещё двух разновидностей деревьев. На ужин накопил съедобных корешков. Заготовил ещё три разновидности корней. Все кушанья разложил для «дегустатора». Но все «блюда» приготовлены не только для выяснения съедобности лесных даров. Так он решил войти в доверие к незнакомцу, чтобы при случае познакомиться с ним.

– Кто он, большой и разумный или совсем маленький зверёк? Кто предостережёт меня от отравления несъедобными корнями? Кто не тронул беззащитного во время сна? Ясно, что незнакомец не питается людьми.

От размышлений отвлёк нарастающий гул вертолёта. Винтокрылая машина пролетает далеко. Но и проследовав рядом, пилоты не заметили бы стоящего под густыми кронами пассажира разыскиваемого лайнера. Быстро выйти на открытое место, на берег, Юра не может. Не увидев следов аварии, пилоты больше не пролетят около озера Огонёк над местом крушения в солнечный день с большого удаления остался незамеченным.

На следующее утро Ильич обнаружил, что ссадины выделяют жидкость, привлекая насекомых. Искупался и, загораю, стал размышлять о причине воспаления ран. Вчера они выглядели заживающими.

– Неужели это от листьев постели? Другого объяснения я не нахожу, – мыслит вслух озабоченный проблемой парень.

Чтобы убедиться, что раздражение ссадин пошло от постели, поднял в убежище четыре охапки листьев разных растений и расстелил их четырьмя полосами. Захотелось есть. Вспомнил об угощениях незнакомцу. Они оказались нетронутыми. Решил ждать, когда «дегустатор» снова посетит эти места. Рисковать, есть плоды все подряд, не решился. И в этот раз «калимантанец» утолил голод съедобными корешками. Вечером положил гостю новые плоды, а пролежавшие сутки, очистил от кожуры и положил в воду около берега.

В воде отражается великолепие красок заката. Пурпурные у самого горизонта, выше они переходят в малиновые, а ещё выше и ближе – в бледно-розовые. От центра к краям полосы тускнеют и темнеют. Пурпурный цвет переходит в ультрамариновый, малиновый – в бордовый, а бледно-розовый – в жёлтый. Картина не стоит на месте. Полосы то расширяются и наползают одна на другую, то становятся тонкими, то разрываются на множество волокон, то искривляются и становятся волнообразными.

Постепенно всё меркнет, а у противоположного края горизонта появляются бледные светлячки. Надвигается тропическая ночь. Светлячки звёзд разгораются на всём небе, становятся ярче, загадочнее, притягательнее. Нарождающийся серп луны появляется вслед за звёздами. Он так тонок, что к свету небесных светлячков его добавка невелика. Окружённый подмигиванием крошечных соседок, он отрывается от деревьев, которые не в силах даже на мгновение ни остановить, ни удержать эту небесную карусель.

Птичье многоголосие умолкает, чтобы с наступлением дня возродиться с ещё большим неистовством. Днём щебетанье, кланье, криканье, кудахтанье, насвистывание, карканье и ещё множество других песнопений крылатых жителей сливаются в неумолкающий до темноты хор джунглей.

С рассвета и до захода светила дикие куры, своими размерами сравнимые с домашними бройлерными, взлетают с земли и по несколько штук одновременно как бы пытаются усесться на какой-нибудь куст. Хлопая крыльями, они стряхивают на землю вызревшие семена и ягоды. Потом спускаются и подбирают осыпавшийся урожай. Яркие ряженые петухи с алыми гребнями покоряют обилием красок и не оставили бы равнодушным любого наблюдателя. Но наблюдатель, способный ценить прекрасное, здесь только он, Юрий.

В кронах деревьев находит вдохновение множество пернатых: от мелких пичужек, до павлинов. Окраска павлина превосходит по яркости петушину. Вот они – жар-птицы дикой природы! Не о них ли мы узнаём в раннем детстве из русских сказок? В ветвях крон третьего яруса «переговариваются» щеголеватые-яркие попугаи и воркуют голуби в своём невзрачном, хоть и пёстром наряде. А высоко в небе, где оно просматривается сквозь густую листву, беззвучно парят орлы, соколы и птицы, неизвестные «калиминтанцу».

В тишине сгущающейся ночи еле слышен шелест о воздух крыльев пролетающей на охоту совы. Тишину пререзает жутковатый крик филина. И снова беззвучие, которое внизу может по тревожить шуршание мыши или попискивание других мелких обитателей этих обильных кормом зарослей. В завораживающее и убаюкивающее безмолвие могут вкрапляться предупреждающие шипения змей разных мастей и размеров. У всех свои часы бодрствования, сна, охоты с едой.

Прошла ещё ночь и больной осматривает ссадины. Там, где была полоска одного из сортов листьев, нагноение исчезло. Спустился, чтобы нарвать таких листьев ещё и заложить ими всю постель. Но он забыл о своём намерении, расстроенный тем, что снова не выявил признаков пребывания незнакомца – все оставленные для него подарки нетронуты. Какие-то мелкие грызуны оставили следы зубов на коже некоторых плодов, но их вниманием к приманке хозяин поклажи пренебрёг.

В воде плоды двух видов оказались истреблены полностью.

– О, да это же удача! Даже если плоды несъедобны для человека, они могут послужить приманкой для рыб. Если это не рыбы и не раки, то всё равно их можно будет есть. Животная пища была бы хорошим подспорьем к корешкам.

Кокосы пока недоступны. Да и возни с их вскрытием предостаточно – ни молотка, ни ножа под рукой. Забраться на высоту двадцать метров по гладкому стволу непросто и при здоровых руках и ногах. Пригодны ли в пищу дикорастущие бананы местной разновидности? – Это Юре неизвестно.

Добратся до бананов тоже проблематично, но они вдвое ниже.

Позавтракав традиционным блюдом, принялся сооружать орудие лова. Из молодых побегов лиан тал плести морду. Он сам ставил такие хитросплетения под лёд, чтобы добыть налимов, когда жил на берегу Кизира в Саянах. К вечеру половина рыбацкой снасти сплетена. Завтра можно будет закончить плетение.

Ему, увлечённо занятому делом, вдруг показало лось, что кто-то смотрит на него.

– Да кто здесь может смотреть на меня? Я же здесь один. Что это, галлюцинации?

Не из боязни, а машинально, житель джунглей опираясь на костыль, вышел из чащи на берег.

– Здесь в случае нападения ничто не мешает защищаться костылём. Постоять за себя сумею.

Юноша ещё не представляет, какие опасности таит в себе тропический лес, какие охотники ходят по земле и передвигаются по деревьям. Никто не выходит из тропической глуши. Звуков, указывающих на близкую угрозу, нет. Так же беззаботны птичьи трели, переливы и пересвисты. Нет рычащих заявок на первенство в округе, не доносятся крики испуганных животных – жизнь в джунглях продолжается в обычном размеренном ритме.

Юра возвращается в лес, чтобы заменить в постели приготовленные листья. Вдруг он обнаруживает, что двух кучек плодов нет, а по земле разбросана кожа от них. Съедены такие плоды, которые годны для приманки в готовящееся орудие лова. Лесной житель рад, он почти ликует что рацион можно разнообразить. Незнакомец помог в этом.

– Ни его ли взгляд я чувствовал? Значит, мне не показалось? Появившийся пришелец будет навещать меня. Это не последний его визит сюда. Счастливый, он запел пришедшую на ум песню.

Даже боль в ноге стала ощущаться не так назойливо, как совсем недавно.

Да, утром Ильич отметил, что часть ссадин заживает. Один сорт листьев, оказался исцеляющим.

– Такими же листьями застелю всю поверхность постели, – решил он тогда.

Отведал кушанья, приглянувшиеся незнакомцу. Вкус новинок непривычный для россиянина родом из Сибири, но приятный. Рацион питания расширился. К вечеру доплёл морду, положил в неё приманку и забросил в воду. В очередной раз медленно прочесывает окрестность в надежде найти грибы. И снова неудача.

– Или место не грибное, или грибам сейчас не сезон – старается понять Юрий.

Он ещё не знает, каков вкус сырых грибов без боли. И приготовить их, кроме сушки, не может по незнанию.

Метод проб в лечении даёт отличный результат. Уже на следующий день убедился, что все ссадины скоро затянутся новой кожей. Боль ниже колена беспокоит, но она вполне сносная.

– Опирайтесь на сломанную ногу пока рано. Пусть срастается, – решает целитель.

Проверил поставленную снасть и остался доволен, что труд вознаграждён. В переплетениях трепещутся пять рыбин величиной с тихоокеанскую сельдь. Вспарывать животы, чтобы избавиться от внутренностей, пришлось палочкой.

– Ну, Ильич, без ножа это не чистка рыбы, а недоразумение.

Потребовалось плыть к самолёту, чтобы отломить кусок металла. Сначала рыбы шаркаются от ныряльщика, но быстро привыкают и подплывают до расстояния вытянутой руки. На глубине чуть более трёх метров долго сгибать рваный край обшивки не удаётся. Пришлось нырять более двадцати раз чтобы желаемое превратилось в действительность.

Из металла камнями долго вырубает полоску для ножа. Камень часто вырывается из руки, скользит, высекая из пластины искры. На руках появляются ссадины. Работа оказывается более непростой и трудоёмкой, чем представлялась воображением. На камнях же оттачивает лезвие. Ручка ножа и ножны – бамбуковые. Успех воодушевляет умельца сделать саблю и режущий наконечник к бамбуковому копьё. Копьё и сабля могут оказаться необходимы ми для охоты и при защите от нападающего зверя.

Прошло две недели пребывания в джунглях. Не знакомец навещает стоянку через два-три дня, лакомится приготовленными для него плодами. Юрий успел научиться перепрыгивать с дерева на дерево. Чтобы не удариться о ветви ногой в месте перелома, в прыжке приходится выставлять вперёд здоровую ногу. Всего несколько прыжков по ветвям а на ладонях и поду-

печках пальцев появляются мозоли. К вечеру они вздулись, один оказался не водянистым, а кровавым. Эти болячки невозможно игнорировать, но приходится крепиться.

Прыжки по веткам наиболее приемлемый способ перемещения по дебрям джунглей. Раскачиваясь, продвигаться получается медленнее, чем при ходьбе по дороге, но о дороге в его джунглях не может быть речи. При таком способе передвижения отпала необходимость пробираться сквозь чащи кустарников, проделывать лазы, обламывая ветви. Спешить некуда. С больной ногой ему отсюда не уйти. Вертолёт, совершив облёт участка предполагаемого падения, больше не появляется.

Знакомство

Утро началось точным повторением ранее прожитых дней. Ильич отмечает, что гость, как всегда незаметно, навестил его, расправился с угощением. Пора подкрепиться и самому. Он уже на дереве. Достает очередной плод и замечает, что сквозь густую крону за ним пристально наблюдает пара глаз цвета спелой чёрной смородины. Он не может рассмотреть, кому принадлежат блестящие «ягоды».

Чтобы не спугнуть и не вызвать агрессию соседа спокойным голосом говорит о том, какой сегодня замечательный день, как здорово, что наконец-то встреча состоялась. Хочется приблизиться к незнакомцу, но неизвестно, как тот прореагирует на это. Аккуратно передвигается на другую ветку. Теперь он выше, и сквозь крону просматривается бурое пятно внушительных размеров.

Почти неслышно пятно тоже сместилось. Глаз не видно. Слышны работа челюстей и звуки, на поминающие чмокание и чавканье. Тропический пришелец насыщается плодами соседнего дерева. Но кто же он? Неизвестный не проявляет признаков агрессии. Он не выкалывает и страха. Иначе исчез бы с дерева раньше, чем стал замечен.

– Интересно, что будет, когда я перепрыгну на другое дерево?

Незнакомец ответил тем, что тут же оказался на освободившемся лакомом местечке. Юра возвращается и оказывается от гостя на расстоянии чуть большем размаха рук.

Теперь отчётливо видно существо, заросшее длинными бурыми волосами, а на соседней ветке детёныш. Окраска малыша светлее материнской, а волосы не так длинны. Маленькое существо чуть дальше матери. Оно, с опаской взирая на нового соседа, срывает и поедает плоды, как мать.

– Я вызвал ваше доверие, мои гости, тем, что передвигаюсь как вы, по веткам? Полагаю, что мы поладим. Вам можно не опасаться вреда с моей стороны. А вы уже послужили мне, предотвратив возможное отравление. Надеюсь, что мы сможем быть взаимно полезными. Не зря же орангутанг с местных языков переводится как «лесной человек».

Юноша срывает плод и аккуратно бросает его в направлении малыша. Тот ловко подхватывает угощение и расправляется с ним. То же несколько раз проделывается и с мамой детёныша. Когда гостеприимный хозяин дерева съедает очередной плод и по одному посылает матери с малышом, неожиданно мать бросает в его сторону ответное угощение. По примеру матери плод летит от ребёнка лесного человека.

– Отлично! Контакт налажен! – произносит человек разумный негромко, но радостно.

Он набирает несколько плодов и спускается, чтобы оставить угощение на земле. Гости не за медлили оказаться под деревом. Стоят на ногах и опираются на полусогнутые пальцы лап. Их положение в такой стойке почти вертикальное. Обезьяны приблизились на несколько шагов. Ближе подходить не решаются. С улыбкой, упрекая гостей в трусости и недоверии, юноша бросает им по одному плоду. Держа в вытянутых вперёд руках по угощению, медленно движется к тропическим со зданиям Калимантана.

Останавливается так близко, что мать может взять угощения из протянутых рук. Большие пальцы на лапах почти одинаковы – ноги так же цепки на деревьях, как и руки. Но кривые ноги так коротки, что туловище взрослой особи начинается не много выше Юрино колена. Мать не решается взять угощение из рук. Детёныш проникся к новому знакомому большим доверием, чем мама, и приблизившись на шаг, протягивает руку к лакомству. Мать удерживает его и забирает плоды. Малыш ловко взбирается ей на плечи и становится обладателем одного из угощений.

Ильич возвращается к оставленной кучке лакомства и приглашает гостей подходить. И уговоры, и жесты остаются непонятыми. Он присел в надежде, что так будет казаться менее

опасным Рядом на деревьях много спелых плодов. Орангутанги могут насыщаться и без участия человека Наверное, ими движет любопытство к похожему и так непохожему на них существу. Юра отодвигается на шаг, и это прибавляет решимости гостям. Они медленно приближаются.

– Вы не люди, но здесь нет никого разумнее вас. Не бойтесь, подходите. Знаю, что язык человека непонятен вам, но кроме вас здесь нет никого, кому можно сказать хоть несколько слов.

Хозяин «кухни» отмечает, что если мать имела бы ноги и туловище таких же пропорций, как люди, то при её телосложении могла быть ростом около полутора метров. Но стоя на своих коротких ногах, она достанет угощение из его вытянутой вверх руки – так длины руки орангутанга.

Когда гости приблизились, он аккуратно, без резких движений встал и поднял плод. И не ошибся. Мать дотянулась до лакомства. Держа подарок на высоте, доступной детёнышу, приблизился к нему. Только теперь Ильич обнаружил, что мать с дочкой, а не с сынком.

– А я-то вас обоих называл незнакомцем, – признав ошибку, с улыбкой произнёс Юра.

Он снова присел на корточки. Лесные жители делали то же самое. Человек разумный протянул руку взрослому орангутангу, как мы делаем при встрече. Мать детёныша, помедлив, отняла руку от земли и остановила ладонь с полусогнутыми пальцами на уровне колена. Ильич аккуратно коснулся ладонью сначала пальцев, а затем и ладони примата. Пожатие сделать не решился.

– Если «дамочка» сожмёт мою кисть, то без хруста костей не обойдётся. Мохнатая рука обезьяны и сила в ней не идёт в сравнение с рукой человека.

Юноша вынул ладонь и подал её малышке. Как поступить, та не поняла. Снова подал руку взрослой особи, теперь уже с лёгким пожатием и получил адекватный ответ. После третьего рукопожатия с матерью дочка сообразила, что надо сделать. Юра улыбнулся, а малышка в ответ изобразила на лице гримасу. Безволосая лицевая часть с выдающимися вперёд скулами преобразилась.

– Мимические мышцы у вас хорошо развиты, – отметил «калимантанец».

Он встал и пошёл к воде. Лесные гости последовали его примеру, но остановились в десятке метров.

– Вода – не их стихия. Они, кажется, даже боятся её.

Рыбацкая снасть оказалась с тремя рыбёшками.

– Вот и хорошо! Хватает всем.

Ильич подошёл с трепещущей в руках добычей к попугаям, отдал их долю и показал, что рыбу можно есть – откусил от хвоста и стал пережёвывать. Одна, а за ней и другая быстро расправились с непривычным угощением со всеми потрохами Сложно решить, понравилась ли им рыба в качестве пищи – эмоционально это не отразилось.

Все трое снова в лесу. Попугаи уже заедают рыбу лакомыми плодами, а юноша, двигаясь по ветвям, оказался около пальмовидного растения. Под широкими листьями свисает огромная гроздь. По прочному травянистому стеблю из туго витых листьев он добирается до грозди на высоте около десятка метров, срывает с неё кисти по несколько бананов в каждой. Деятельность не осталась незамеченной. Обезьяны расценили её, как жест щедрости их необычного знакомого. Они быстро спустились и принялись лакомиться, сидя на корточках. Спустился и сам добытчик.

Расправляясь с бананами, человек и орангутан-и «беседуют»:

– Хорошие вы собеседники. Никогда не перебиваете меня. Соглашаетесь молча, и несогласие у вас тоже молчаливое. Как же мне звать-величать вас, мои немтыри. Однозвучно вы общаетесь между собой, должны же вы понимать какие-нибудь азы речи. Ваши имена должны быть звонкими, чтобы были слышны на расстоянии. Ты, мама. Тебя буду называть Ма. Как

же назвать тебя, малышка? Да, назову тебя так, чтобы удобнее было звать обеих. Ма и Ня, запомните свои имена. Юра каждой подал руку и во время лёгких рукопожатий назвал их по именам. Потом с парой кистей бананов отошёл на несколько шагов, произнёс: «Ма и Ня» – и протянул экзотические ягоды перед собой. Снова позвал: «Ма, Ня». Не потому, что друг подзывает их по именам, а к бананам подошли обезьяны. И получили их. Оставшиеся три кисти Юрий поднял в своё убежище. В этот день он успел вырубить камнями заготовку сабли. Процесс её обтачивания занял не сколько следующих дней и стоил сбитых пальцев.

Тропические ливни участились. Сезон дождей достиг кульминации. Вода в озере прибила, поглотив илистый берег, зашла в джунгли. Основание дерева, на котором построено убежище, оказалось в воде. Но Ильич может не спускаться на землю чтобы оказаться на просторной «кухне», полной съедобных плодов и экзотических ягод. Он ловко перелетает с дерева на дерево по ветвям.

Чего стоила эта ловкость! Несколько дней все суставы от плечевых до кончиков пальцев болели. Даже ночью в мягкой постели «Тарзан» Калимантана страдал от ломящей суставной боли. Болели и мышцы, на которые перенеслась тяжесть тела.

– Растут-ут руки. Ещё немного и станут такими как у моих друзей орангутангов.

Длиннее руки не становились, но сила и цепкость в них заметно прибавились. Он может преодолеть не одну сотню метров без передышки. Когда друзья далеко, окликает их:

– Ма, Ня.

Они привыкли к этому оклику и без промедления спешат на зов. А Юра угощает их очередным лакомством.

И вот, небывалое событие – нашествие мартышек. Они шумно воркуют между собой, резво и бесстрашно перескакивая даже по тонким ветвям раскачиваются на лианах, свисающих из поднебесных крон деревьев великанов. Их так много, что невозможно сосчитать. Наверное, не меньше тридцати. Беззаботное «разглагольствование» маленьких юрких существ мгновенно превращается в истерический крик стаи. Стремглав они покидают опасное место – двухметровый питон выдал себя шипением и характерным пощёлкиванием чешуек на скользящем по дереву извивающемуся прохладному теле. Ильичу уже довелось видеть таких же размеров жёлто-бурую королевскую кобру. Спасло то, что был на своём помосте. Тогда он с трудом одолел ползучее существо с помощью единственного оружия – копья без металлического наконечника. Питон с шипением и потрескиванием чешуек последовал за юркими обезьянами, надеясь заполучить к обеду неосторожный экземпляр многочисленной стайки.

Сегодня «калимантанец» сыт и лежит под своим навесом. Дождь струится с листьев убежища. Ма растянулась на ветках соседнего дерева. Её хорошо видно. Голова оказалась под нависшими листьями, лицо полусухое. Волосы, более длинные, чем на голове, свисают с её плеч. По ним стекает дождевая вода. Не капает, а льётся множеством тонких струек. Почти безволосый живот словно натёрт серым жиром. Ни одна капля не задерживается на нём. Взрослая обезьяна не обращает внимания на дождь. Близко поставленные глаза закрыты, словно она задумалась над чем-то.

– Интересно, а думает ли она? Способна ли она хотя бы вспоминать события в их последовательности? Есть же эпизоды, которые приятно воспринимаются даже её орангутангским умом.

Ма лежит. Ни одна мышца не шевелится на её лице. От взгляда не ускользнула бы даже малейшая гримаса умной обезьяны. Ня, не шевелясь, лежит на груди матери. Её лицо отвлёрнуто от человека. Малышка не двигается.

– Спит. Даже к материнской груди не прикладывается.

Ня ест всё, чем питается мать, но иногда не прочь полакомиться материнским молоком. И мать позволяет дочке утолить жажду.

Юра задумался. А дома сейчас зима. Позади новогодние праздники, до наступления которых он и Павлович должны были вернуться в ведомство с подписанными документами. В канун Крещения Господня Юля стала бы его женой. Юноша роман тик, но всё не так романтично, как могло быть Заявление в ЗАГС, с назначенной для бракосочетания датой, оказалось бесполезной бумажкой. Он один из брачующихся, как в воду канул. И впрямь канул вместе с самолётом, а вынырнув, не может вернуться в родную столицу.

Перед взором отчётливо вырисовывается лицо невесты. Она не отчитывает любимого за исчезновение, а улыбается так, как при встречах после рабочего дня. Юля тоже работает. Она педиатр. И вот, его любимая где-то далеко. А он почему-то ощущает себя мальчишкой на рыбалке с дедушкой. Они в шалаше, на берегу таёжного озера. Дождь шумит по скатам их рыбацкого пристанища, а им тепло, сухо и уютно.

– Какая рыбалка, какой шалаш, откуда может взяться тепло в январе? И где Юля?

Мысли перескакивают с одного на другое, путаются, тревожат. Нет ощущения блаженства, какое ласкало душу даже в проливной дождь. В пору сенокоса дождь тёплый, не мешает проверять перемёты и единственную небольшую сеть.

Юрий просыпается. Сожалеет, что свадьба отодвигается. Если бы командировка не затянулась на неопределённый срок, то без проблем решился бы финансовый вопрос на организацию свадьбы. Но они с Павловичем не привезли документы с подписями. Коллеги, наверное, уже привезли подписанные копии. Сделка с представителями Филиппин и Индонезии не сорвалась из-за крушения самолёта – в этом он уверен.

Иначе не может быть. Но кейс с секретной документацией государственной важности необходимо доставить в ведомство. Если он окажется в руках посторонних от сделки людей, могут быть неприятности и для местных партнёров.

– Но как его вызволить из водного плена? Как потом с кейсом пройти таможенный контроль? При состоявшейся в Маниле процедуре подписания, местные коллеги сделали таможенный контроль простой формальностью. То же было бы и в Джакарте. Теперь я – рядовой турист. Бронированный чемоданчик невозможно пронести незамеченным таможенниками. Потом придумаю что-нибудь. Надо ещё найти и достать его.

Для выныривания из салона воздуха хватило. Но, чтобы погрузиться на глубину, отыскать и отстегнуть кейс от руки Павловича, вернуться к проёму и вынырнуть, необходимо снаряжение аквалангиста. Проблему запаса воздуха и скорости придётся решать подручными средствами в малую воду на озере. Значит, придётся ждать окончания сезона дождей.

Ма и Ня беспокойно заворочались.

– Проголодались. Пора подкрепиться и мне.

Прикосновение к ужасам

Несколько прыжков по веткам и Ильич уже около банановых гроздей. С ближайших деревьев на банан не перепрыгнуть – стебель может сломаться. Пришлось спуститься к воде, чтобы добраться до основания упругого травянистого стебля банана вплавь. Ма почувствовала опасность. Она беспокойно прыгает по ветвям, издаёт предостерегающие звуки. Все её передвижения ограничиваются тремя-четырьмя деревьями. Ня запрыгнула на спину матери.

Вдруг Юрия сковало от увиденного. В нескольких метрах от себя он заметил над водой голову змея, а дальше – извивающееся в воде тело. Метров в шесть показалась ему рептилия.

По-обезьяньи быстро человек взбирается на дерево. Змей увидел спасающуюся добычу и, как живая спираль, обвивая ствол, ползёт всё выше. Прыжок, ещё прыжок и опасность позади. Можно не возвращаться к банану, пищи хватит и без него. Но питон может ночью забраться в убежище.

– Надо избавиться от гада, чего бы это ни стоило, – решает юноша.

С копьём и саблей прыгать по деревьям неудобно, но место, где он расстался с опасным пресмыкающимся, рядом. Внимательно всмотрелся сквозь крону и увидел обвивший дерево хвост. Голова где-то выше и невидна. Обезьяны продолжают проявлять беспокойство. Ня на спине матери крепко держится за плечи. Мать перепрыгивает с дерева на дерево и издаёт резкие звуки.

Юноша делает несколько прыжков в сторону и поднимается выше в крону соседнего со змеем дерева. Оказавшись над головой противника пронзает его копьём. Попадает в туловище около головы. Выдернуть оружие, чтобы снова вонзить Ильич не успевает. Змей, резко изогнувшись, вырывает древко из руки. В следующее мгновение бамбуковое копье ломается. Остриё остаётся в теле, а древко падает.

Раненое чудовище готовится к нападению, а человек к отражению атаки. Тело змея, как разжимающаяся пружина, выталкивает огромную пасть в направлении смельчака. Ярко-красная с выступающими остриями зубов пасть закрывает всю голову и выглядит очень угрожающе. Ма и Ня наблюдают за поединком с соседнего дерева. Пасть на расстоянии вытянутой руки. Сабля, звякнув о зубы чудовища, отсекает нижнюю челюсть. Потеря будто не замечена змеем.

Ещё мгновение и обидчик вместе с деревом очутится в крепких объятиях. Рептилия может сдавить жертву так, что не выдержат кости грудной клетки. Но сабля вонзается в туловище, рассекая более половины смыкающегося кольца. Обе части надрубленного тела обвивают дерево там где только что был саблист. Перемахнув на ветви дальше от ствола, он изо всех сил саблей наносит грозному противнику ещё несколько ранений, доходящих до позвоночника.

Чудовище оказывается всё ниже. Его движения превращаются в конвульсивные. Густая кровь стекает из всех ран, обагрив ствол и ветви. Юрий в несколько прыжков оказывается около воды, где свисает голова зверя, оставшегося лишь с верхней челюстью. Взмах – и голова падает в воду. Разгорячённый сражением боец успевает отсечь от сползающей туши кусок, подхватывает его, не дав утонуть. В руках победителя трофей – змеиное мясо.

Оцепенение орангутангов сменяется активностью, какой парню ещё не доводилось видеть. Они перескакивают на большие расстояния, издавая звуки понятные только им. Ильич догадывается, что это звуки радости по бесследному исчезновению их извечного врага. Спустя некоторое время обезьяны успокаиваются и приближаются к другу. Дочка остаётся на спине матери. Там ей спокойнее.

Юноша угощает Ма и Ня кушаньем, отведать которое они не могли без участия человека. Жаль сломанное в бою копье. Точнее, жаль металлический наконечник, утонувший вместе со змеем. Его можно будет найти, когда уйдёт вода. Сабля – хорошее оружие, но её можно применять только на близком расстоянии.

Ильич из подручных материалов сооружает лук. Ветвь красного дерева упругая и прочная. Стрелы из древовидного папоротника, всюду торчащего из воды. С луком передвигаться по деревьям удобнее, чем с копьем. Из травы он плетёт колчан. Высыхая, трава теряет необходимую прочность. Четыре сорта трав опробованы для колчанов.

Лишь пятый колчан и пояс оказались крепки ми, будто сплетены из рогожи. Из этого материала сплёл чехол с парой лямок, как у рюкзака, для ношения за плечами копья. Это оказалось очень удобно при передвижении по ветвям. Теперь можно путешествовать с друзьями орангутангами, не возвращаясь на стоянку каждый вечер. Шина с ноги снята, можно опираться на обе конечности даже при прыжке.

Лук – замечательное оружие. Он может пригодиться и при выходе к людям. Но чтобы стрелять метко, нужны тренировки. Он освоит тонкости стрельбы, когда спадёт вода. А сейчас, в период наводнения, стрелы летят в кур и голубей, чьё мясо привычнее, а потому вкуснее змеиного. К тому же змеи встречаются реже, чем пробуждается потребность в мясе.

Юре понятно, что он в горной котловине или на плоскогорье. Но береговая линия кажется необычной для озера – слишком изрезана. Вспомнил детские годы, когда с классом ездил на Красноярское море. Водохранилище гидроэлектростанции заливами и заливчиками врежется в ложбины и распадки теснящих Енисей Саян. Здесь таких гор нет, но местность не плоская. Взгорки, окружающие водоём, покрыты такими же джунглями, как и около самой воды, выплеснувшейся из берегов зеркальной гладью.

– Надо обследовать местность вокруг. Пройду на северо-восток, к тому мысу, за которым просматривается протока. Возможно, что по ней озерцо соединяется с другим озером?

Утренний завтрак недолг. Без каких-либо приготовлений, отправился на обследование. Вскоре заметил, что Ма и Ня путешествуют рядом, ненадолго задерживаясь, чтобы продолжать завтрак.

– Хорошо, пусть будут рядом. Их звериное чутьё предупредит об опасности. Совсем недавно я мог оказаться добычей для живого длинного и тол-того «каната».

То, что с расстояния менее полукилометра казалось мыском, в действительности островок, отделенный от берега узкой полоской воды. Песчаный пляж навеял желание позагорать, пока между облаками ненадолго появляется солнце. Протока неглубокая, но десяток метров пришлось преодолеть вплавь. Осмотрелся. Заметил еле заметное течение. Кусочки коры, листвы и мха уносятся из его озерца медленным течением. Где-то в озеро впадает река, приносящая муть. От неё и ил на берегах.

Островок в форме половины эллипса своей малой осью обращён к берегу. Он невелик, меньше двухсот метров до дальнего края и по сотне метров в стороны. На северной стороне с островка видна изрезанная линия противоположного берега.

– Да, моё озерцо только часть большого озера Да и озеро ли это? Возможно, что где-то дальше река перегорожена плотиной и возникло водохранилище? Иначе за миллионы лет береговая линия должна была сгладиться.

Хотел вернуться к друзьям, не последовавшим на остров, но наткнулся на обгоревший конец палки, не унесённой, а постепенно заиленной во время наводнения.

– О! Да здесь бывают люди! – обрадовался исследователь местности.

Вдруг в мутной воде он заметил что-то, показавшееся ему знакомым. Раскопал и очень удивился. Это оказалась голенная кость взрослого орангутанга.

– Откуда она здесь? А нет ли ещё чего?

Дальнейшие раскопки выявили почти полный набор заиленных костей не только орангутангов но и людей. Но ни одного человеческого черепа ни волоска обезьян среди находок не оказалось. Понять, почему «коллекции» неполные, не было даже малейшего желания.

Надо поскорее убираться от этого места былых пиршеств, чтобы случайно не пополнить коллекцию собственными косточками. Аккуратно загрёб илом все находки. Отступая, заров-

нял ладонями собственные следы, чтобы не навести людоедов на мысль о его существовании рядом с ними.

– Дождь, а он будет скоро, полностью уничтожит улики моего пребывания на островке, – успокоился Юра, очутившись рядом с друзьями.

От неприятного осадка в душе он с трудом избавился лишь к вечеру.

За три дня странствий исследователь выяснил, что живёт около конечности полуострова. Длина участка суши, вдающегося вглубь водоёма, километров восемь. В самом широком месте между берегами немногим более трёх километров. В двух местах заливы с обеих сторон врезаются в сушу так глубоко, что остаются перешейки менее трёх-от метров.

За дальним перешейком, в полукилометре от второго сужения, начинается деревенька даяков. Ночами Юра выяснил, что ближе всех к перешейку стоит длинный общинный дом семей на двадцать.

Дальше идёт единственная улица и ответвление от неё. Там – семейные строения разного достатка. Их набирается с полсотни. От деревеньки к заливу озера ведут тропинки, а там вёсельные и моторные лодки.

– Можно было обследовать озеро на лодке, но вёслами плыть медленно. Обнаружив пропажу, даяки могут быстро настичь похитителя. От рёва моторной лодки люди проснутся и так же устроят погоню. В обоих случаях все косточки обгрызут без обжарки. Нет, лучше не обнаруживать себя и сосредоточиться на изобретении способа поднятия из воды кейса.

Тропические ливни – не помеха для путешественников, но как приятно снова оказаться под навесом и всем телом наслаждаться сухостью. Обезьяны привычны к ливням, но при каждом удобном случае стремятся оказаться в укрытии. А прикрытиями для них служат крупные листья, нависающие над какой-либо частью тела. Дождевые струи стекают и попадают на незащищённые поверхности тел. Ильич заметил, что больше всего им неприятно, если вода льётся на лицо. Он подзывает Ма и Ня на ветки под своей постелью. Умные обезьяны быстро оценили преимущества сухости и покидают укрытие только на время питания. Появляться на территории разумного друга для них давно наложен запрет. Орангутанги соблюдают его.

Начались интенсивные тренировки в нырянии. Если при катастрофе лайнера глубина до амбразуры была метра три, то сейчас она наполовину больше. Первая попытка показала, что если не заплывать внутрь салона, то ныряльщик может проплыть не более своего удвоенного роста. На большее, чтобы успеть вынырнуть, воздуха не хватает. Из папоротника и трав сделал подобие ласт. С ними вдоль самолёта удалось проплыть на расстояние до кресла Павловича и развернуться. Но ещё нужно время, чтобы заплыть в салон, отыскать во мраке коллегу, отстегнуть кейс, вернуться и всплыть на поверхность. Эффект от усовершенствования конструкции ласт при достигнутой скорости плавания очень незначительный.

Рыбы курсируют через рваное отверстие салона, не обращая внимания на ныряльщика. Это показалось Ильичу подозрительным, но не на-только, чтобы заняться разгадкой явления. Ясно другое – без баллонов с воздухом кейс не достать. У даяков Юра не обнаружил ничего, что могло бы послужить в качестве баллона. К тому же не хочет-я лишний раз рисковать при посещении селения.

Исследователь полуострова видел ещё одну деревеньку на противоположном берегу озёрного залива. Она невдалеке от посещённой им. Других селений с полуострова не видно.

– На людоедские «пикники» плавают жители этих селений. Или одного из них. Нет, посещение деревни даяков мне не подходит. Если для аборигенов не проблема убить сородича, то съесть заблудшего иностранца, которого даже никто не ищет, стало бы для них верхом безнужности.

Пикник

Уровень воды в озере понизился на метр, а Юра не решается осуществить главный план своего пребывания в джунглях. Теперь он ныряет с бамбуком и тренируется под водой вдохнуть из него дважды. Воздуха в пустоте бамбукового баллона для этого достаточно. Погрузиться на глубину и вдохнуть из него, не выпустив остатки, пока не получается. Но это вполне осуществимая идея, надо только потренироваться. Или придумать какой-то клапан, удерживающий воздух от самопроизвольного выхода, но позволяющий вдыхать. Жаль, что здесь не растёт каучуковое дерево. Можно было бы сделать эластичную трубку и пережимать её зубами. Он выныривает в очередной раз.

Где-то в стороне деревенок, за поворотами залива, слышен гул лодочного мотора. Молнией промелькнула мысль о приближении людоедов. Ильяч быстро подплывает к берегу и скрывается в прибрежных джунглях. По просторам озера несётся лодка. В ней четверо мужчин. Они о чём-то говорят, перекрикивая гул мотора. Часть слов доносится на индонезийском, часть на языке племени. Ничто не указывает на их склонность к канныбализму. На мужчинах белые лёгкие пиджаки или свободные рубахи местного фасона. Светлые брюки или шаровары обтягивают колени, видимые из-за борта судёнышка. Головных уборов нет, волосы аккуратно подстрижены. Все безбородые. Один пассажир усатый.

– Зря опасался. Вполне цивилизованная публика. Возможно, что за поворотами озера есть ещё деревенька, и люди плывут в неё. Там у них могут быть дела. Могут плыть, чтобы навестить родственников или просто расслабиться без своих женщин. Обычно жёны ограничивают мужей в принятии спиртного, а это не всякому по нраву, – рассуждает лесной житель.

Лодка зашла за островок с кострищем и гул мотора прекратился. Мужчины приплыли на пикник. Любопытство, можно ли не опасаться этих цивилизованных на вид людей, подталкивает Юрия увидеть подробности праздника ближе. Но свидетельства былых пиршеств на островке, обнаруженные во время прошлого посещения, обостряют инстинкт самосохранения.

Ма и Ня неотступно следуют за другом, перелетающим по ветвям к месту отдыха приплывших аборигенов. По воде было бы около полукилометра, по берегу вдвое больше. Увидев сквозь ветви людей, обезьяны забеспокоились. Ничего необычного человек из чащи не замечает, но понимает, что опыт общения орангутангов с людьми оправдывает поведение приматов.

Ильячу виден костёр. Из него достают какие-то овощи, формой похожие на дыню. С горячих «блюд» счищают кожуру, а мякотью закусывают пьянящий напиток. Или пирующие отдыхающие наоборот, запивают тропический овощ. О, как давно жертва авиакатастрофы не ел варёное жареное и печёное! Получить огонь трением ему не удалось. Очков, чтобы сделать водяную линзу Юрий не имеет. В меру солёная горячая пища может быть только в мечтах и в воспоминаниях.

Только здесь, при виде трепещущихся при дуновении ветерка языков пламени костра, он осознаёт, что не пытался получить огонь вполне доступным для него способом – от искры, выбитой из камней. Камни послужили при изготовлении оружия, но могут оказаться полезными и для получения огня. Как и участники пикника, он давно мог бы обжаривать над огнём плоды, готовить жаркое из рыбы или из мяса.

– Мясо тропических змей, диких кроликов и птиц, которое случалось, есть сырым, будет ещё вкуснее, если его обласкает пламя костра, – еле слышно произносит Юра, переполненный мечтой об огне.

Люди отдыхают, и ему хочется подойти к ним пообщаться. Попытку сделать это останавливают друзья приматы. Ма начинает издавать предостерегающие звуки так громко, что её могут услышать на островке. Приходится оставить идею о контакте с незнакомцами, чтобы не подвергать друзей опасности. Да и только ли их? Около кострища немало человеческих костей.

Аборигены раздеваются, оставляют костёр и переходят обмелевшую проточку. Один из них набивает патронами обойму пистолета. У двух его попутчиков из лодки появились ружья похожие на карабины. Один охотник с трубкой, стреляющей отравленными стрелами. О таком оружии некоторых народов Ильичу известно из школьного курса. Охотники, теперь в этом нет сомнения, уже близко. Слышна речь то на одном, то на другом языке. Слово «орангутанг» слышно отчётливо. Известно человеку в засаде и то, что аборигены убивают мать, чтобы забрать обезьяньего детёныша на продажу.

Ма и Ня, а вслед за ними человек, поднялись выше и затаились. Люди прошли, не подозревая лежки. Верхолазы успели проголодаться и, вкушая дары джунглей, удалились от места наблюдения. Вновь послышались голоса приближающихся охотников. Охота обошлась без выстрелов.

– Если вблизи есть орангутанги кроме моих друзей, то им крупно повезло, – отмечает пленник джунглей, продолжая обедать.

Двое вышли на берег в стороне от брода, другие ориентировались очень точно. Юра предположил, что неудачной охотой пикник заканчивается, но ошибся. Мужчины подбросили дров в догорающий костёр, выпили и пустились в пляс. Танец больше напоминает ритуальную дикарскую дань обычаю.

Что случилось дальше, предположить было не возможно. Самый молодой из мужчин резанул по горлу своего соседа. Остальные, будто ничего не произошло, продолжают танцевать. Убийца отрезает голову поверженного и, высоко подняв над собой, присоединяется к танцующим. Кровь обагрят обладателя трофея. На островке все словно обезумели во время варварского танца. Начинается ещё больший ужас.

Ильичу не хочется видеть продолжение кровавого пиршества, но он, как загипнотизированный не может сдвинуться с места. Словно осознавая варварство людей, орангутанги сидят неподвижно и беззвучно. Прошло немало времени, а участники необычного пикника продолжают ненадолго прерывавшийся танец. В поднятых руках того же юноши уже не голова, а череп. Даже издали видно что он пуст. Мягкие ткани срезаны и съедены. Внутренности высосаны. Б-р-р-р!

У Юрия кружится голова, его тошнит. Осторожно, чтобы не сорваться и не привлечь внимание людоедов, отрезающих от жертвы филейную часть человек разумный и его друзья бесшумно покидают пункт наблюдения. Инстинкт обезьян в очередной раз помог их другу остаться невредимым.

– Не укладывается в сознании, что с виду цивилизованное общество соблюдает обычаи полудиких предков. Значит, кроме мусульманства буддизма, католицизма и протестантства часть индонезийцев поклоняется языческим богам аборигенов, чтит их дикарские традиции и обряды?

Студенты в МГИМО изучают не только языки народов стран, в которых им предстоит работать, но и традиции. Ильич догадывается, что после пиршества ночью в деревне будет совершён обряд посвящения в мужчины. Этот молодой убийца перестанет считаться мальчиком, станет полноправным членом общины, сможет жениться.

Неважно, знал ли жертва каннибализма, что обречён именно он – всё одинаково бесчеловечно. Как и предполагал Юрий, возвращались с пикника в сумерках. Проплыли, не подозревая о присутствии чужого человека. Смотреть на обряд посвящения в мужчины желания не появилось. Даже тренировки на длительность погружения прерваны подавленностью настроения.

Череда раздумий

Ильич вспомнил, что маме школьные учителя посоветовали устроить его в Школу космонавтики в Железногорске, где одарённые дети собраны со всего большого края. Три года углубленного изучения предметов гуманитарного цикла завершились отличной сдачей экзаменов. Пройдена ступенька для поступления и дальнейшего успешного обучения в столичном престижном университете. Схожие между собой языки народов Юго-Восточной Азии, филиппинский, малазийский, индонезийский, Юра знает почти как родной русский. Может синхронно переводить на русский или с русского на любой из них.

Военное ведомство, сотрудники которого форму одевают только на торжественные мероприятия интересуется подготовкой студентов некоторых профилей, поддерживает контакты с университетом. Паренёк из сибирской глубинки привлёк внимание. Ведомство устраивают и знания, и личностные качества, и родословная парня, и его физические данные. Студент изучает языки и посещает секции восточных единоборств. Военная кафедра присваивает отправное воинское звание.

У сибиряка хорошая карьерная перспектива. Он мог бы работать в одном из дипломатических ведомств или трудиться переводчиком. Было предложение поступать в аспирантуру. По её окончании мог преподавать в ВУЗе соответствующего профиля. Он выбрал военное ведомство, а ведомство выбрало его. И вот, бывший студент оказался на злополучном самолёте с секретными документами сделок военных ведомств партнёров.

Вспомнилась Юленька. Коллеги знали о предстоящей свадьбе с ней. Некоторые лично знакомы невестой своего друга. Весть об аварии самолёта докатилась и до неё, Юли.

– Как восприняла она известие? Поверила ли, что погибли все, кто находились тогда на борту? Или назло всему и всем ждёт меня? А возможно ли вообще такое неверие, если убеждают поверившие коллеги? Юлия сильная. Нет, она не отчаялась, узнав о катастрофе самолёта. Душевная травма, наверное, ещё беспокоит, но уже не так остро, как сразу после крушения? Как хочется, чтобы всё сложилось благополучно для нас обоих! – мечтает романтик.

Подходит к концу третий месяц Юриного заточения здесь. В деревеньках должна быть какая-ни-будь связь с внешним миром. Они с Павловичем по документам – туристы. Но они были не совсем обычными туристами, а в деревеньках и вовсе необычные селяне. Сообщить, что жив будет можно, выйдя из плена джунглей и обстоятельств.

– Да, только обстоятельства держат меня здесь. Нога давно не болит. Неизвестно, как сложилась бы моя дальнейшая судьба, если предположить доверительный выход отсюда без знания подробностей об аборигенах, вскрывшихся при посещениях островка?

Из-под настила давно доносится ровное дыхание друзей, а жертве авиакатастрофы не спится – слишком сильное потрясение от событий, увиденных этим днём. Такое не забудется за всю оставшуюся жизнь. Как быстро летят дни, не дающие удовлетворения от ощущения причастности к завершению чего-то значимого.

Сознание переключается на другую проблему.

– Непонятно, почему друзья орангутанги прониклись ко мне уважением? Не потому ли, что впер вые увидели меня беззащитным? Но они могли не ощущать, что я сплю. Или потому, что в отличие от этих представителей местной «цивилизации», я в их присутствии всегда без одежды? Ясно лишь то что последняя капля недоверия испарилась, когда увидели меня передвигающимся по веткам, а не по земле, как их недруги. Наверное, не последнюю роль для доверия сыграли кучки угощений, что раскладывал для них? Жаль, что они сами никогда не ответят на интересующий меня вопрос.

Вдруг Ильич начинает рассуждать о происхождении водоёма, в который ежедневно ныряет. Уровень воды в водохранилище понижается Юрий почти не сомневается, что водоём

рукотворный. Генератор ГЭС или привод какого-нибудь механизма вращает вода. Её сток через рабочее колесо оставляют неизменным, поэтому дожди наводняют искусственный водоём, а в засуху он бы обмелел. Но здесь тропические дожди и реки – засухи не бывает.

Мысли путаются. Они снова переносят юношу в беззаботное детство. На душе становится так спокойно, как не было с той самой поры его жизни. Юра засыпает.

Утром искрами, высекаемыми из камней, он дол-о пытается поджечь мох. Или мох недостаточно ух, или искры попадают не туда, где возможно воспламенение, но затея получить огонь оказывается безрезультатной. Ильич подтыкает под навесом убежища остатки мха, обёрнутые листом. Идёт на очередную тренировку по нырянию.

В перерыве возобновляются тренировки – стреляет из лука на меткость попадания. Потом тренируется в добывании огня. С учётом предыдущей неудачи, относится к занятию не как к получению, а именно как к добыванию. И вдруг на побеге мха появляется искорка. Юноша аккуратно, чтобы не потушить, раздувает крадущуюся по мху малиновую точку величиной с голову комара. Она сначала удваивается, и обе искорки крадутся по соседним побегам. Потом сбегаются и порождают маленький огонёк. Парень, затаив дыхание, смотрит, как его творение растёт, набирает силу.

Огоньку нужна более существенная «пища». И она появляется. Сначала в ход идут сухие стебельки трав, потом тончайшие веточки и ветки чуть толще прежних. И вот огонёк перерастает в пламя. Вкус плодов, которые пленник джунглей ел только в сыром виде, превосходит ожидания. Они становятся и вкуснее, и ароматнее. Манящий запах ощущается в нескольких шагах от костра. Остудив, угощает лакомством друзей.

Неизвестно, как отнеслись бы они к огню, оказавшись с ним один на один, но в присутствии человека обезьяны доверяют пламени, пляшущему перед двуногим, как и они, но почти безволосым существом. Здесь орангутанги от костра сидят на пару шагов дальше их друга. Юношу переполняет радость. Теперь, хоть и не без трудностей, он сможет разводить костёр, обжаривать мясо и рыбу пока остаётся на берегу этого затерявшегося в джунглях водоёма.

Ему хочется поднять пламя до небес! И он при ступает к осуществлению желаемого, но спохватывается. Дым большого костра могут увидеть людоеды, а это не входит в его планы. Оказаться поджаренным в собственном костре было бы при таком соседстве не просто реально, а неизбежно.

Погружение в салон

Длительные тренировки приводят к желаемому – при каждом нырке удаётся сделать по два вдоха. Нырок за нырком, день за днём время не проходит без пользы для достижения главной цели пребывания в дебрях Калимантана. Рыбы почему-то перестали сновать через разлом в обшивке салона.

Воздух набран, и Юрий погружается к разлому. Он уже внутри салона. Здесь густой мрак – слишком малы отверстия иллюминаторов и рана в салоне по равнению с непроницаемой для света обшивкой самолёта. Относительно светло около иллюминаторов и вблизи разлома. Светлая внутренняя обшивка рассеивает попадающие на неё солнечные лучи – это и создаёт сумрак.

Глаза привыкают. И тут ныряльщика охватывает ужас. Под ним уже не один, как на пикнике, а множество пустых черепов. От неожиданности он выпускает из лёгких почти весь запасённый воздух. Вдохнуть из бамбука не получается. Резко поворачивается к разлому, чтобы поскорее всплыть. В висках стучит. Наконец, около отверстия в фюзеляже, вдыхает припасённый воздух. Теперь он может вынырнуть.

Оказавшись на поверхности, возвращается на берег. Надо прийти в себя. Обуздать расхаживавшие от шока нервы, морально настроиться на ещё более жуткие картины. А пока Ильича словно парализовало. Он не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Крупная дрожь, как от ужасного холода, доводит тело до онемения.

– Нет, надо взять себя в руки, зажать нервы в кулак и приходить в себя.

Ма и Ня идут к другу с бананами.

– Счастливчики, вы не видели того ужаса, который сотворили подводные твари. А я удивлялся почему при таком обилии рыбы около амбразуры её так мало попадало в морду. Теперь ясно, что человеческое мясо для них предпочтительнее фруктов. Те людоеды с островка почти ангелы в сравнении с этими. Из отвращения я больше не смогу есть рыбу.

Общение с обезьянами вывело из состояния оцепенения.

– Наконец-то я готов к поиску кейса.

В этот раз среди черепов и тазовых костей, среди одежд с костями конечностей и позвоночника он находит кейс. Отстегивать его от руки Павловича не пришлось. Вдохи под водой совершил как на послед них тренировки – без проблем. Ставшие привычными ласты ускорили продвижение. Выныривает.

На берегу набирает код и открывает надёжное хранилище документов. Они сухие. Целы и невредимы деньги на командировочные расходы. Здесь и рубли, и американские доллары и индонезийские рупии. Есть для него и Павловича вторые комплекты документов. Ими снабдили мнимых туристов на непредвиденный случай. Павловичу документы больше не понадобятся. А для Юрия они очень кстати. В документах второго комплекта сменилось всё, кроме гражданства.

Виза при выезде не должна быть просрочена. Потом надо будет проставить соответствующие даты. Документы Павловича и свой прежний комплект необходимо будет уничтожить.

– С рассветом я ухожу от вас, мои верные друзья. Оставайтесь, живите своей дикой тропической жизнью и не доверяйте людям, как вы поступали до сих пор.

Кейс поднят в убежище. Деревья дарят лакомства неразлучной троице. Юрий отыскивает наконечник и сооружает новое копьё. Оно достаёт до плеча, в чехле не будет задерживать при передвижении по ветвям. Обезьяны беззаботны. Слова друга не тронули их сознание. Все трое долго не задерживаются на одном дереве, срывая лишь самые спелые и сочные плоды.

Калимантанские встречи

Во время еды планы меняются.

– Мимо деревни надо пройти по темноте. Но даже лунной ночью идти по джунглям во стократ сложнее, чем днём. Шагать по земле в зарослях трудно и днём. Лунный свет почти не проникает сквозь кроны – тропический лес становится не проходимым. Ветви деревьев освещены слабо можно промахнуться в прыжке и сорваться. Но под прикрытием ночи больше шансов пройти не замеченным людоедами.

Вечером, вооружившись копьём, луком и ножом отправляется в путь. Для кейса давно сплетён из травы рюкзак с фиксацией на поясе. Конструкция обеспечивает плотное прилегание ноши к телу при прыжках по веткам. Одежда с обувью свёрнута в валик и закреплена на поясе. Обе руки свободны, ничто не препятствует движению вперёд. На сколько дальней будет дорога, он не представляет.

Ильич успел отойти от стоянки меньше кило метра, когда идущие налегке друзья орангутанги нагнали его. Юра пытается убедить их остаться но всё красноречие напрасно – слова отлетают от ушей, как от стенки горох. Не в силах повлиять на ситуацию, доходит до первого перешейка полу острова и останавливается в ожидании ночи.

Немногочисленные собаки местных охотников учуяли троицу, когда половина деревни была обойдена. Около деревеньки, даже у самой воды, лес вырублен. Между оставшимися деревьями надо перебегать по земле, раззадоривая этим собак. Малышка на спине матери. Ма опасается настигающей их своры, но не выбегает вперёд друга.

Самая шустрая охотничья собака готова укусить человека. Обезьяна на мгновение оборачивается и ладонью своей длинной руки угощает недруга такой оплеухой, что резвое животное пролетает по воздуху и с визгом падает на спину. Другая помощница местного охотника пытается укусить самку орангутанга, но оказывается схваченной за загривок и отброшенной с такой силой, что, ударившись о дерево, осталась лежать. Она не смогла препятствовать взмывающим на ствол бегунам.

Даяки сквозь сон по лаю догадались, что собаки пошли за орангутангом. О человеке разумном, следующем с обезьянами они не предполагали. Преследование собачьей сворой прекратилось, когда путники пошли по веткам, не спускаясь на землю. Но скоро пришлось идти по участку земли, отвоёванному у джунглей жителями деревни. Здесь, на затапливаемых в половодье землях, растёт рис.

На высоких гибких шестах висят чучела лесных людей, набитые травой или рисовой соломой. Слабый ветерок слегка покачивает их, они кажутся живыми. Местные земледельцы вывешивают пугала для устрашения птиц и самих орангутангов, которые не прочь полакомиться рисовыми зёрнами молочной спелости. За клочками полей снова лес. Только теперь стало возможным сделать при вал до наступления рассвета.

С рассветом Юрий пошёл, не окликаая обезьян. Они быстро почувствовали его отсутствие и не за медлили оказаться рядом.

Все завтракают на ходу, но продвижение замедлилось. Неожиданно упёрлись в перегородившую путь реку. Извиваясь в долине, она делает здесь большой зигзаг.

Мутный поток вздыбливает валы на перекате. От воды до зарослей – полоска сухого ила. Босые ступни оставляют след, который тут же наполовину засыпается лёгким, похожим на пыль порошком.

Душно, как бывает перед дождём. Юноше хочется искупаться. Но как поведут себя друзья с его вещами, парень не знает. Во время купания обезьяны могут зайти в лес и оставить там кейс, даже не пытаясь вскрывать. Эти друзья не представляют, как ценно для Юрия его содер-

жимое. Копьё и лук со стрелами их не интересуют. Самые большие опасения связаны с одеждой. По своему неразумению могут разорвать на клочки и ленточки, а спрос с них никакой.

Справа гладь ничем и никем невзволнованного плёса. Слева продолжение переката. А ещё ниже по течению залив водохранилища, куда вольётся вся несущая муть реки. Оттуда они пришли и там делать нечего. Дружная компания выходит к плёсу. Человек кладёт на берег ношу, но снять опоясывающий его пояс с одеждой не решается.

Обезьяны перескакивают по ветвям прибрежных деревьев, зная, что друг не уйдёт. Юра забрёл почти по пояс, стоя лицом к берегу, освежает голову и торс. Невдалеке от резвящихся в ветвях орангутангов на берег выбегает стайка незнакомых парню обезьян. Они невелики и кажутся тощими. Их туловища тоньше, чем у малышки Ня. Эти приматы передвигаются на четырёх конечностях одинаковой длины. Передние, кроме участия в передвижении, имеют функции рук.

Поражает очень необычный окрас приматов. Коричневые волосы на спине постепенно светлеют к низу туловища. Грудь жёлтая, а живот светло-серый. Конечности светло-серые вверху к топам и кистям переходят в белые. Хвост, соизмеримый с длиной туловища, весь белый. Лицо безволосое, имеет красноватый оттенок. Но больше всего юношу поразили носы обезьян. Неширокие у переносиц, они похожи на огурец, долго пролежавший в тепле и оттого приплюснутый.

Самые тёмные волосы – над глазами. Они выглядят похожими на густые сросшиеся над переносицей брови. На шее, даже со стороны спины, волосы белые, будто повязан праздничный шарфик. Поразило, что в стае только самцы.

«Калимантанец» рассматривает диковинных обитателей прибрежных джунглей, а те приняли его стояние в воде за нерешительность и на ступают. Почувствовав угрозу, Ильич выбегает на берег и пытается криками отпугнуть непрошенных гостей. На крики возвратились Ма и Ня Носачей больше десятка, а потому не отступают. Наоборот, часть их по воде пробегает в тыл. Путешественники окружены. Отступление в джунгли не поможет – там носачи оказались бы в более привычной для себя среде. На берегу преимущество у человека – его руки не заняты передвижением по ветвям.

Носы расшвиравших тонких обезьян становятся красными. Орангутанги отпугивают часть стаи прыгающей перед ними, но не набрасываются. Юрий берёт лук, и стрела впиивается в плечо одного из самцов. Тот с невероятной скоростью вертится, словно хочет, чтобы стрела отстала, перестала жалить. Это приводит в замешательство сородичей рядом. Но позади, где натиск сдерживают друзья, строй не распадается, воинственные приматы медленно наступают.

Человек оборачивается и выпускает стрелу в строй наступающих. Крутнувшись пару оборотов обезьяна вырывает причиняющий боль предмет но пятится. Другие делают то же. Пытаясь вы рвать свою стрелу, другой самец обламывает её. Ильич снова вскидывает лук для выстрела, носачи панически разбегаются. Бегству одних последовали и остальные собратья. По доносящимся звукам ясно, что они не заняли выжидательную позицию. Получив достойный отпор, уходят по прибрежным зарослям вдоль переката.

Путешественники пошли вверх по течению вдоль берега, пока река не свернёт с их пути. Несколько ручьёв, стекающих в долину, остались позади. Виляя, река выдерживает направление. Путники продолжают движение на юг. Без орангутангов Юрий мог бы передвигаться быстрее, но идти быстро нельзя. Стремясь не отстать, обезьяны не успеют насыщаться на ходу. Неизвестно, как долго они будут сопровождать своего друга – мо-ут серьёзно отощать.

Неожиданно за поворотом появляется стоянка старателей. Пятеро мужчин, несмотря на поздний час, продолжают работу. Они лопатами достают со дна песок с илом и этой смесью наполняют кораба. Потом тщательно промывают содержимое. Юра не заметил, чтобы кто-то из них доставал что-нибудь из своего необычного сита.

– Наверное, не часто среди речного песка попадают золотые песчинки. А как старательно и тщательно они промывают и просеивают загруженное сырьё. Возможно, за эту специфику труда золотодобытчиков называют у нас старателями? – делает вывод наблюдатель.

На стоянке женщина хлопочет над готовкой ужина. Увидев полыхающее пламя очага, юноша вспоминает, как взбудоражил его сознание и воображение костёр на островке. Тогда огонь казался ему несбыточной мечтой. Сейчас всё обыденно и не порождает прежних эмоций. Рядом собака. Чтобы не всполошить дворнягу и не обнаружить себя обнажённым, Юра и его друзья уходят дальше от реки.

– Эти люди могут быть из ближайшей деревни даяков-людоедов. Но это могут быть и искатели приключений и заработка из числа городских жителей, – поясняет Ильич друзьям, не возражающим ему ни словом, ни звуком.

За стоянкой река делает крутой поворот и больше не встречается путешественникам. Курсу на восток ничто, кроме зарослей, не препятствует. В переплетениях кустарников и лиан нижнего яруса джунглей, чтобы протиснуться, пришлось бы саблём вырубать проходы. В среднем ярусе, где ветви деревьев вонзаются в кроны соседей, а лианы переплетаются с этой гущей, продвижение затрудняется. Только над кронами второго яруса есть простор между деревьями великанами. Они более редки, чем растительность под ними, но и они окутаны лианами. По стеблям лиан, как на качелях, друзья перелетают, продвигаясь выбранным курсом.

Обезьяны-спутники держатся невдалеке. Они оказываются то впереди, то где-то сбоку, а могут задержаться около понравившихся плодов и отстать. Сейчас они впереди. Неожиданно в сотне метров от человека раздаются их тревожные звуки. Юра настораживается. Тут же пространство пронизывает гортанный бас. Кому он принадлежит, юноша не знает, поэтому устойчиво встаёт на прочные сучья, высвобождая руки.

Слышен шум ветвей от движения спутников и повторный гортанный рёв неизвестного, который тяжелее, чем Ма с детёнышем на спине. В том, что Ня крепко держится за плечи матери, нет сомнения: она всегда поступает так в случае опасности. Ветви под преследователем часто обламываются, и он не может догнать беглецов.

Ма появляется из зарослей и останавливается а Юрием, в котором видит спасителя. А защитник держит копьё, готовый пустить его в нападающего. Среди чащи появляется огромная волосатая громада бурого цвета. Щёки раздуты. Тёмные, близко сидящие глаза горят азартом погони. Бородака топорщится. Между кистями волосатых рук, цепко обхвативших ветви соседних деревьев, больше двух метров. Победить его в рукопашной хватке, немыслимо. Увидев, что беглянка под защитой неизвестного существа, орангутанг резко останавливается.

Вмешательство кого-либо в отношения с самкой для него – полная неожиданность. Он снова издаёт гортанный звук. Но это не прежний рёв, который должен был приманить партнёршу – это угрожающий рык. На горле раздувается кожный мешок-резонатор, и рёв устрашения несётся по джунглям. Самец не бросается в драку. Он голосом показывает своё превосходство. Ильич не ревет по-звериному. Оценив ситуацию, держит копьё наготове.

Ясно, чего хотел бы орангутанг, но нет сомнения в том, что особа его симпатий не расположена к спариванию. Потому и примчалась под защиту друга. Одна она не смогла бы противостоять гиганту вдвое большему, чем сама. В нём пудов восемь веса. И это не только внушительных размеров живот, но и набор атлетически пригнанных мышц.

Угрожающий рёв повторяется раз за разом. Ма за спиной защитника отскакивает назад и снова возвращается. Так она зовёт спасателя уходить от опасности. Самец, не слыша ответного грозного рыка, смелеет и медленно приближается. Снова пространство пронизывает его устрашающий усиленный резонатором рёв. Где-то в джунглях раз даётся ответная угроза. Отозвавшийся не слышал никого, кто бы возразил извергающему угрозы со родичу. Всё принято им в свой адрес. Он уверен в себе и даст трёпку расхрабренному недорослю.

Юра слышит более густой бас принявшего вызов соседа. Там ещё большая сила и она способна остановить надвигающегося противника. Ма призывает отступать, но Ильич делает движение в сторону невидимого храбреца. Наступающий снова издаёт знак угрозы и приближается. Но невидимый сосед не медлит с ответом. Услышав приблизившийся рык давно знакомого сильного противника, молодой буян прекращает преследование.

Юрий делает несколько прыжков от остановившейся озлобленной обезьяны в сторону более грозного противника. Необходимо поскорее убираться прочь из промежутка между врагами. Хруст веток и грозный рык слышны там, где мгновения спустя были путешественники. Самцы уже выясняют отношения между собой, и им нет дела до посторонних. А посторонние, перелетая по ветвям и лианам, удаляются от места «мужских» разборок. Они всё дальше от продолжающихся угроз волосатых жителей тропиков.

Местность становится более гористой. Балки, как и плоскогорье, окружившее водохранилище, остаются заросшими вечнозелёными видами тропической флоры. На гребнях появляются кустарники, чередующиеся с покрытыми буйными травами полянами. Здесь между тропическими породами встречаются хвойные деревья. Делая остановки для перекуса, компания продолжает следовать на восток. Для продвижения путники часто спускают-я на землю.

Послышался волчий вой. Ему ответили заунывные «песнопения» клыкастых сородичей. Юрий замечает за полосой кустов несколько деревьев и мчится туда. Принимать бой с волчьей стаей опасно даже с многозарядным карабином, а с копьём, луком и стрелами – безрассудно. С копьём можно защититься от одного свирепого хищника, но не от стаи. Ня уже на спине матери.

Ма не перебирает ногами, как при ходьбе. Она отталкивается ногами и руками, приземляется и снова отталкивается – мчится прыжками, как это было при преследовании собаками. Волки более свирепы, чем собаки. Без подсказок обезьяна «взлетает» на дерево. Ильич успевает подняться выше своего роста, когда из кустов появляется первый волк. Хищник с разбега бросается на жертву погони, но не достаёт. Через миг под деревом оказываются остальные «загонщики».

Все необычны своим огненно-красным цветом и достающими до земли мохнатыми, почти лисьи ми, хвостами. Они меньше сородичей, живущих в степях и лесах России, но не менее свирепые. Юрий прицеливается в наиболее удалённого от дерева красного хищника. Ближе стрелять мешают толстые ветви. А стрелять надо наверняка.

Волк кружится, как котёнок, пытающийся ухватить игрушку, привязанную к хвосту. Он оказывается в кустах на ещё большем удалении от дерева. Почуввав запах крови, вся стая набрасывается на подранка, вмиг разрывает его. Каждый старается ухватить свою долю. Трава смята, часть кустов сломана в ходе схватки. В просветах оказываются огненные спины.

С высоты своего положения Ильич видит их и прицельно стреляет. Снова в стае суматоха. Хищники забывают о преследовании. Они расправляются о второй поражённой «мишенью» стрелка. Человек, воспользовавшись звериной свалкой, бежит в направлении следующего дерева. Ма следует примеру. Все успевают добежать раньше, чем стая, бросившая останки растерзанных собратьев, оказываются на полпути к дереву.

Стрелок попадает в ближайшего зверя на большем удалении, чем были предыдущие волчи карусели. На полном ходу подранок переворачивается через голову и тут же оказывается на клыках сородичей, бегущих следом за ним. Намечено следующее дерево для перебежки и ранен очередной преследователь. Картина повторяется. Ещё дважды Ильичу удаётся уменьшать численность безжалостной стаи. Остаётся пять огненных хищников. Эти уже сыты и лежат вокруг остатков пиршества, отпугивают слетающихся полакомиться птиц. Незаметно друзья уходят от погони. Парень доволен, что тренировки в стрельбе оказались так полезны.

Горы становятся выше. Стали чаще встречаться полуразрушенные скальные выступы. На юго-западе одна из вершин возвышается над всем горным хребтом. Ближе, между соседними

грядями, распадок заполнен водой. Озеро узкое, но в длину растянулось на несколько километров. Все следующие гряды ниже той, на которой стоят путешественники. Они на перевале.

С ужином здесь разнообразие не так богато, как внизу, но ночевать на голодный желудок не пришлось. Обезьяны питаются фруктами. Юре пришлось по нраву орехи. В его джунглях их не было. Набрав горсть, спускается с дерева, чтобы разбить крепкую скорлупу камнями. Скорлупки оказались не по зубам. Под жёсткой плёнкой маслянистые ядра. Но они кажутся сухими. Разжёвываются в порошок, напоминающий крахмал. Трёх горстей оказывается достаточно, чтобы ощутить насыщение. Понравившиеся орехи Ильич насыпает в колчан для стрел, чтобы завтра в пути снова посмаковать.

Ночлег устроили на одном дереве. Ма и Ня рас положились выше. Себе Юрий устроил подобие гамака, сделав провисающий между ветвей переплёт. Обезьяны долго не задержались на дереве. Когда Юрий спустился, чтобы ещё осмотреться, увидел свой лук в руках взрослого примата. Оружие заинтересовало Ма. Она видела вращающихся юлой носачей и волков. Ильич наблюдает за умным животным. Он озабочен предстоящим расставанием. Остаться вблизи людей им нельзя.

– А можно ли её научить стрелять из лука? – за интересовался Юрий.

Не вынимая лук из рук Ма, приставляет стрелу, оттягивает тетиву и отпускает. Стрела падает рядом. Повторяет это ещё с тремя стрелами. Следующую подаёт орангутангу. Обезьяна пытается приставить стрелу к тетиве – это она усвоила. Человек помогает и показывает, что тетиву надо оттянуть. Она оттянута, но стрела падает.

Обезьянам быстро наскучивает однообразный труд, если они предоставлены самим себе. Здесь иной случай – Ма учится у человека. Колчан расстрелян, но выпускать стрелу животное научилось.

Подходят к пригорку, Ильич вешает на куст рядом землёй лист величиной в половину собственного туловища. Потом отходит, прицеливается и стреляет. Лист пробит. Конец стрелы торчит из листа. Лететь дальше помешал пригорок.

Обезьяна учится стрелять прицельно. Выстрелы всё точнее. Другой такой же лист Юрий крепит к палке, колышет им. Ма должна попасть в медленно движущуюся цель, но она не понимает сменяющуюся ситуацию. Юрий рычит, словно лист – это приближающийся зверь.

Показать ей, как стрелять в наступающего неприятеля он не может, – занят, управляет листом. Ня снуёт рядом. Ей нравится размахивать листом, как флагом. Человек помогает понять, что и как делать в этой ситуации. Взрослая обезьяна стреляет и даже попадает в край листа. Лист уже в руках человека, надвигается и рычит голосом тренера по стрельбе. Вторая стрела выпущена! Она пробивает второй край листа!

– Это успех! Я вооружу её, отправляя в обратный путь. Животное, привыкшее доверять человеку, может стать лёгкой добычей и для браконьеров, торгующих орангутангами, и для людоедов. Она не должна доверять людям и этому её ещё пред стоит научить.

Юрий взбирается на дерево и располагается в гамаке. Туда же поднимает оружие. Позади ещё один день калимантанских будней.

Просыпается он от нестерпимого жжения в животе. Пытаясь спуститься с дерева, срывается и падает. Обезьяны тут же оказываются рядом с ним.

Юноша понимает, что болен. Внутренности горят.

Даже рука, поднесённая ко рту, ощущает выдыхаемый воздух горячим. Пытается встать, но не может. Орангутанги суетятся рядом.

Ма переворачивает друга со спины на живот. Больного стошнило. Умному животному достаточно вдохнуть испарения извергнутой массы, и инстинкт подсказывает единственно верное решение. Прижав рукой к бедру, куда-то несёт друга. Юноша ощущает, что он, словно обвисшая тряпка, оказался ношей обезьяны. Ноги волочатся, путаясь в траве, цепляясь за кустарники, ударяясь о камни. Все трое оказываются в зарослях распадка. По земле волочить

друга тяжело. Поднялась на дерево. Перескакивать по веткам с тяжёлой ношей нет сил. Прыгает, ветка не выдерживает, обламывается. Снова тянет больного по земле.

Появляется ручей. Он ласково переговаривается с травами, зовёт к себе пылающий организм. Обезьяна оставляет изнемогающего от жажды путника и исчезает. Ильич подполз к ручью и опустил в него раскалённую голову. Вскоре Ма появляется, пережёвывая что-то. Животное переворачивает больного на спину, бесцеремонно разжимает челюсти почти бессознательного друга, вталкивает в рот пережёванную кашу.

Юра ощущает скверный вкус вложенной в рот массы, хочет выплюнуть, но челюсти сжаты сильными пальцами спутницы. Видно, что подобное врачевание для неё привычно. Чтобы не держать отвратительное снадобье во рту, проглатывает. Обезьяна убирает свои пальцы и снова исчезает. Ильич переворачивается и жадно глотает воду, пытаясь очистить рот и внутренности от ужасного послевкусия.

Ма возвращается и новая порция неприятной мякоти во рту пациента. Сопротивляться, сил нет. Челюсть стиснута. Свобода приходит, когда и эта порция проглочена. Такая процедура повторяется несколько раз. В ней принимает участие и малышка Ня. Больной сплёвывает остатки и замечает, что это листья, перемолотые обезьяньими челюстями.

Многочисленное и обильное питьё, и жёванное пюре помогают уменьшить муки. Пожар в животе гаснет, но подступает тошнота. Внутренности извергают непотребные продукты. Юрий отползает выше по ручью, а Ма снова приступает к врачеванию. Лишь питьё частично нейтрализует обезьянье лекарство.

Человек осознаёт, что подвергает себя и друзей опасности. После волков им успела повстречаться калимантанская кошка. Она меньше рыси, не нападает на орангутангов и других крупных обитателей джунглей. Но, почувствовав себя в опасности, может когтями подпортить и шкуру, и физиономию противника. Эта дикая кошка прекрасно чувствует себя в полосе джунглей, соседствующей с горной лесостепью. Нельзя исключать здесь и питона. Ручья может оказаться достаточно, чтобы в дебрях распадка повстречаться с ним. Могут посетить этот закуток на окраине дебрей и волки. Да, только ли они?

По распадку, часто отдыхая, компания возвращается к оставленной стоянке. Юноша, обессиленный от болезни, перехода и подъёма на дерево, распластался в гамаке.

К рассвету осталась только слабость. Ма и Ня приносят больному другу фрукты, которых не было около озера и нет на этом дереве. Но обезьяны питались ими вчера и едят сегодня. Повторное отравление исключено. Пюре или фрукты, но что-то действует, как слабительное. Организм очищается. Силы постепенно возвращаются. Обезьянам спешить некуда. И здесь, в горах, они как у себя дома. Юрия удивляет заботливость друзей, так часто они приносят разнообразные плоды.

– Ах вы, мои сёстры милосердия! Что бы я без вас делал? Наверное, уже ничего бы не делал после отравления. Ирония судьбы, не иначе. Когда не знал что вообще съедобно, вы уберегли от отравления. А здесь польстился на вкусные орешки. Устоять перед такой вкусоустью было невозможно. Кто бы мог подумать о коварстве этих орехов.

Он говорит, а обезьяны будто прислушиваются к нему, погружаются в ручеек его слов. Им нет разницы, на каком языке их друг мыслит вслух. Они всегда одинаково внимательны.

Сейчас обоняние заставляет их беспокоиться. Ильич успел отдохнуть, подкрепиться щедрыми приношениями, набраться сил. Не забыл он близ дерева вытряхнуть из колчана взятые вчера впрок орехи. Осмотревшись по сторонам, никакой угрозы не обнаруживает. Повода для особого беспокойства нет – оружие рядом, одежда и кейс при нём.

Он снова лежит в гамаке. На удалении от дерева калимантанские сородичи куропаток, как куры, гребут в траве землю, склёвывая что-то. Орангутанги хоть и перестали выказывать беспокойство, но дерево не покидают.

Послышались взрослое хрюканье и поросячье повизгивание. Птицы, петляя и прячась в траве, убежали на безопасное расстояние. Как индейцы в боевых раскрасах, дикие кабанчики усердно вонзают свои пяточки под кусты, откусывают и чавкают приглянувшиеся корешки. Видят ли они только у себя под носом или просто не обращают внимания на обитателей дерева, непонятно. Все заняты насыщением. Здесь нет подсвинков-кабанчиков. Самки, поросята нынешнего помёта, подсвинки-самочки и крупный кабан, хозяин га рема, хрюкают и повизгивают. В стаде около двух десятков голов.

Ма насторожилась больше прежнего. Кто-то есть и очень близко. Ильич сел и в очередной раз осмотрелся. Беспокойство умного животного не может быть ложным, хоть он сам ничего подозрительного не видит. Насторожился и дикий вепрь, вожак стада. Его отрывистые хрюканья всех оторвали от еды. И большие, и маленькие насторожились, готовые в любой миг пуститься наутёк. Вепрь внюхивается в воздух, смотрит в сторону показавшихся подозрительными кустов. Он подаёт громкий знак и стадо спасается бегом вместе с вожаком. Один зазевавшийся малыш на мгновение задержался, отстал. Это и предопределило его судьбу.

Дикая тропическая кошка чёрной молнией метнулась вслед за убегающим лакомством, в несколько огромных прыжков настигла отставшего кабанчика.

– Как элегантно и плавны её прыжки! Она лишь на мгновение касается земли. Ноги при отталкивании поддерживают стройное тело, летящее почти на одной высоте. Мощь мышц почти полностью задействована на продвижение тела вперёд. Как гибка пантера, способная при её стремительном беге мгновенно повернуть в нужном направлении! А как она хитра! Я не замечал её, пока не вылетела за добычей подобно стреле или молнии. Она просто изящна! – восхищается Ильич. – Вот и всё. Этому малютке не суждено стать взрослым кабаном. Закон джунглей. К сказанному ни прибавить, ни отнять. Сильный поедает слабого и становится ещё сильнее. Но потом и сам предстаёт перед более сильным обитателем тропиков и оказывается растерзанным. Надо быть предельно осторожным, чтобы не быть застигнутым врасплох такой хитрой кошечкой. Ваше тонкое обоняние предупредит нас всех, если от зверя подует ветерок. А если не подует?

Юра вопросительно смотрит на собеседниц, но они только слушают и, кажется, ждут, что ещё скажет разговорчивый друг. И он говорит:

– Ничего, прорвёмся!

Пока он философствовал, на «арене цирка» дикой природы обозначились три волка. Озираясь, они проследовали за пантерой.

– Неужели они выслеживают пантеру? – недоумевает юноша. – Возможно, что они нашли следы кабанов и преследовали их, а дикая кошка перехватила инициативу? Тогда волки идут с надеждой, что и им останется на роскошный пир после кошки, отобравшей их добычу. Одним маленьким поросёнком её завтрак явно не ограничится, иначе она не стала бы продолжать преследование.

Юноша расстроен, что время идёт, а переход застопорился. Слабость даёт о себе знать. Выводок куропаток безмятежно копошится в траве. Часа через два на открытом месте появляется небольшое стадо бантенгов – диких быков. Ильич насчитал всех их тринадцать. Самцы, самки и их детёныши не похожи на зубров, бизонов или буй волов. Они очень сходны со своими домашними сородичами. Отличие в специфическом изгибе рог. Их изгиб одинаково ровен и элегантен у всех особей. Кроме детёнышей-первогодков, которые не успели обзавестись оружием защиты от хищников. Отличаются и тем, что дикие представители крупнее домашних. Крепыш самец, вожак стада показался Юрию весом с тонну. Два молодых быка были телосложением с самок. А это по три четвёртых тонны каждый.

Все, кроме матёрого предводителя, рыжие. Вожак темнее. У всех ноги от копыт до колен и зады покрыты белой шерстью. Можно было принять их за крупную породу домашних животных, если бы поблизости было хоть какое жильё. К тому же вымена у самок пустые – потомство

успело перейти на подножный корм, а выдаивать молоко некому – молоко давно исчезло до очередного отёла. Стадо на ходу щиплет траву и не обращает внимания ни на шорох куропа-ток, ни на дерево с его обитателями в хитросплетениях из лиан. Через полчаса и взрослые, и детёныши скрылись за рощей деревьев и кустарников. На опушке одной из рощиц подстрелен кролик, а рядом со стоянкой – три куропатки. Мясо, приготовленное в золе, великолепно.

После готовки пищи и обеда юноша поднялся в гамак, а обезьяны облюбовали фруктовое дерево. Вдруг они, выражая беспокойство, стремглав прибежали к другу. Будто для подтверждения обоснованности их тревоги, послышался многоголосый волчий вой. Шестёрка хищников идёт по следу стада диких копытных. Юра уверен, что взрослые умеют постоять за себя. А удастся ли защитить детёнышей, уверенности нет. Отвлечь одних и отпугнуть других, чтобы отбить телёнка, у такой таи хватит и хитрости, и коварства, и терпения.

Они могут терпеливо ходить вокруг и вблизи стада несколько часов, выбирая момент для атаки.

Солнце клонится к закату. Небо с запада затягивается дождевыми тучами. Ильич в спешном порядке сооружает над гамаком навес. Обезьяны насытились и устраиваются на ночлег. И в это время в поле зрения юноши оказываются четыре волка. Окружив дерево, они затягивают свою заунывную песню. Обезьяны обеспокоены, Ня на спине матери, которая перепрыгивает с ветки на ветку. Отступать с одинокого дерева некуда. Заметив хладнокровие друга, она прекращает суетиться.

На вой отзываются другие огненные хищники. Вскоре появляются ещё трое и тоже рас-саживают-я. Юре известна тактика противостояния этим зверюгам. Он выпускает стрелу в одного из осаждающих высотную крепость. Почувствовав боль, хищник отбегает, но стая настигает подранка, расправляется с ним и, насладившись парной кровью, продолжает осаду.

Обезьяны вновь проявляют повышенное беспокойство. Не предполагая, в чём дело, юноша тратит ещё одну стрелу. Ждать долго не пришлось Зов свежей крови увлёк стаю вер-шить над собратом скорую расправу. Когда появилась пантера волки слизывали с себя послед-ние багровые кап ли. Они скучились. Пантера несколько раз обошла вокруг дерева.

Грянул дождь. Налетевший порыв ветра сорвал навес над гамаком и, закружив, отбросил к сидящим рыжим злодеям. Они отбежали, но ненадолго. Пантера села в ожидании, но нетер-пение под гоняет дикую кошку. Юноша сидит с натянутой тетивой. И не зря.

Чёрная молния одним прыжком оказывается на полпути к гамаку. Стрела попадает в нос налётчицы. От боли или неожиданности, но пантера падает. Стая мгновенно набрасывается на неё. Но она не только успевает развернуться в полёте, чтобы приземлиться на все конечности, но умудряется взмахом когтистой лапы вспороть живот того из волков, который в прыжке пытался клыкастой пастью схватить её до приземления. Интерес своры сместился с пантеры на незадачливого сородича Его быстро оттащили подальше от опасной соседки. Насытились они или из боязни, но к дереву больше не подходят.

Мгла сгустилась. Но и в непроглядной темноте виден жёлтый фосфорический блеск глаз тёмной как ночь, охотницы. Во взгляде отражаются коварство, хитрость, нетерпение и злоба животного. На дереве всем не до сна. Надо что-то делать, чтобы не отражать стремительные натиски всю ночь.

Юноша метит в глаз. Зверь лапой срывает воткнувшуюся стрелу и с бешеной яростью бросает-я на дерево. Ильич молниеносно хватается копьё и вонзает в плечо карабкающегося зверя. В древко вонзаются зубы, но рука удерживает оружие. Зубы лишь успели разжаться, а копьё дробит ключицу и пронзает грудную клетку. Смертельно раненное животное падает и, злобно урча, уползает.

Дождь прекратился, когда поединок человека о зверем ещё не закончился. Только теперь можно уснуть. Орангутанги погрузились в чуткий звериный сон. Если возникнет новая опас-ность, они не проспят, дадут знать другу о необходимости быть готовым к принятию мер.

Солнечные лучи раннего утра испаряют впитавшуюся в почву влагу. Воздух пропитан ароматами буйной растительности тропической горной лесостепи. В атмосфере растворены щебетанье, насвистывание, клещанье и прочие атрибуты торжества неугомонного и никем не пуганного птичьего населения. Звуки сочны, словно их долго вымачивали в бродящем виноградном соке. Ко всему многоголосию раннего утра примешивается непохожий на остальные и непривычный звук. Он настораживает загадочностью и необъяснимостью, то исчезая, то появляясь вновь.

Обезьяны ещё нежатся в своих наспех сооружённых гнёздах. Их ничто не беспокоит. А человек старается понять, что порождает эти повторяющиеся вкрапления в мелодию тропического утра в музыку первозданной природы. Так и не узнав источник настороживших его звуков, со всем не многочисленным багажом спускается с приютившего на пару ночей пристанища. Под деревом далёкие интригующие звуки неслышны.

Сутки вынужденного отдыха и снова в путь преимущественно под уклон. Редколесье с кустарниками и скальными выступами быстро заканчивается. Снова пошли сплошные веками переплетающиеся дебри. Идти по ветвям с перевала вниз легче и быстрее. Если растительность позволяет то при тех же усилиях пролететь удаётся дальше чем на ровном месте.

Путешествие вниз по склону продолжается без приключений. Ближе к полудню непонятные утренние звуки возобновляются. Они приблизились и теперь ясно, что впереди автострада. Настала пора расставаться с друзьями. Нельзя допустить чтобы умные обезьяны стали жертвами собственной доверчивости.

Юрий передаёт взрослой обезьяне лук, крепит пояс с колчаном полным стрел, облачается в одежду. Брюки надел без проблем, а рубашку, без рукавов, и пиджак пришлось натягивать — за время пребывания в джунглях Юра выше пояса раздался по всем направлениям. Одевшись, отпугивает орангутангов. Они его не понимают. Тогда человек громко кричит, размахивает руками, топает, наступая на них. Они недоумевают и остаются на месте. От бессилия, что жесты непонятны друзьям, Ильич выламывает палку и с ней наступает на попутчиц. Те, наконец-то, видят перерождение друга в недруга и отступают от человека. Он, продолжая громко кричать, напоследок бросает палку в их сторону. Верные друзья скрываются среди чащи. Чтобы попутчики не вернулись и не продолжили следовать за ним, он своими криками нарушает гармонию природы до самой дороги.

Скрытый зарослями, юноша достаёт из кейса секретные документы и прячет их за пазуху. Индонезийские рупии на билеты и на неизбежные расходы оказываются в карманах брюк. Собственные новые документы и виза там же. Не местную валюту, рубли и доллары, раскладывает между листами секретной документации. Кейс с прежним комплектом своих документов и с документами Павловича решает спрятать в приметном месте. Вдруг кому-то из сотрудников ведомства понадобится подтверждение правоты его доклада о командировке. По зарослям около дороги доходит до указателя расстояний на трассе Банджармасин-Баликпапан. Там закапывает кейс под грудой опавшей листвы.

Путешественник выходит на трассу и пытается остановить попутную машину. Он понимает, что выглядит не как все. Это и отпугивает водителей. Странность придают причёска, давно не видевшая инструментов парикмахера и борода, непохожая на жидкие бородки индонезийцев. Борода курчавится и не выглядит безобразной. Усы, хоть и не выющиеся, аккуратно, не топорщась, смыкаются с бородой. Не подправлявшиеся на щеках волосы и заросшая шея отличают Ильича от опрятного туриста. Нет при нём и вещей, даже небольшого саквояжа.

Наконец, легковая машина тормозит. Пассажир тут же объясняет водителю, что плутает много дней и не знает, где вышел. Хочет уехать в аэропорт Банджармасина, но прежде надо посетить парикмахерскую. В ответ получает приглашение садиться. Им по пути. Знакомятся. Шофёр взял попутчика, чтобы не скучать в дороге. Юре страсть хочется выговориться с человеком. Он спросил, понимает ли его собеседник. Тот ответил:

– По всему видно, что ты иностранец, но для иностранца разговариваешь на индонезийском языке удивительно хорошо.

Попутчик отшутился:

– Значит, ещё не разучился разговаривать, пока плутал.

– Как? Долго странствовал?

– Как долго – сам не знаю, счёт дням потерял. Но долго.

– А как очутился в джунглях?

– Отбился от группы. Или меня местные специально отбили. Заподозрил что-то неладное и в удобный момент рванул от «опекунов». Хорошо, что не успели выпотрошить карманы. Документы и деньги на карманные расходы при мне. Я расплачусь за проезд. И на парикмахерскую должно хватить. На билет вышлют родственники. Надо только зарядить телефон и SIM-карту поменять, если потребуется.

– А какие местные отбили тебя от группы? И как?

– Предложили посмотреть их быт. А кто они, представления не имею. Какая-то деревенька в дебрях. У одних одеяния цивилизованных людей, другие – полуголые.

Ответы попутчика кажутся водителю вполне правдоподобными, беседа продолжается.

– Это даяки. Тебе повезло. Документы им не нужны. Деньги они бы потом взяли. Если это деревня людоедов, то им нужен был ты сам. Удивительно, что тебе удалось перехитрить их, и они прозевали твой побег.

– Не может быть. Какие людоеды в наше время? – изображает недоумение Юра.

– А я говорю, что ты счастливчик. Если бы не бежал, остался бы от тебя только голый череп.

Вот такие у меня соотечественники. И где же тебя носило?

– Ума не приложу. Ещё вчера был на каком-то хребте.

– Хребет Марату. Вблизи другого нет, – уточнил владелец авто.

– Выходил на какую-то мутную реку, но путь преградило огромное озеро или водохранилище. Куда бы я ни пошёл, всюду натёкался на воду. Пришлось уйти оттуда и от реки в противоположную сторону.

– Ничего себе, куда тебя занесло! Есть водохранилище на мутной реке Мартапуре. Тебе вниз по течению было бы ближе до аэропорта. До городка Мартапура от плотины водохранилища напрямую недалеко, километров тридцать. По реке чуть дальше, но там можно сплыть на лодке. Только довезут ли пассажира до города или окажется он в мире ином, всё зависит от того, с кем поплывёшь. От городка до аэропорта пассажирский катер ходит.

– Устал плутать между заливами водохранилища. Их там не сосчитать. Знать бы хоть правильное направление следования, так обошёл бы.

– Одно не укладывается в моём сознании, как тебе удалось столько проплутать по джунглям, а выйти в одежде, как из магазина.

– Мы оба мужчины и мне не стыдно, признаться. На второй день странствий я сообразил, что выберусь к людям нескоро. Свернул одежду и обувь в рулон и опоясался валиком. Так и путешествовал до подхода к трассе. Да вышла незадача – пиджак с рубашкой подсели. От дождей, наверное.

Водитель присвистнул, покачал головой.

– Умеешь ты заглядывать вперёд. Теперь неудивительно, что тебе удалось перехитрить даяков.

Юрий не стал доверяться первому встречному. Вместо повествования о самолёте и о пассажирах рассказал небылицу. Так у него больше шансов избежать беседы с полицейскими и быстрее оказать-я дома. Будто прочитав мысли, водитель спросил:

– Где дом? В Москве квартира?

Собеседник снова присвистнул, но, как показалось Юре, к москвичу его отношение не поменялось.

– Есть у нас участок автомагистрали с неофициальным названием «русская дорога». Умеют русские строить. Больше двадцати лет на участке не было ремонтов. Жалко, что не поладили с кем-то из нашего руководства и уехали не достроив.

Машина остановилась около двери парикмахерской. Ильич спросил:

– Чем я обязан за проезд? Чего стоит?

– Ты мне рассказами переплатил. Но сдачи у меня нет. Считай, что мы квиты, – добродушно отозвался водитель и распрощался.

Девушка парикмахер убедила юношу, что не надо удалять красивую бороду.

– Если её снять, то будет некрасиво смотреться часть лица, лишённая калимантанского загара. Чтобы не казаться неопрятным, достаточно подравнять на щеках, укоротить усы и убрать волосы с шеи.

И Юрий согласился на эксперимент с внешностью. Чувствовалось, что девушка, при её молодости, не новичок в профессии, а состоявшийся мастер.

После посещения парикмахерской выяснилось, что самолёт на Джакарту отправляется через четыре часа. Юра успел посетить магазины, где приобрёл дорожную сумку и одежду. Узнал он и адрес управления полиции в главном городе провинции Южный Калимантан. Билет в Джакарту приобрёл без проблем. Полёт в столицу Индонезии, на остров Ява, занял времени меньше, чем продолжались регистрация билетов и посадка. Зная, что рейс на Москву будет завтра, поселился в одной из гостиниц ближе к аэропорту. Здесь он проставил даты в туристической визе. Освежился и, поменяв одежду, стал больше похож на туриста. В городе соседствующие буддийские, католические и мусульманские храмы одинаково свято почитаются верноподданными прихожанами. Соседство их доказывает приверженность одних и терпимость других индонезийцев к религиям и их поклонникам. В городе без проволочек приобрёл билет на Москву.

Власти должны знать о месте падения самолёта. Необходимо сообщить его, чтобы родственники могли проститься с погибшими согласно их верованиям и обычаям. И Юрий, вернувшись в гостиницу, пишет письмо:

«Уважаемые сотрудники полиции. Мне известно, где находятся обломки самолёта рейса Манила-Джакарта, потерпевшего крушение в канун Нового года. То, что осталось от авиалайнера и от пассажиров рейса, находится под водой водохранилища на Мартапуре. Прошу предупредить аквалангистов, которым предстоит посетить затопленный салон. Зрелище внутри фюзеляжа не для слабонервных, и к этому необходимо морально подготовиться заранее».

Не имею возможности назвать координаты, но сообщаю ориентиры. Искать следует в заливе по форме близком к окружности. Он находится севернее западной оконечности полуострова, изрезанного множеством заливов. Это большой полуостров.

От западной точки до узкого перешейка у основания набирается пять сухопутных миль. В самом широком месте, на западе, суша простирается на две мили.

Стрелка на плане местности указывает место поиска. План прилагаю. Глубина до разлома в фюзеляже около десяти индонезийских футов. И это не в сезон дождей.

С уважением – доброжелатель».

Ильич отправляет письмо в упаковке для посылки, адресуя начальнику полиции в Банджармасине.

– Когда посылка из Джакарты придёт в Банджармасин и её получат, я буду уже дома. Организация поисков – дело чести индонезийских властей.

На таможне, не обнаружив недозволенных для провоза вещей, сотрудник пристально всматривается в лицо пассажира с разных ракурсов. Он словно пытается убедиться, что человек на фото и есть стоящий перед ним обладатель бороды.

В аэропорту Домодедово, самолёт индонезийской авиакомпании остаётся позади. Спускаясь по трапу Юрий ощутил себя полноправным россиянином и москвичом. От «калимантанца» остались лишь борода, покрывающий всё тело загар да воспоминания.

Сотрудники ведомства, которых непросто уловить чем-то, не смогли скрыть, насколько ошарашены появлением коллеги «с того света». Руководство ведомства оперативно ознакомилось с рапортом о командировке, предоставленным Юрием. Под предлогом необходимости пройти адаптацию, его отправили в трёхнедельный отпуск. Ему намекнули, что по выходу на работу его ждут продвижение по службе и присвоение «внеочередного» звания. Всё время пребывания на острове признано сроком командировки с причитающимися выплатами.

У Юлечки незамедлительно нашёлся утешитель. Он помогал несчастной девушке, когда же они «сбежали», исчез перед бракосочетанием. Объяснить Юле, что всё не так как ей представляется оказалось невозможным. Попытки переубедить её – пустая трата нервов и времени.

За время отпуска Ильич описал приключения россиянина на Калиминтане. Он представил своего героя туристом. Рукопись юноша отправил в редакцию литературного журнала в надежде, что «Необычные приключения обыкновенного туриста» будут опубликованы.